

Анатолий Севастьянов

Дикий урман

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=158817

*Дикий Урман: Верхне-Волжское книжное издательство; Ярославль;
1966*

Аннотация

Автор рассказывает о тайге – самом большом лесном массиве мира, ее самобытной природе и людях, оказавшихся в необычных, порой предельно опасных обстоятельствах.

«Дикий урман» – книга о том, как двое людей оказались в глухой тайге без огня, оружия и тёплой одежды. Несколько месяцев этим людям пришлось бороться с голодом и холодом.

Издание рассчитано на массового читателя.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	26
Глава 4	38
Глава 5	46
Глава 6	55
Глава 7	64
Глава 8	71
Глава 9	78
Глава 10	82
Глава 11	91
Глава 12	98
Глава 13	105
Глава 14	115
Глава 15	127
Глава 16	134
Глава 17	145
Глава 18	154
Глава 19	162
Глава 20	170
Глава 21	177
Глава 22	187
Глава 23	197

Глава 24	205
Глава 25	212
Глава 26	219
Глава 27	227
Глава 28	236
Глава 29	246

Анатолий Севастьянов

Дикий урман

Глава 1

Река текла без солнца. Текла не в берегах, а в стенах дикого, нетронутого леса. Громадные кедры уходили ввысь, и только где-то там, над ними, светлело небо... А тут, внизу, сплетались корни, чернели вывороты, стоял сумрак...

Только на плесах прорывалось солнце. Оно высвечивало дикую мощь и красоту тайги с ее обросшими лишайником стволами, с зеленым бархатом валежин, с провалами настоженной мглы.

Небольшой катерок «Волна» третьи сутки пробирался вверх по таежному притоку Оби.

На палубу поднялся моторист.

– Тайга-то какая! Во лесок-то! Как путешествие, Росин? – сказал он, вытирая концами руки, единственному пассажиру – молодому человеку лет двадцати шести – двадцати семи.

– Это не путешествие. Путешествие – когда сам идешь, а не везут тебя. Кстати, скоро меня привезете?

– Завтра к вечеру дай Бог добраться. Уж пятьдесят кило-

метров, как река считается несудоходной. А нам еще плыть да плыть. Ну ничего, теперь доберешься. Главное, на катер попал. А то ведь он в Тарьёган за всю навигацию только два раза ходит. Сейчас вот – в мае – да раз осенью.

Резкий толчок! Моторист чуть не свалился за борт и тут же юркнул вниз, в машинное отделение.

– Мель! Давай назад! – закричали у штурвала.

– Назад не идет.

– Ладно, стой. Подмывать будем.

Началась какая-то хитрая операция: подмыв мели струей от винта. Корма чуть влево, чуть вправо, чуть влево, чуть вправо, и так с полчаса. Но вот катер дрогнул и отошел назад.

– Хорош! Давай на нос!

Теперь катерок едва подавался вперед, а с носа длинной палкой щупали дно.

«Долгая песня», – решил Росин и отправился в каюту «мучить» английский – самую опасную мель на пути в аспирантуру.

И еще садились на мели, попали под винт коряги, но на следующий день «Волна» все же добралась до места.

Росин с набитым до отказа рюкзаком и ружьем в чехле вышел на берег.

«Вот он какой, Тарьёган!»

Деревушку со всех сторон обступила тайга, прижала к реке, будто собиралась столкнуть под берег.

Прочно стояли дома. У каждого – лабаз на четырех стол-

бах; собаки – по две, по три; в угоду старому хантыйскому обычаю – медвежьи черепа на кольях.

К катеру, как на пожар, высыпала вся деревня. Русских несколько человек, все население – ханты. Одежда вроде длинных рубах, подпоясанных сыромятными ремешками. У женщин и ребят расшита бисером. У всех на поясах ножи в деревянных ножнах. Даже у девочки лет трех миниатюрный ножик. По стертым ручкам видно: ножи тут – повседневное орудие труда.

Росина окружили и в упор рассматривали хантыйские ребяташки.

– Где мне найти председателя? – спросил он.

Самый старший, не отвечая, повернулся и что-то закричал по-хантыйски. Из толпы у катера вышел молодой хант и направился к Росину.

– Я председатель.

Он, пожалуй, дольше учился в школе, чем занимался промыслом, но уже председатель промыслового колхоза.

– Вадим Росин, охотовед. Прибыл к вам обследовать места под выпуск баргузинских соболей.

Вечером в правлении проходило собрание.

Сизоватый табачный дым плыл из открытой двери, а в самом доме все сине. Занавески на окнах давно уже пожелтели от никотина.

На скамейках степенно расселись ханты-старики. Кто помоложе, стояли вдоль стен, теснились в проходах. Тут собра-

лись все охотники деревни. Среди хантов было несколько русских.

Говорил председатель. Росин не понимал по-хантыйски ни слова.

Председатель кончил.

– Русским я сам объясню, – поднялся было Росин.

Все засмеялись.

– Не надо, – председатель тоже смеялся, – они по-нашему лучше нас говорят. Так куда советуем пойти охотоведу? – обратился он к старикам.

– Думать надо, – ответил один из хантов.

Трубки задымили гуще. Все молчали... Потом начали переговариваться, видимо советуясь друг с другом. Заспорили, зашумели, и вместе с ними председатель.

Но вот утихли. Только два старых ханта продолжали говорить.

Наконец все одобрительно закивали.

– Они предлагают, – перевел председатель, – осмотреть два места: Дикий урман и Черный материк.

– О чем же они спорили?

– Что лучше: урман или материк.

– Однако Дикий урман лучше подойдет, – подал голос до этого молчавший промысловик.

– Не лучше! – по-русски возразил старик и тут же по-хантыйски начал что-то возбужденно доказывать.

И снова общий спор...

– Ну вот, решили: Черный материк, – объявил наконец председатель.

– Что же, вы лучше знаете свои места. Пойду в Черный материк. А теперь помогите найти проводника, – попросил Росин.

– Яким те места хорошо знал... – вздохнул председатель. – Утонул.

– Пошто покойников поминать? Вон Федор отведет! – крикнули из угла. – Что, хуже Якима тайгу знает?

– Федор подойдет, – согласился председатель. – Как, Федор, отведешь в Черный материк?

– Однако можно, – отозвался один из русских, среднего роста мужчина лет пятидесяти.

– Вот и ладно... Пускай охотовед у тебя пока и остановится.

После собрания Федор повел Росина к себе.

– А как вас по отчеству? – спросил Росин.

– Почто по отчеству? Зови, однако, по-простому: Федор.

Шли через всю деревню.

Нигде ни одного замка: не понимают, зачем запирают двери.

– Вот и наша изба.

Изба была не ниже обычных деревенских изб, а срублена всего лишь из семи венцов.

Навстречу Федору выбежал громадный темно-бурый пес.

– Первый раз вижу такую лайку, – удивился Росин. – И

окрас необычный.

– Ладный пес. И по белке идет, и зверя остановит. А окрас, верно, один такой и есть в округе. Не лезь, Юган. Пошел на место! – Федор столкнул с груди собачьи лапы.

Вадим Росин вошел в дом. Бревенчатые стены, добротный самодельный стол, скамейки, кровать с цветным лоскутным одеялом. Почти в полдома печь. На ней связка лука. В углу ушат с водой, ухваты. У двери вместо веника глухариное крыло.

– Здравствуйте!

Из-за дощатой переборки вышла средних лет женщина.

– Проходите, что же вы у порога-то стали, – пригласила она, повязывая платок, – не часто гости такие бывают.

Росин вытер о медвежью шкуру ноги, поставил рюкзак и прошел в передний угол.

– Приготовь, Наталья, самовар, – попросил Федор.

– Да уж готов.

Она пошла к самовару.

– Оставь, – легонько отстранил он жену. – Уйду в урман, еще натаскаешься. – И, как будто извиняясь перед Росиным, добавил:

– Он у нас вон какой толстопузый, не по бабьим рукам.

Наталья нарезала толстыми ломтями черного хлеба, поставила глиняную миску с тушеным мясом, положила вилки с деревянными ручками.

– Подвигайся к столу, – пригласил Федор. – Надюшка,

слазь ужинать.

На печке зашуршал лук, из-под занавески показалась пара босых детских ножек, потом и сама Надюшка. Осторожно слезла с печки и, держа палец во рту, подошла к столу, не спуская глаз с незнакомого дяди.

Мать улыбнулась.

– Что надо сказать?

– Здравствуйте, – прошептала Надюшка и уселась на край скамейки.

Под столом вдруг раздался кошачий визг: Федор наступил коту на лапу. Надюшка замахала ручонками, и на глазах заблестели слезы.

– Ну что ты? – сказал Федор. – Он вырастет – мне наступит.

Надюшка засмеялась.

– Это у меня меньшая. Старший сын был. Да ты ешь, не стесняйся. Чай, не купленное.

Росин глянул на Федора, спросил несмело:

– А что же с сыном?

– Под медведя попал. Нашел берлогу и один зверя взять удумал. Стрелял, видно, да ранил. А вторую пулю зарядить не успел. Кинулся тот из берлоги, задел по пути лапой. Нашли – уже неживой. И патрон в руке.

– Сколько же ему было?

– Да уже тринадцать почти... – проговорила Наталья.

Росин поторопился перевести разговор:

– А ты еще в школу не ходишь?

– Не, по осени пойду, – ответила Надюшка.

– А букварь есть?

– Пока нету. Мне папка портфель купит, как у Ленки, – сказала Надюшка и заболтала босыми ножками.

...Проснулся Росин поздно. На выскобленном желтоватом полу солнце прорисовало окно. Жмурясь от яркого света, умывался на подоконнике кот.

Росин бросил на плечо полотенце, вышел к речке.

Федор постукивал в лодке, прилаживая сиденье. Наталья чистила речным песком помятый походный котелок. Надюшка вместе с матерью старательно терла песком игрушечное ведерко из консервной банки.

После завтрака Росин пошел на почту. Он легко узнал ее по высоким столбам радиантенны. Смуглая молодая хантыйка была там и радисткой, и начальником почтового отделения, и заведующей сберкассой, и, судя по приготовленному ведру с тряпкой, уборщицей.

– У вас не телеграмма? – сдвинув наушники, спросила она.

– Да, телеграмма.

– Тогда берите бланк, пишите, пока не кончился радиосеканс.

Росин быстро написал телеграмму.

– «Место обследования выбрал, – вслух читала радистка. – Отправляюсь Черный материк двести километров се-

веро-восточнее Тарьёгана. Росин».

Глава 2

Утром, чуть рассвело, вышли из дома. От реки тянуло свежестью. Вода не шелохнется. В деревне еще спали. Только собаки, как замшелые пни, расселись по берегу и безучастно смотрели на реку.

Все снаряжение в лодке. Наталья, прощаясь, наказывала Федору не мешкать в тайге. Дескать, пока орехи не поспели, крышу поладить надо.

– Не замешкаюсь, управимся с крышей, – отвечал он и давал свои нехитрые наказы, в которых, кажется, главное было – не спускать Югана, чтобы не ушел за лодкой в тайгу.

– Ну, путь добрый! – Наталья поклонилась. – Ба! Что же я в руках-то держу, – спохватилась она и заставила Федора взять узелок с испеченными накануне пирогами.

Федор оттолкнулся от берега веслом, и маленькая долбленая лодка легко заскользила по спокойной воде.

На Федоре была поседевшая от времени рубаха, такие же штаны, на боку большой охотничий нож в берестяных ножнах. В лодке лежала выдавшая виды одностволка, как обычно у промысловиков, небольшого калибра.

Росин был в новенькой гимнастерке, в брюках из «чертовой кожи». На голове коричневый берет. Через плечо в кожаном футлярчике фотоаппарат. В лодке объемистый зеленый рюкзак с блестящими пряжками. На нем двуствольное

бескурковое ружье двенадцатого калибра.

Свежий речной воздух заполнял грудь. Над головой было чистое небо, и только вдали на горизонте тянулась полоска ярких белых облаков. Эти далекие облака подчеркивали тот радостный простор, ту необъятную ширь, в которую плыла их лодка. Легкая долбленка неслась так, что у носа появились буруны.

– Видно, держал весло в руках?

– Приходилось.

– У приезжих это не часто. Другой в долбленку и сесть не смеет. А сядет – зараз носом в реку. Ты только не рви веслом воду, не спеши: устанешь скоро. А нам весь день грести. Та-перича дней пять только и делать, что грести. А там еще и на себе тащить придется.

Деревушка пропала за поворотом, но среди сосен виднелись низкие шалаши в два-три венца с двускатной берестяной крышей, какие-то сосуды, старые нарты, лыжи, истлевшая одежда.

– Это что такое? – Росин приподнялся в лодке.

– Хантыйское кладбище.

– Как же хоронят в этих шалашах?

– Да не сейчас ведь, раньше. Тогда и гроб не делали. Отпилят у долбленой лодки корму и нос, в нее и кладут. Чуть землю покопают, а сверху этот шалаш. Старухи по праздникам и кормить, и поить покойников ходили...

За кладбищем по берегам пошел кедрач и ельник. При-

чудливые корни вывороченных деревьев были похожи на сказочные существа, хранящие тишину тайги. Тут поневоле не плеснешь веслом. Все настроенно, тихо, и казалось, вот-вот из-за коряг появится медвежья морда.

Справа берег обрамляла длинная полоса желтого песка, слева до самой воды спускались заросли травы и кустарника.

– На карте Тарьёган – последний населенный пункт на этой реке, – сказал Росин. – Никаких селений больше не будет?

– В эту сторону не будет. Старое зимовье только. Тринадцать песков отсюда.

– Каких песков?

– А вот видишь, по одну сторону песок тянется. По другую нету. Повернет река – песок на ту сторону перейдет. Так тринадцать раз переменится песок берегом – и будет зимовье. Мы по рекам все песками мерим.

– Как же ими мерить? Один песок на двести метров, другой километра на два тянется.

– Это верно. Однако реки наши никто не мерил, верстовых столбов нету. Как скажешь, к примеру, где старое зимовье? У тринадцатого песка. Где кедрач хороший начинается? У осьмнадцатого песка. Ты не гляди – пески разные. Это если один с одним мерить. А десяток с десятком – на одно и выйдет.

– Я когда-то думал, тут кедры одни, пихты, лиственницы, елки с соснами. А здесь вон сколько берез, – сказал Вадим.

– Как же без березы? Она тут для всего нужна: на нарты, топорища, ручки, да мало ли... А что тебя по охотничьему делу учиться заставило? – неожиданно спросил Федор. – Что там у вас, под Москвой, охота шибко хорошая? Отец-то не охотой промышлял?

– Нет, не охотой! – Росин засмеялся. – Он у меня слесарем был. А в лес, правда, каждое воскресенье ходил. И меня другой раз брал. Я тогда еще в школе не учился. Вот, наверное, с того времени и привык к лесам. Потом все свободное время в лесу пропадал. Товарищ у меня – Димка, так нас с ним матери с фонарями ночью разыскивали. В каникулы с темна до темна в лесу. Охотились с луками. Ничего не убивали, конечно. А потом, в войну, ружье после отца досталось. Так вот и привык к лесу, и в институт такой поступил. А Димка ихтиологом стал, рыб изучает.

Росин помолчал, улыбнулся своим мыслям, потом продолжал:

– Мы с ним еще в четвертом классе путешественниками хотели стать. Потом узнали, что просто путешественников, без специальности, не бывает. Решили стать биологами. А позже, классе в девятом, оказалось, что и в биологии выбирать надо. Вот и выбрали... Так что, можно сказать, с детства мечта.

– А не наскучит по урманам-то мотаться?

– Тебе же вот не наскучило.

– Я привычный. А надоест если, тогда что?

Росин усмехнулся:

– В канцелярию сесть можно, в «табуретный рай», как у нас говорили. Туда и с нашей специальностью можно.

– Ну а женишься? Все одно, так и будешь в тайге? А она как?

– В экспедициях врачи тоже нужны... Федор, а это ведь тринадцатый песок.

– Вон и зимовье. – Федор кивнул на груды зеленых ото мха полуистлевших бревен. – Однако время чай варить.

Лодка прошуршала носом по песку и остановилась. Росин вылез, подтащил лодку подальше на берег. Достал из кармана блокнот с привязанным к нему карандашом и начал писать.

Синеватый дымок змейкой потянулся кверху – Федор разжег костер. Подвесил над ними отчищенный Натальей котелок, притащил из лодки мешок с продуктами, расстелил чистую полотняную тряпицу, поставил на нее кружки, положил хлеб.

– Полно писать-то, чай готов. Попьем – и дальше.

Росин подсел к Федору, взял кружку и с удовольствием начал потягивать пахнувший дымком чай...

– Ты допивай, а я вытаскивать пойду.

– Чего? – не понял Росин.

– Из лодки все. Тут перетаска.

Оказалось, река делала петлю, и с давних пор здесь перетаскивали грузы и лодки посуху, чтобы скоротать верст два-

дцать.

Сначала понесли лодку.

Валежник, растопыренные шишки, дорожки муравьев – совсем не часто ходили тут люди. По сторонам вперемежку и сосны, и ели, и кедры. А вот пихта. Деревья всех возрастов. И старые – в обхват, и вовсе молодые – чуть от земли.

Неожиданно тропинка нырнула вниз, прямо в темную от нависших ветвей воду.

– Смотри-ка, Федор!

На сосне, на виду у всех, кто пройдет этой тропкой, висело хорошо смазанное ружье.

– Ты чего по сторонам смотришь? – спросил Федор.

– Смотрю – есть, что ли, кто поблизости?

– Нет, паря, никого. Это с нашей деревни ханта берданка.

Пойдет на промысел – возьмет. Пошто ее в деревню таскать.

– А не получится: придет, а ружья нет?

– Куда же денется? – засмеялся Федор.

– А возьмет кто-нибудь! Ведь народ всякий бывает.

– Нет, свои не возьмут, а чужого народа здесь нету. А вон, гляди, береста – там у него припас патронов схоронен. Идем, что тут стоять.

Вот уже сколько раз встречался Росин и раньше, и тут, в Тарьегане, с этой простотой нравов, с полнейшим доверием хантов. Но это всегда удивляло его. А теперь особенно. И как же не удивляться: даже ружье можно хранить в лесу, на сучке, так же надежно, как дома.

Вскоре представился случай еще раз убедиться, как верны здесь люди своим обычаям. После недолгого отдыха, когда опять легко работалось веслом и отплыли уже километра два, Федор вдруг спохватился:

– Обожди-ка. Давай к берегу! Забыл на стоянке. Вернуться нужно.

Еще не поняв, в чем дело, Росин вылез на берег и принял у Федора вещи.

– Ты погоди здесь, на порожней-то мигом обернись.

Федор сильно оттолкнулся веслом, и долбленка быстро заскользила по течению.

– Да чего ты забыл?! – крикнул Росин.

– Забыл...

«Чего забыл? Таган, кажется, сказал. Какой таган? Вроде никакого и не было», – подумал Росин и, устроившись поудобнее на берегу, опять достал свой блокнот.

В стороне что-то зашуршало, Росин взглянул туда. От берега отвалился кусок земли и, рассыпаясь, покатился вниз...

Росину всегда было приятно видеть такое: и как посыпалась сама по себе земля с берега, и как на твоих глазах упала ветка с дерева. В такие минуты начинаешь чувствовать, что ты опять стал своим в тайге, она перестала тебя дичиться и открывает тайны до этого загадочных шорохов и звуков.

Темно-бурая с белыми крапинками птица размером чуть меньше галки села на елку.

Кедровка. Росин сидел неподвижно, и, не опасаясь его,

птица перепорхнула к стволу и забралась в гнездо. «Как обычно, с южной стороны устроила», – отметил Росин и уткнулся в блокнот.

Не успел исписать и трех страниц, а Федор уже вернулся.

– Ты чего забыл? – спросил Росин, заглядывая в лодку.

Но в лодке пусто.

– Таган поставить забыл.

– Какой таган?

– На который котелок вешали.

– Да мы же его на обыкновенную палку вешали.

– Таган эту палку зовут.

– Зачем тебе она? Неужели на другом месте нельзя еще срезать? Покажи, что за палка, ради которой стоило два километра туда и обратно ездить.

– Обыкновенная палка, с зарубкой для котелка.

– Ничего не понимаю, – пожал плечами Росин. – Зачем же ты ездил?

– Мы, как с места снимались, забыли таган в землю воткнуть. Ты котелок снял – таган бросил. А у хантов обычай: уходишь – не бросай на землю, воткни рядом с костром, чтобы другим на новое время не тратить и деревца не губить. По этому тагану и место для привала с реки заметить можно. Я, паря, с рождения среди этих людей, и нарушать их обычай мне не пристало...

Говорил Федор всегда ровно, спокойно. В нем сразу угадывался человек, который не может таить зло. От его откры-

того взгляда, мягкого, спокойного голоса, несуетливых движений исходили умиротворение и спокойствие.

Песок за песком оставались позади лодки. Солнце уже низко. Побаливали от работы руки. Река петляла: то справа солнце, то слева, то сзади...

Высокий желтый яр подковой охватил плес. В вышине, на яру, красными колоннами уходили ввысь стволы могучих сосен, и казалось, за их вершины зацепились пенно-белые облака.

– А ты в Калинин не бывал ли? – неожиданно спросил Федор.

– Бывал. А что?

– Посмотреть охота. Ведь я вроде бы тверской.

– А в Сибирь как же попал?

– Дед сюда в кандалах пришел... Подальше надо от яра. – И Федор повернул лодку. – Тут то осыпь, то сосна. Бывает, грохнется.

Вдруг как гром загремел над берегом. Это тысячекрылая стая гусей тучей поднялась над прибрежной поляной. Бросив в лодку весло, Росин торопливо щелкал фотоаппаратом. Федор что-то кричал, но Росин не слышал его: слишком велик этот шум.

– В тундру, сказываю, летят! Там, поди, лед еще, так они пережидают.

Растянувшись широкой полосой, гуси полетели вверх по реке.

За яром берег был сплошь завален мертвыми деревьями.

– Помнишь, на собрании про Дикий урман сказывали? Вот здесь река на два протока расширяется. Один как раз к урману пошел. – Федор кивнул в сторону захламленного мертвыми деревьями берега.

– Где же там проток? Гора бурелома, и все.

– Сразу не углядишь. Давай поближе подчалим.

Осторожно, чтобы не ткнуться в полузатопленные деревья, Федор подвел лодку к завалу. Между нагромождениями бурелома хорошо было видно что-то вроде грота.

– Сюда протолкаешься и попадешь в проток. Километров триста до урмана. Это по речке. Напрямую, ясно, ближе. Только прямо не пройдешь: болота. А места там богатые. Кедрачи хорошие. Валежника – ногу сломишь. Для ваших соболей лучшего места не найти.

– Да, но большинство решило, что Черный материк самое удобное место, – ответил Росин, продолжая с интересом рассматривать необычный грот.

– Оно верно, самое удобное. Ни завалов, ни болот. И соболей туда на катере подвезти можно. А в Дикий урман на нашей лодчонке не во всякую пору пробьешься. У нас по этому протоку ни охотник, ни рыбак не плавают. Редко, кто по молодости, удаль вроде свою показать. И я как-то пробрался... Жаль, вот туда и зимой несподручно. Пешком – далече, на оленях тоже нельзя: мха там для них нету, кормить нечем. А то бы лучшие места для ваших соболей. Все так говорили.

– Как все? А сколько на собрании спорящих было? И надо полагать, большинство за Черный материк высказалось, коли нас туда направили.

– Не о том спорили. Худо вот, по-хантыйски не понимаешь. Ведь о чем спор: можно в Дикий соболей отвезти али нет? Кабы решили, можно, почто бы в Черный материк идти. Разве с Диким урманом сравнишь.

– Неужели спорили только о том, можно ли приехать? Да ведь мы же соболей на самолетах отправим. Прямо на место. Зимой каждое озеро – аэродром. Ведь озера там есть.

– Озер хватает. Вся наша тайга озерами да болотами изъедена... Вон, значит, как: по воздуху соболя прилетят. Хитро. Тогда, паря, только в Дикий урман надо. Почто кое-как делать, когда хорошо можно.

Росин в сердцах оттолкнулся веслом от топляка и направил лодку к берегу.

– Ведь я же просил собрание указать мне лучшие массивы кедрача, и все! Какое им дело, можно туда проехать или нет?

– Как же так, какое? Для нас делается, для промысловиков. А какой нам прок, если ты место поглядишь, а соболей подвезти нельзя? Вот и решили: пускай место будет похуже, зато соболей подвезти можно. А что они по воздуху прилететь могут, никому невдомек. У нас по воздуху только почта летает да доктор иной раз... А чего сердиться, вот она, дорога в урман. Повернем туда.

Росин достал карту.

– Это уже будет край Васюганских болот... Перепад воды метр на сто километров. И там, значит, этот урман?... – в раздумье говорил Росин. – Но ведь я сообщил в управление, что отправляемся в Черный материк. К середине июля должны вернуться. А успеем мы к этому сроку вернуться из Дикого урмана?

– В июле, однако, вернемся... Обязательно надо, пока вода не сбудет. Спадет, там уже не проплывешь... А пешком болота не пустят. Поторопимся... А если письмо отправить надо, так завтра утром отправим. У нас тут своя почта. Верно, не шибко быстрая. Да тебе и не к спеху.

Федор завернул письмо в бересту, очистил от коры длинную палку и заострил с одного конца.

– Ну, вот и все.

Воткнул палку в берег, а в расщеп вверх вставил завернутое в бересту письмо.

– Рыбак какой-нибудь заметит – заберет на почту.

Белая береста ярко выделялась на темно-сером фоне бурелома.

– Ну что ж, теперь можно и в Дикий урман, – сказал Росин. – Федор, а что это за затеска? Вон, на пихте.

– Охотник собаку звал.

Федор вытащил из-за пояса топор и обухом с силой ударил по затеске. Глухо, но мощно, как тяжелый колокол, загудела от удара пихта... Верно: удобно звать собаку – далеко слышно.

Глава 3

Лодка так же легко, как по реке, заскользила и по протоку. Плыли будто по ущелью, только по сторонам не скалы, а высокая кедровая тайга...

Но с каждым поворотом кедрач становился все ниже, и вскоре лодка выплыла на открытую равнину. Впереди простиралось в туманной сини обширное болото, поросшее молодым, только поднявшимся хвощом. Местами торчали редкие, чахлые сосенки. То здесь, то там, вытянув длинные шеи, перелетали утки.

Сколько Росин ни греб, все те же берега, все тот же хвощ, все те же, казалось, сосенки...

Но как ни велико болото, есть край и у него... Опять по сторонам встали деревья. Тут прямо не пробьешься: запетлял проток. Накренились над ним подмытые водой ели.

Все уже полоса чистой воды. Ее сжимали заросли кубышек. Их желтые цветы и круглые ременчатые листья стояли неподвижно. Торчали покрытые зеленой слизью топляки. Густые ветви скупно пропускали солнце.

На куст ивняка вспорхнул рябчик. Чуть пригнув хохлатую головку, посвистел соседу на той стороне речки.

– Началось. – Федор кивком головы указал вперед.

Поперек протока высилась целая баррикада из старых, с опавшей корой деревьев. С торчащих, как рога, сучьев сви-

сали космы выцветших водорослей.

– На берег выбираться надо. Смотри, как накрестило.

– Да и там не лучше, – отозвался Росин.

– Там хоть под ногами твердо. Выгружай, на руках лодку перетаскивать будем.

– Смотри-ка, Федор, дальше еще завал! – удивился Росин.

– Теперь всю дорогу так будет, недели полторы. И еще, однако, хуже. Не забоишься?

– Ну что ты!

– Как знаешь. Погоди уж, не опускай лодку, потащим сразу за другой завал. Остерегайся, на сучья не напорись.

Что-то мелькнуло сбоку. На кривой внизу ствол березы прыгнул горноста́й. По шероховатой коре он легко взобрался метра на два, и теперь из-за ствола выглядывала любопытная мордочка. Росин опустил лодку и побежал к березке. Горноста́й с проворством белки взобрался вверх и был уже в кроне дерева. Росин поправил ремешок фотоаппарата и полез на березу. Подобрался к горностаю почти вплотную: протяни руку – и достанешь. Обхватив ногами ствол, Росин освободил руки и навел фотоаппарат на зверька. Горноста́й настроженно смотрел в объектив и вдруг бросился в лицо. Росин чуть не свалился с дерева, а горноста́й, проскочив возле уха, уже сидел на конце дальней ветки. Росин опять навел фотоаппарат и сделал несколько снимков.

Около березы под старым гнилым пнем была нора. Где-то там, в глубине, под корнями, гнездо, выстланное перьями

птиц, шкурками и шерстью съеденных горностаем мышей и полевок. Может быть, там уже были маленькие горностайчики. Чтобы не тревожить больше зверька, Росин поспешил уйти. Лодку спустили на воду... Несколько гребков веслом – и за поворотом еще завал. А уж за ним проток, казалось, сплошь завален деревьями.

– Так только кажется. Кое-где и там понемногу плыть можно, – подбадривал Федор.

Проталкиваясь между стволами, медленно двигалась лодка.

Вот оба вылезли на дерево, лежавшее поперек протока, и под ним протолкнули лодку.

Но дальше завал – не протолкнешь. И берега крутые.

– Придется, паря, за топоры.

Вместе со щепками летели брызги. Ухало в воду одно бревно, вздрагивало под ударами топоров другое... Лодка постепенно уходила в прорубленное окно, как под мост. Теперь уже рубил только стоящий на носу Росин. Федор сидел на корме и, ухватившись за бревна, держал лодку. Ухнуло в воду очередное бревно, и весь завал над головой неожиданно шевельнулся, осел. Оба инстинктивно сжались... Но завал не обрушился.

С опаской посматривая вверх на толстенные валежины, Федор вытолкнул лодку назад. Не спеша закурил, внимательно осматривая завал. Росин положил топор и, растерянно улыбаясь, смотрел то на Федора, то на завал.

– Дай-ка топор, – попросил Федор. – У меня, поди, навыка-то поболе.

Прежде чем рубить, Федор долго осматривал, даже ощупывал каждое дерево... И все кончилось хорошо. Долбленка выплыла из-под завала с другой стороны.

– Так, паря, прорубились, теперь маленько поплывем.

Проток превратился в кладбище лесных великанов. Вековой кедр, поваленный ветром и временем, перегородил собой речку, падавшие деревья сносило течением и прижимало к его корявому стволу. Весеннее половодье приносило бурелом, и так из года в год рос огромный завал. В иных завалах деревья лежали так плотно, что даже солнце не могло пробиться к воде. Вода под ними казалась черной, и из темной глубины изредка показывались громадные полосатые окуни, караулившие добычу среди обглоданных сучьев.

– Опять прорубаться будем?

– Нешто этот прорубишь! Берегом тащить придется. Давай как-нибудь вылезай.

Росин по завалу выбрался на берег. Придерживаясь одной рукой за ветку ивняка, другой брал у Федора вещи и складывал на землю.

Синица-гаичка прыгала по веткам березки, осматривала наросты лишайника, заглядывала в торцы сломанных сучков, в развилки веток.

– Слышишь, бурундуки заговорили? По всей тайге. К дождю, – сказал Федор, подавая рюкзак.

На берегу, на поваленном дереве, сидел на задних лапках нахохлившийся полосатый бурундучок и время от времени трункал, не обращая внимания на людей. Росин давно уже, к неудовольствию Федора, наводил на бурундука фотоаппарат то с одной, то с другой стороны.

Лодку приходилось то поднимать над головой и протаскивать поверх сучьев, то проталкивать по земле в просвет под завалом, а то просто тащить на спине, обдирая о сучья лицо и руки. Росину к тому же надо было стараться не задевать за сучья фотоаппаратом.

Все на Федоре было уже не один сезон ношено. И эти посеревшие от дождей брюки, и эта линялая, примявшаяся по костям рубаха. Только бродни совсем новые. И он вроде жалел их, старался получше выбирать дорогу.

...За тучами не видно, село ли солнце. Но по сгустившемуся в тайге сумраку чувствовалось: пора готовиться к ночлегу.

Небо изредка освещали молнии. Погромыхивал гром.

– На нас туча накатывается. – Федор покосился на небо и туже натянул брезент на остов шалаша.

Росин сел на валежину. Как обычно, в последнее время по вечерам было немножко грустно. «Вернусь из тайги, напишу отчет и обязательно, хотя бы денька на два, в Москву, к Оле... А потом снова в урманы можно...»

Молнии сверкали все чаще, ярче и ближе – то трещиной, то разветвленным корнем, то сплошной вспышкой. Грохот

– даже в ушах звенело. Вдруг в самой толще тучи вспыхнул слепящий зелено-белый огонь. Через мгновение погас, но туча еще горела каким-то жутким, фосфорическим зеленым светом.

Ударили по брезенту упругие струи дождя. С новой силой рвали ночь синеватые вспышки. Деревья, протока, трава высвечивались из крошечной тьмы, видениями незнакомо-го мира.

Ветер метался в вершинах. То тут, то там раздавался треск ломающихся стволов, шум падающих деревьев.

– С таким ветром дождь недолго будет, – проговорил Федор, удобнее укладываясь в шалаше.

Росин лежал на ворохе травы и слушал, как гибли деревья. Но усталость взяла свое... И вскоре он уже не слышал ни шума ветра, ни треска ломающихся стволов, ни громовых раскатов...

Среди ночи разбудил Федор:

– Гарью что-то пахнет.

Путаясь в брезенте, вслед за Федором Росин выбрался из шалаша. Одна сторона неба была озарена густо-красным заревом.

– Ну и поддыхает.

– И тайга горит. На нашей речке, однако, откуда вчера свернули. Вечер там пуще, чем тут, сверкало... И насверкало... Сюда бы огонь не повернул.

– Мы же на реке. Чего бояться?

– Ишь ты, река! Тут на обоих берегаххватишь лиха.

– Да от нас до пожара километров тридцать.

– Меньше, однако. Да хоть бы и так. А верховой пожар в ночь до двухсот верст проходит. От него и зверь уйти не может, хоть загодя чует, белки на лету горят... Однако ветер от нас заворачивает. Иди досыпать.

Федор угрюмо смотрел на колышущееся зарево. Гибла тайга, и он бессилён был помочь ей. Он хорошо знал те места, и для него пожар был личным горем.

...Росину казалось – только положил голову на охапку травы, а Федор уже тормозил:

– Вставай. Светло.

Под мокрым брезентом не хотелось даже шевелиться, но надо вставать.

Утренний туман курился над речкой. Росин укладывал в лодку снятый с остова брезент, Федор нес к ней мешок и ружья.

– Смотри-ка, – прошептал Федор, глазами показывая на ту сторону протока. Там, среди поднявшейся травы, лосиха лизала большеухого рыжего лосенка. Он неуклюже расставил длинные, ещё непослушные ноги. Увидев людей, лосиха подтолкнула его мордой и потихоньку, чтобы не отстал, побежала в заросли ивняка. Росин пожалел, что ещё мало света, нельзя фотографировать.

Над сонной водой застучали топоры.

– Прибавила, паря, гроза работы. Гляди, по реке сколько

свежих деревьев за ночь подвалила.

– Ничего, пробьемся.

Над головой прошумели мощные крылья. Неподалеку, на вершину кедра, сел глухарь. Росин потянулся за ружьем.

– Обожди, рано, – остановил Федор, хотя до кедра было не больше сорока шагов. Неторопливо протолкал лодку к самому кедру.

Глухарь вытягивал шею, ворочал головой и смотрел вниз. Ни тени страха, только любопытство.

– Почто не стреляешь? – удивился Федор, глядя, как Росин, поцелившись, опустил ружье.

– Это не охота. Все равно что домашнего петуха пристрелить. Никакого интереса. Ведь мясо есть пока.

– Да уж можно бы и подзапастись.

– Такого через завалы таскать не согласишься.

Росин замахнулся на глухаря и свистнул.

Ко, ко, ко! – тревожно заклокотал глухарь и переступил на ветке. Ветка закачалась, глухарь потерял равновесие, замахал крыльями, но не удержался и полетел.

– Ну и в дебри ты меня завел. Глухаря не прогонишь, пока сам не свалится.

Вдруг Росин махнул ружьем и, кажется, не успел даже приложить к плечу, а раздались два быстрых выстрела. Федор краем глаза видел: что-то мелькнуло над головой.

– Давай к берегу, – сказал Росин. Быстро выскочил и вскоре принес из ивняка пару маленьких чирков-свистунков.

– Ловко, паря! Мастер стрелять. Я в тумане и усмотреть не успел.

– Вот этих легче таскать. Да они и вкуснее.

Кедрач отступил, и в низине, как засыпанные снегом, показались заросли черемухи. Не сломлена ни одна ветка. Только для себя цветет тут черемуха. Все заливал пьянящий запах, особенный, смешанный с запахом кедров.

Но дальше опять сдвинули берега, и опять в протоке хаос мертвых деревьев.

Руки уже привычными движениями то вынимали из лодки вещи, то снова укладывали.

Только на редких болотах отдых. Уж там ни завала, плыви да плыви, смотри, как перелетают с места на место утки, как бегают по мелкой воде кулички, как солнце дробится в ряби болотных окон.

Но не каждый день попадались болота, и потому под вечер обычно не держали ноги.

Едва только останавливались на привал, Федор уже собирал хворост, обламывал тонкие веточки с засохших еловых лап, клал их под хворост и с первой спички разжигал костер. Огонь тут же охватывал сухие ветки, и, пока Росин развязывал мешок с продуктами, у Федора уже пылал жаркий, почти без дыма, костер. Котелок всегда висел там, где было как раз столько жара, чтобы в нем хорошо кипело, но не переливалось через край. Готовил Федор мастерски: и быстро, и, главное, уж очень вкусно. Дымила уха из окуньков, кото-

рых Федор таскал прямо из-под берега, шумел чай, заваренный погуще, чтобы не пах древесной прелью.

Потом упругая постель из веток, и ночью приятный сюрприз: увидели, как напротив, в речке, купались выдры. Они ныряли, кувыркались в воде, ловили один другого за хвост, ловили свои хвосты. Наигравшись, начинали свистеть, призывая мать. Выдра накормила их рыбой, и выдры пропали под берегом: ушли спать. А выдра бесшумно вылезла из воды и принялась кататься в траве. Каталась она довольно долго, а потом старательно вылизывала шерсть.

Теперь проток с каждым днем становился уже. Над головой сцепились ветки ивняка, растущего на обоих берегах. Лодка плыла, как в зеленом тоннеле.

Поперек протока, почти касаясь воды, лежало толстое бревно. Федор направил лодку к берегу и вылез. Вылез и Росин, собираясь разгрузить лодку.

– Подожди, – остановил его Федор, – сейчас подниму, а ты протолкни долбленку.

– Это бревно поднимешь? – удивился Росин. Не отвечая, Федор взялся за комель и медленно выпрямился, приподняв бревно. Росин торопливо протолкнул лодку Федор там же медленно опустил бревно на место. Росин подошел к бревну и тоже попробовал поднять. Куда там! Даже не шелохнулось. А ведь в институте с нормой третьего разряда по штанге справлялся без всяких тренировок.

Вскоре не стало и тоннеля. Проток обмелел, и посреди

него кустарник рос так же буйно, как по берегам. Лодку тянули бечевой. Росин грудью напирал на веревочную лямку, а Федор лез впереди, прорубая узкий проход в ивняке. Поперек протянулся довольно толстый сук. Федор поднял руку, без всякого усилия повернул его. Крепкий сук хрустнул, как будто тонкая хворостина.

Под водой то и дело попадались трясины, ямы. Провалившись в одну, Федор чуть не утопил топор.

– Давай лучше стороной, посуху потянем.

Но и тут не легче: заросли старого тростника, малинника, молодой крапивы. Заросшие мхом, перепутанные поседевшими травами буреломы и здесь вставали поперек пути. От пота саднило глаза, горели натертые грудь и плечи.

Федор предложил:

– Отдохнем малость.

Росин сел на нос лодки и, как всегда в свободные минуты, достал блокнот.

Федор сидел, привалившись спиной к валежине, и смотрел на заросшего щетиной Росина.

– Что ты все пишешь?

– Места здесь хорошие. Записываю, что бобров на вашей речке поселить можно: ивняка по берегам много, осинника. Берега в большинстве случаев для нор пригодны. И ондатра тут приживется: заросших стариц, озер много. В общем, пока до Дикого урмана доберемся, два попутных обследования сделаю: под выпуск бобров и ондатры.

Со лба на блокнот упали капельки пота. «Да, – подумал Федор, – эту работу только за деньги не сделаешь. Еще шибко тайгу уважать надо».

– Вставай, однако. Нужно по большой воде обернуться, а то ведь ни проплыть, ни пройти будет.

Глава 4

Федор обернулся, приподнял руку.

– Тише...

– Что?

– Конец, отмаялись! Слышишь, чайки кричат? На озере.

Тут их два: одно поменьше, другое большое, Щучьим прозвано. За Щучьим и Дикий урман.

И вот наконец лодчонка, добела истертая о траву и стволы деревьев, легко заскользила по чистой воде. Теперь работа веслом казалась уж слишком легкой. Долбленка быстро пересекла маленькое озерцо, прошла проток и заскользила по свинцово-серой воде Щучьего озера.

– Ишь вода-то, как в ложке, не шелохнется, – сказал Федор.

На залитых солнцем берегах желтыми сережками цвела ива. Издали казалось, что это и не кусты, а высокие стога.

Вспугнутые лодкой утки, чуть пролетев, тут же плюхались на воду и как ни в чем не бывало продолжали заниматься своими утиными делами. Красноголовые нырки подпускали почти вплотную. Фотографируя их, Росин израсходовал не одну пленку.

– Сюда бы наших подмосковных охотников. Они бы приучили их к порядку! – Росин засмеялся, провожая взглядом чирка, взлетевшего почти из-под весла.

Федор положил весло и достал из котомки небольшую досечку с намотанным на нее прочным пеньковым шпагатом. Шпагат, чуть ли не с карандаш толщиной, оказался леской. На конце ее блестели самодельная блесна и крючок. Казалось, такая приманка не поместится ни в одной щучьей пасти. Но блесна и крючок были отшлифованы о траву и воду. Видно, владелец уже не один год пользовался ими.

– Эту еще ни одна щука не обрывала, – довольно за метил Федор, увидев, с каким изумлением Росин рассматривает леску.

Блесна сверкнула желтой медью и скрылась в воде позади лодки.

Федор взял леску в зубы, перекинул за ухо и снова принялся грести.

Кое-где по озеру зеленели пучки молоденького тростника. Глубина под лодкой была вряд ли больше полутора метров, но длинный кол не доставал дна, легко уходя в толстый слой жидкого ила.

– Рыбы тут – как в садке, – не выпуская из зубов лески, проговорил Федор. – Тут ее только птицы ловят.

Федор хотел сказать еще что-то, но леску сорвало с уха, он бросил весло и, быстро перебирая руками, стал подтягивать добычу к лодке. Рыба упорно сопротивлялась, но Федор, не обращая внимания на рывки, тянул леску, благо надеялся на прочность снасти. Всплеснув водой, в лодку ввалилась большая зеленая щука. В ней было никак не меньше пяти кило-

граммов. Она шевелила жабрами и разевала зубастую пасть, стараясь освободиться от крючка. Федор потянулся было к блесне, но тут же отпрянул: щука бешено забилась, подпрыгивая и ударяя хвостом по борту. Только удар веслом заставил ее затихнуть.

Росин достал небольшую рулетку, смерил щуку. Потом в маленький пакетик положил несколько чешуек и сделал пометку в блокноте.

– Почто тебе это? – заинтересовался Федор.

– Димка просил. Я тебе говорил – ихтиолог. Для него и меряю. А по чешуе он возраст определит.

Блесна снова играла позади лодки. Раззадоренный быстрой удачей, Росин не спускал глаз с лески. Но она свободно тащилась за лодкой, только изредка напрасно настораживала, цепляясь за траву.

Скоро не стало и этих слабых рывков – лодка вышла на глубину. Тут уже не было ни торчащих из воды тростников, ни камышей. Перед глазами только зеленоватая вода большого озера. А дальше, у самого горизонта, темно-синяя полоса леса.

– Вот это и есть Дикий урман, – сказал Федор. – Теперь, пожалуй, скоро не возьмет: далече от берега. – Он накрепко привязал леску к лодке и взялся за весло.

Над озером, высматривая добычу, летела скопа. Кричали и кружились чайки. Маленькие острокрылые крачки держались ближе к берегу. Заметив рыбешку, они с разлету бро-

сались вниз, бесстрашно врезааясь головой в воду. Одна за другой проносились парочки уток.

– Ишь, крылья звенят, как колокольцы. Гоголи. – Федор проводил глазами утиную стайку.

Все дальше один берег, все ближе другой. Росин и Федор уже хорошо видели полосу тростников, обрамляющую берег возле урмана. У этой полосы плавали и взлетали утки. Птиц почти не было видно, только блестящие на солнце круги воды указывали место, где они поднимались или садились... Но вот круги стали едва заметны: темное грозное облако закрыло солнце. Над озером, нагоняя рябь, потянул легкий, но уверенный ветерок.

– Вовремя успели, – сказал Федор. – Теперь до большой волны в тростник забьемся. Только подналечь надо. Ишь, облако настоялось. Давненько на него поглядываю. Будет...

Он не договорил. Долбленку резко дернуло в сторону. Федор бросил весло и схватился за гудящую леску.

– Правь леской! Такого черта скоро не возьмешь! На крючке была какая-то очень крупная рыба. Леска стремительно резала воду, металась из стороны в сторону. Росин, изо всех сил налегая на весло, едва успевал смягчить рывки.

– Не леска – веревка, а того и глади, лопнет! – кричал он Федору.

То слева, то справа рассекала леска воду. Но вот натянулась впереди и так потащила лодку, что вода закипела у носа.

– Вот это штука! Вот кого бы тебе измерить, – говорил

Федор, удерживая снасть обеими руками.

Леска ослабла... Натянулась снова... Опять ослабла.

– Выдыхается. Попробуй подтянуть, – предложил Росин.

Федор тронул на себя леску. Она тут же вырвалась из рук и рванула лодку. Долбленка черпнула бортом.

– Гребите по ходу! – крикнул Федор.

Росин быстро заработал веслом.

– Кто же это? – удивился он, выправив лодку по ходу.

– Щука, должно быть. Кто же еще? Другой такой рыбы здесь нету. Ишь дергает! Перевернет, проклятущая. Не давай дергать: гребите, да не очень, пусть сама тянет. Не сом – быстро выдохнется. Измотаем – возьмем.

На мгновение показался плавник. Раскрывшись, как большой зеленый веер, он тут же ушел в воду, оставив над собой бурун.

Леска натянулась, как струна, резко пошла в сторону. Росин круто развернул лодку и поставил по ходу: От рывка откинулись назад. Опять зашумела у носа вода. Но снова леска в сторону. Удар веслом. А леска уже пошла к корме. Росин крутил долбленку на месте, окатывал себя и Федора снопами брызг.

А в борт уже били на глазах растущие волны.

– Гляди, как подуло. – Федор показал головой. – Ишь, волны заворочались. Вон уж барашки замелькали. Не бросить ли? Смотри, куда утянула от берега.

– Что ты, Федор? Она для науки нужна. Таких ведь не часто встретишь. Неужели не вытянем?

Леска опять ослабла. Росин осторожно, опуская в воду весло, направил лодку вперед. Федор потихоньку, не натягивая, выбирал леску. Подталкиваемая волнами лодка подходила к невидимой в воде щуке. Вот уже показалась красная сигнальная тряпочка, привязанная неподалеку от крючка. Люди впились глазами в воду. Но волны мешали хоть что-нибудь рассмотреть. Росин еще раз опустил весло, Федор подобрал слабину, и голова чудовища показалась у борта. Росин замер от изумления. Судя по этой башке, щука не меньше двух метров! Федор крепче сжал леску и глазами показал на ружье. Росин, сдерживая дыхание, положил весло и потянулся к ружью. Весло соскользнуло с борта, стукнуло о дно, щука метнулась вглубь, лодку рвануло!., И через секунду оба барахтались в почти ледяной воде.

Одежда тянула ко дну. Волны накрывали, не давая вдохнуть. Перевернутая лодка мелькнула раз, мелькнула другой и скрылась в волнах. Видно, щука оттащила в сторону.

– Доплывешь ли? – крикнул Федор.

– Плыви, плыви! – отозвался Росин, кое-как избавляясь от тяжелых сапог.

Берег то показывался, то скрывался в волнах. Ветер дул

навстречу. Вода набиралась в рот, в нос, хлестала по глазам, а берег, казалось, не приближался. От холода деревенело тело. В любой момент судорога могла свести ноги, и тогда все.

Росин оглянулся. Голова Федора мелькала среди волн.

Холодная вода и напор волн быстро отнимали силы. Пытаясь передохнуть, Росин перевернулся на спину, но волна тут же захлестнула его, заставив хлебнуть воды.

Росин оглянулся – позади зеленая колыхающаяся вода. Федора не было.

«Неужели... Не может быть!»

А волны сразу стали злее...

– Федор! Федор!

В ответ только шум темно-зеленых бурунов. Руки и ноги как чужие, вот-вот откажут. «Уж если смерть, то должно случиться что-то особенное, а тут просто-напросто перевернулась лодка, и из-за этого меня может не стать. Погибнуть так нелепо, в каком-то озере, за сотни километров от людей. Нет!» И он из последних сил продолжал плыть.

А ветер крепчал, подхватывал с волн пену и рвал ее в клочья.

Вдруг среди воя ветра и волн Росин услышал шум над головой: над ним лебедь. Прижатый ветром почти к самой воде, он шумно махал крыльями, оставаясь на месте. Даже эта сильная птица не могла выдержать. Широко распахнув крылья, она отдалась во власть ветра, и ее тут же отшвырнуло куда-то далеко назад.

Глава 5

Утренний ветер шевельнул ветки и сразу прогнал висевшие на них клочья тумана. Солнце еще не взошло, но чайки уже были золотисто-алыми. А вот за озером из-за полоски леса поднялось и брызнуло на деревья, тростник, траву солнце.

Росин сжал пальцы и почувствовал в них песок. Открыл глаза. Он лежал у самой воды. Пологие волны подкатывались и лизали ноги.

Провел рукой по лицу, размазывая напившихся комаров: И руки и лицо вспухли от укусов.

Поднялся на ноги и побрел по берегу.

На песке, раскинув руки, лежал Федор. На корявом суку над ним сидела пара воронов.

Грудь Федора медленно вздымалась и опускалась. «Живой!» – обрадовался Росин и замахнулся на птиц. Вороны неохотно слетели.

– Федор! Федор!

Федор зашевелился, приподнялся на колени и с трудом встал на ноги. Его трясло от холода.

– Как же ты, репейная голова, весло уронил?

– Что я, нарочно? Вот ты зачем в леску вцепился? Держал бы послабже, и все.

– Ладно, после драки кулаками не машут.

– Ружье жалко. И фотоаппарат. А негативы... Пропали все негативы. И гуси и горностаи...

– Чего уж теперь... Надо раздеться, что ли, просушиться. Вешай все с себя на кусты – пусть пообсохнет.

– Ну и холодина! – Росин стянул с себя рубаху. – Солнце совсем не греет.

В тростниках крикали утки. То здесь, то там всплескивала рыба, оставляя на воде расходящиеся круги.

– Спички надо просушить. – Федор направился к одежде. – У костерика сразу отойдем.

Подошел к висящим на кусте брюкам, вывернул карманы. Пусто.

– У тебя спички есть?

– Нету. В куртке остались.

– Попали в проруху. Ни лодки, ни ружей, спичек даже нету. Только вот нож в ножнах на поясе и остался. Все потонуло.

– Хорошо еще, сами не потонули. Да лодка, она же деревянная, не утонет.

– Сыскать ее нужно, а то отсюда не выберешься... Долго тебе урман смотреть надо? И как без всяких там приспособленьев справишься?

– Минимум недели две нужно.

– Да пару недель на обратную дорогу – месяц, – прикинул Федор. – Месяц еще можно. Поболе даже вода подержится. – Прищурившись, Федор посмотрел на озеро. – Вон оно какое.

Угадай, куда ее щука упрет. Разве только леска порвалась. Если так, к тому берегу надо.

А тот берег чуть синел на горизонте.

– Ну что, продуло, поди, рубахи?

– Кажется, просохли.

– Одевайся, идем. Теперь некогда расслаживаться. А ты и сапоги утопил?

– Утопил.

– Худо без сапог. Под ноги лучше смотри.

Тайга подступила к самому озеру. Кедр, пихта, ель, изредка березы. Расползлся в стороны плаун. Сучья деревьев начинались от самой земли. Вглубь ничего не видно: угрюмая темно-зеленая мгла.

«Недаром называют это место Диким урманом», – подумал Росин.

– Федор, может, здесь и нога человека не ступала?

– Не то чтобы не ступала, а следов не найти, редко бывают люди.

Комары, если не отмахиваться ветками, тут же покрывали лицо и руки.

Со сломанного сука липы рыжая белочка драла для гнезда лыко.

Темная, в белых крапинках кедровка, едва заметив людей, пронзительно закричала и спугнула белку.

На сухой валежине столбиками поднялись два бурундучка, третий расположился на кусте шиповника. Все рыжева-

то-серые, все с пятью черно-бурыми полосками на спине.

– Сколько тут бурундуков, – сказал Росин. – Хорошо. Ведь это один из основных кормов соболя.

Зелень молоденьких сосенок слилась с нижними ветками взрослых деревьев, образуя упругую зеленую стену.

– Смотри-ка, Федор, а от меня две тени. – Росин кивнул на зеленую стену. – Первый раз такое вижу.

– Чего же такого? Два солнца – одно в небе, другое в озере – вот и тени.

– Да это понятно. А все-таки интересно – две тени. Ах, собака!

Росин схватился за палец, уколотый об острый, как сло-манная кость, сук.

– Сказывал, под ноги гляди! А то – по сторонам, «тени»... Шибко?

– Да нет, ничего, сейчас пройдет.

Федор сел на валежину, нагнулся снять бродни. Рядом, подставив мордочку лучам солнца, грелась небольшая ящерица. Кожа под ее горлышком быстро поднималась и опускалась.

Федор поспешно встал и, косясь на ящерицу, отошел в сторону.

– Ты чего, Федор?

– Идем отсюда, от этой твари ползучей. Сроду терпеть их не могу, что змей, что этих.

– Эти же не ядовиты.

– Все одно. Такая же мразь холодная, ползучая. Идем по-дальше, сладим тебе обувь.

Федор снял свои новые бродни и отрезал голенища...

Почему-то Росин только тут по-настоящему понял серьезность их положения. Неожиданно из-за этих бродней стало понятно, что это не просто приключение, а что-то куда более серьезное.

Федор распорол голенища по швам.

– Иди-ка, ставь ноги.

Росин наступил на куски кожи. Федор ловко прорезал по краям дырочки, продернул в них по ремешку, выкроенному из этих же голенищ, и, загнув вверх края кожи, стянул ремешками под ступней. Ноги оказались как в коротких кожаных мешочках.

– Спасибо, Федор. Только можно ли ходить в таких... тапочках, что ли?

– Можно. Вот это болотце пройдем, кожа на ноге обомнет-ся, удобней всякой обуви будет.

Как коралловые бусы, рассыпана по мху перезимовавшая клюква. Росин уселся возле ягод.

– Не торопись, Федор. Пока не наедемся как следует, не уйдем отсюда.

Федор тоже опустился на колени.

Мало-помалу оба исползали, очистили от ягод чуть ли не полболота.

Ду-ду-ду – застучал на взлете крыльями здоровенный бо-

родатый глухарь.

– Ишь, рядом кормился, а мы и не заметили. – Федор проводил взглядом птицу. – Идем, нешто этой ягодой наешься, оскомину только набьешь. За болотцем опять бурелом.

– Смотри-ка, Федор, какие цветы!

В низинке, у впадающего в озеро ручейка, росли удивительно крупные незабудки.

– Ты лучше в озеро гляди, в тростники. Не проглядеть бы лодку, – сказал Федор.

В мелколесье, возле ручья, всюду заливались птицы. «Варакушка, дрозд-рябинник, северная пеночка», – узнавал по голосам Росин.

То и дело с земли, из ельничка, взлетали рябчики и садились тут же, на первое попавшееся дерево.

– Вот ведь сколько мяса, – сказал Росин. – И совсем рядом подпускают.

Он с силой швырнул обломок сука. Рябчик вспорхнул, и палка ударилась о еловые лапы.

– Он, чай, не мертвый, видит, куда палка летит.

Над головой, возбужденно переговариваясь, косяк за косяком летели гуси. Из тростника вдоль берега то и дело поднимались утки. Над яркой синью воды летели два снежно-белых лебедя.

Тростник становился все шире. Приходилось влезать на деревья, чтобы сквозь заросли просматривать воду.

...Километр за километром пробирались вдоль берега.

Уже давно потеряли счет деревьям, на которые приходились влезать. А лодки все не видно.

Наконец вышли на лосиную тропу.

– Хорошо, хоть идти удобно.

– Лоси умеют тропу проложить.

Солнце клонилось к верхушкам деревьев. Все больше и больше появлялось комаров.

– Вот бы, паря, твой пузыречек, – вспомнил Федор. – Помазал малость – и не берет комар. Хорошая была штука.

Комары забирались даже под одежду. Хотелось спрятаться от них куда-нибудь в траву, зарыться в мох.

Но надо было идти, искать лодку, снова и снова взбираться на деревья.

– Повремени малость, – сказал Федор, присаживаясь на валежину. – Не по моим летам вроде уж по лесинам-то лазить. Руки чего-то устали.

– Не в летах дело. Я тоже измучился, как собака.

– А может, потом передохнем? Пока не стемнело, поищем, а там и совсем на ночь остановимся, – сказал Федор, а у самого дрожали от усталости руки.

– Я уж отдыхать настроился. Ну ладно, не стоит, действительно, светлое время терять.

Федор медленно полез на пихту, а Росин отправился вдоль берега к очередному дереву.

– А, будь ты неладна!

– Ты чего там, Федор?

– Чуть не сорвался. Совсем, однако, руки не держат.

– Это от голода.

– Вода силы поотняла: столько проплыли. Да и не евши тоже.

Росин пробрался к намеченной елке и полез на нее, пробираясь меж ветками.

– Федор! Федор! Иди сюда! Лодка.

За широкой полосой прибрежных тростников, у кромки чистой воды, было хорошо видно перевернутую вверх дном лодку.

– Ты, паря, там сиди, направляй, а я полезу.

Раздевшись, Федор вошел в воду и, зябко поеживаясь, побрел к лодке, шурша раздвигаемыми тростниками.

– Полевее возьми! Левее чуть! – кричал Росин.

Глубина прибывала. По грудь... по плечи... по шею.

Подался вправо, влево – везде глубоко. Поплыл. «Вот и нашли, – подумал Росин. – Это главное. Теперь есть на чем выбраться отсюда».

Он опять отстранил мешающую смотреть еловую лапу и обмер: Федор взгромоздился на перевернутую «лодку», встал на ней во весь рост, а она не шелохнется.

– Лесина горбатая застрянула!

Ежась от холода и комаров, Федор натягивал на мокрое тело рубаху.

– Мы по тростникам рыщем, а ее, может, рыба таскает. Почем знать?

– Чего же делать будем?

– Искать, чего же. Без лодки дело худо.

Из тайги на озеро ползли сумерки.

– Готовь шалаш, – сказал Федор. – А я вон с той со сны еще обгляжу, тростник тут шибко густой.

По сплетению толстых, подмытых водой корней Федор подошел к стволу и с трудом полез вверх. Росин ломал для шалаша еловые ветки.

Вдруг что-то прошумело и тяжело ударилось рядом. Федор приглушенно вскрикнул и застонал. Росин подскочил к сосне. Под ней, скорчившись, лежал Федор. Его нога застряла между корней. «Сломал!» – догадался Росин, глядя на неестественно согнутую ниже колена ногу. Он осторожно приподнял Федора, освободил ногу из змеиного клубка корней. Выше коротких, обрезанных бродней на широкой ссадине проступали и сливались капельки крови.

Глава 6

Рысь насторожилась. Пугающий незнакомый запах заставил ее вспрыгнуть на толстый сук кедра. Отсюда низкий утренний туман не мешал осмотреть поляну. Там, где еще вчера не было ничего, стоял шалаш, плотно укрытый еловыми лапами. Вход был загорожен елочкой и заткнут травой.

...В лучах восходящего солнца незаметно растаял туман, и так же незаметно ушла от опасного места рысь.

Лучик солнца нашел в шалаше щелку и разбудил Росина. Федор лежал рядом. Росин посмотрел на его ногу, затянутую в наспех сделанный лубок, надвигающиеся пальцы рук. «Не то спит, не то нет. Глаза закрыты, а пальцы двигаются. Впрочем, они у него всегда двигаются, даже во сне без дела оставаться не могут».

Федор тоже открыл глаза и, нахмурившись, смотрел куда-то сквозь низкую крышу шалаша.

– Как нога?

– Терпит... Спину что-то грызет. Расшиб, видно. Попали в проруху. Пошто было тебя сговаривать? Плыли бы тем путем. Спадет вода, пока нога держит.

Федор чуть шевельнулся, и лицо стало белей бумаги.

– Что с тобой? Может, повернуть как?

– Помолчи, – спокойно ответил Федор, а руками до белизны пальцев сжал сухую траву подстилки.

«Ему нужна срочная медицинская помощь. Что же делать? – думал Росин. – Ждать, пока спохватятся и придут на помощь? Но ведь это три, минимум два месяца. А вдруг начнется гангрена?»

Тело Федор расслабилось, пальцы выпустили траву, голова упала набок.

– Принеси, паря, напиток.

Росин оттолкнул прикрывавшую вход елку, вылез из шалаша и растерянно огляделся по сторонам. «А в чем же принести? Даже шапки нет».

– Из бересты сверни, – подсказал Федор.

Росин содрал кусок бересты, свернул конусом, а чтобы не раскручивался, защебил расщепленной палкой и принес воды.

– Давай посмотрим, что с ногой, – предложил Росин.

Федор чуть заметно кивнул.

Нога посинела, распухла. Росин осторожно снял лубок, легонько протер ссадины мокрым лоскутом от майки, положил свежий сфагновый мох.

– Теперь берестой оберни потолще, – попросил Федор. – Потом уж палками обложишь. Федор напился, отставил берестяной черпак к темно-зеленой стене шалаша. Росин обернул ногу берестой и опять накрепко затянул.

– Усну малость. Вроде бы полегчало.

– Только осторожнее, ногой не шевели. Не гипс.

Росин срезал пышную моховую кочку и положил под го-

лову Федору.

– Пока спишь, что-нибудь на завтрак попробую раздобыть: черемши или хотя бы клюквы.

Росин прикрыл ветками вход в шалаш – поменьше будет комаров – и зашагал вдоль берега.

«Да, это, конечно, перелом. Только непонятно, – думал Росин, – одной берцовой или обеих?... Все-таки, видимо, одной. Иначе бы, наверное, нога как плеть висела...

Вроде затянул правильно...»

Впереди зашумело. В траве билась птица. Росин подбежал ближе. Это был гусь-гуменник. Когда до него оставалось шагов двадцать, он перестал биться и, волоча крыло, побежал к озеру. В другую сторону метнулся какой-то зверек. Было видно, как раздвигалась трава, где он бежал. «Кто же напал на гуменника?» Росин бросился наперерез зверьку и увидел, как тот шмыгнул в кустарник. «Горностаи!» И вдруг Росин со всех ног пустился за гусем... Но птица уже добралась до воды, теперь ее не взять.

«Вот уж не к месту привычка, – досадовал Росин. – Надо бы гуся ловить, а я пустился выяснять, что за хищник. Как будто это сейчас важнее».

Гусь, тревожно вертя головой, торопливо плыл к тростнику.

«Такая добыча!» – Росин сокрушенно покачал головой.

Над тростниками вились чайки, перелетали утки, вдали точками чернели на воде нырки, над головой стая за стаей

летели к северу гуси.

«Всюду дичь, а попробуй добудь хоть что-нибудь с одним вот этим ножом. Почему-то совсем не видно черемши. Она бы сейчас была кстати».

Росин вздрогнул от резкого птичьего крика. Стая чаек шаркнулась в сторону, а мимо пронеслось что-то темное и с разлету ухнуло в воду, вздыбив каскады брызг. Через секунду громадная бурая птица поднялась в воздух с крупной, извивающейся в когтях щукой. «Орлан-белохвост», – узнал Росин. Птица, подобрав лапы, прижимала к себе добычу.

Тяжело махая широкими метровыми крыльями, орлан пролетел мимо и скрылся за соснами. Росин, пробираясь по мелколесью, направился к этим соснам.

Гнездо орлана увидел сразу, как только обошел сосняк. Большущей кучей хвороста темнело оно высоко над землей на сучьях корявой сосны. Хозяев гнезда уже не было. Росин торопливо вскарабкался на дерево. Вот и гнездо. Схватился за край, из-под руки – шмыг! Чуть не сорвался, отдернул руку, а это только воробей, что устроился в гнезде орлана. Росин забрался выше – и вот она, щука. Пара большеглазых птенцов терзала ее. Один намного меньше другого, но у обоих когти – как у больших орланов. Оттолкнул птенца поменьше, схватил щуку и тут же вскрикнул от боли: второй птенец яростно вкогтился в руку. Стиснув зубы, Росин затряс рукой, пытаясь стряхнуть остервеневшего птенца. Тот орал во все горло, но не разжимал когтей. Свободной рукой

Росин выхватил из гнезда сук и ткнул им в птенца. Вдруг сзади шорох крыльев. Обернулся – в лицо ударила упругая волна воздуха. Перед глазами – клюв и когти огромного орлана. Росин увернулся за ствол. Орлан взмыл вверх и снова понесся на него со страшным клекотом. В распахнутых крыльях больше двух метров. Гнев этой сильной птицы, спасающей птенцов, ужасен. Она уже пробиралась меж сучьев, стараясь вцепиться когтями в дерзкое двуногое существо. С проворством белки Росин спустился ниже и, улучив момент, махнул суком. Из орлана дождем посыпались перья. Это сразу охладило его воинственный пыл. Теперь он летел с клекотом вокруг сосны и не решался на новую атаку. Росин слез и, не бросая палки, заторопился от гнезда в глубь леса...

А там тайга жила своей обычной жизнью. Степенно показывали верхушками старые ели, трепетали молодые листочки осин, полосатый бурундучок пробежал по прошлогодней хвое и юркнул в лапки маленькой елочки. Суетились на своих дорогах муравьи, тоненьким свистом перекликались рябчики.

У небольшого холмика возле норы затеяли возню пять шустрых остромордых лисят. Рыжий клубок вертелся перед норой, и было непонятно, чья голова, чей хвост, чьи ноги. В суматохе кто-то всерьез пустил в ход зубы, кто-то огрызнулся, схватил невинного соседа, тот – другого, клубок рассыпался – все врозь, и каждый скалил зубы.

Вдруг самый маленький испугался – к норе, и все за ним!

Мелькнули хвосты, лапки – и нет лисят!.. Но тревога как будто ложная. Лисята вылезли, и каждый, не глядя на других, занялся своим делом: один, сладко зевая, щурился на солнышко, другой свернулся калачиком, а третий, склонив набок остроухую головку, с любопытством наблюдал за жужжащим шмелем. Четвертый, видно проголодавшись больше других, безуспешно старался разгрызть старую, брошенную кость.

Сидящий в стороне лисенок вскочил и, наострив уши, стал смотреть в кусты. Все, как по команде, тоже подняли головы. Кое-кто, то ли радостно, то ли виновато, замахал хвостиком. Вот все запрыгали и завизжали! Из кустов вышла лиса. В ее зубах был грузный, отливающий металлом тетерев. Она положила его, и тут же в него вцепились зубы лисят. Вдруг резкий свист!

Лиса в кусты, лисята в нору, а к брошенному тетереву подбежал Росин.

– Не делом занялся, – говорил потом Федор. – Ишь как промышлять задумал. У лисят стащил. У птиц отобрал. Прилети парой, они бы тебе глаза повыдрали.

– Сырым, что ли, есть будем? – Росин держал в руках чисто ощипанного тетерева. – Сырым придется. Что, не вкусно?

– Голод меняет вкусы.

Федор принялся неторопливо жевать сырое мясо.

– Самим промышлять надо. Тут карасей пропасть.

Наутро, лежа на спине, Федор показывал Росину, как плетется верша.

– А тут вот так прут загибай. Смекаешь?

– Ясно. Мальчишкой сам корзинки плел. Тут почти так же.

Долго сидел Росин среди вороха прутьев, вплетая их в вершу.

...Наконец нож в ножны, вершу на спину – и к озеру. Вдоль берега темно-серая полоса из погибших комаров или каких-то похожих на них насекомых. Местами эта полоса – метров четыре-пять шириной.

«Тут не то что караси – киты кормиться могут», – подумал Росин, прикидывая, куда бы поставить вершу.

Неподалеку виднелась упавшая сосна. Ствол над водой, вершина в озере, и как раз там, где в тростниках расходились круги от крупной рыбы.

С вершей на спине Росин тихонько переступал по стволу. Добрался до вершины, утопил вершу и повернул обратно.

У самого берега, в тине, зашевелился над водой плавник большого карася. Но вот черная толстая спина повернулась – карась мог уйти. Росин всем телом ухнул на него. Подняв грязное от тины лицо, быстро шарил под собой. Но карася не было. Росин встал. Отряхнул лохмотья тины, а под ногами – бульк! И перепуганный карась, лежавший рядом, метнулся в сторону. Росин за ним. Вот он! Цап! Да где там – только тина.

– Ты чего, Федор, такой хмурый? Опять нога? – спросил

Росин, выжимая рубаху.

– Нет, паря, как не шевелишься, особо не болит. Нескладно получилось... Искать ведь будут. Весь Черный материк обшарят – и нету. Хлопот-то людям! А мы вон где – в другой стороне вовсе.

– Подожди, Федор, почему же в Черном материке искать будут? А письмо?

– Нет письма... Помнишь, в одном месте особенно полыхало? Так это навал сушняка возле протоки горел... А письмо, сам знаешь, с ней рядом было.

– Почему же ты мне сразу не сказал об этом?

– Кто же знал, что эдак приключится? Вернулись бы к сроку, почто и письмо нужно.

– Вот, значит, как. Никто не знает, что мы здесь! И нечего надеяться на чью-либо помощь... Нога заживет в лучшем случае месяца через два. Но ты же говорил, что спадет вода и отсюда не выбраться?!

– Верно, в ту пору и со здоровыми ногами отсюда не уйдешь... Добро бы хоть припас был. Дожили бы до той весны.

Росин опустил на землю скрученную, не выжатую до конца рубаху и сел с ней рядом. «Дела...»

Возле речки, в зарослях черемухи, вовсю распевал соловей-красношейка.

– Нет, тут оставаться нельзя. Надо во что бы то ни стало найти лодку – и назад... Положу тебя в долбленку, как-нибудь выберусь.

– Полно, вдвоем с топорами насилу прорубились... Только если одному тебе выбраться... Скажешь там... Может, самолет пришлют.

«Может быть, правда, выбраться одному? Вылетит вертолет и заберет его. Но как же он тут один? В лучшем случае доберусь недели за две. Что он будет делать? Шевельнуться не может. И есть нечего... Нет, тогда он так и останется в этом шалаше».

– Нет, Федор, одному тебе оставаться нельзя.

Федор не ответил. Он лучше Росина понимал, что означало остаться одному.

«Ну вот, Оля, и сбылись твои тревоги, – думал Росин. – Мы, кажется, действительно попали в незавидное положение. Никто не знает, где мы... А мы за сотни километров от людей, за топами, без ружей, без одежды и даже без огня... Вдруг у Федора начнется гангрена? Ведь здесь и паршивенький аппендицит смертелен».

Глава 7

Ветерок сдувал с елок зеленый туман. Все тихие затоны озера припудрила пыльца цветущих елок. В тайге сильно пахнет еловая пыльца. Сколько Вадим ни бывал в экспедициях, каждый раз, вновь попадая в тайгу, он не переставал дивиться этим не знающим границ дебрям, этим рекам, с тысячными стаями дикий гусей на плесах, этим бесчисленным, кишашим рыбой озерам. Сравнить все это с какими-нибудь лесами или озерами в обжитых местах – все равно что сравнивать перевернувшую лодку щуку с каким-нибудь несчастным пескарем. Почто на лесину лазил?

– Смотрел, не дымит ли где. Чем черт не шутит. Вот бы и огонь... Знаешь, Федор, посмотрел сейчас сверху: ни конца, ни края тайге. Кажется, и не выбраться отсюда.

– Выберемся. Руки только не опускай. Никто не при– вез сюда, сами пришли. Сами и выйдем.

– Как у тебя нога?

– Да вроде бы ничего.

– Давай посмотрим.

– Опять тревожить?

– Шины снимать не будем. Может, так что увижу.

В местах, которые можно было осмотреть, нога выглядела нормально. «Кажется, все в порядке, – думал Росин. – Если бы началась гангрена, пора бы появиться каким-то при-

знакам, хотя бы красноте, что ли... и чувствует себя он нормально».

– Вроде все хорошо, Федор.

Федор не ответил. «Чего уж хорошего – сломана нога». Росин подошел к ямке, сдвинул траву. Под ней лежали пойманные вершей крупные, как лапти, бронзовые караси.

– Не могу больше есть сырую рыбу.

– И у меня, однако, душа не принимает.

– А есть – жуть охота. Надо как-то добыть огонь. Может, из кремня высечь?

– Фитиль нужен. Или трут. А их без огня не сготовишь.

– А может, трением попробовать?... Как-то пытался в школе – не вышло. Может, силенки маловато было?... Попробую! Ведь добывают же индейцы.

Возле шалаша вырос ворох сухого хвороста. Появилась натеребленная тончайшими полосками береста. В дупле добыты сухие гнилушки, которые, казалось, затлеют от малейшей искры.

Росин взял пару палок, сел поудобнее и принялся вначале медленно, потом быстрее и быстрее тереть их одну о другую.

Федор приподнялся на локтях, ожидая, что будет... Палки залоснились. На лице заблестели капельки пота. Дыхание участилось. Двигая руками, Росин как можно сильнее прижимал палку к палке. При каждом движении с лица срывались капельки пота.

Федор приподнялся повыше.

– Кажется, паленым пахнуло?

Росин кивнул и из последних сил продолжал тереть залоснившиеся палки. Руки двигались неуверенно, рывками. Наконец они бессильно опустились... А когда вновь приобрели способность двигаться, Росин встал и с силой отшвырнул палки.

– Больше того, что сделал сейчас, мне не сделать.

– Не похоже, что этак огонь добыть можно. Горящее поле-но три – огонь сотрешь, а ты хошь, чтобы загорелось. Видно, иначе как прилаживаются.

– Да, пожалуй.

Росин побрел к озеру. Смыл пот, утерся рукавом.

– Стяпай-ка вон ту березку, – кивнул Федор на небольшое, роста в два, деревце. – Полотенце сделаю.

– Полотенце?

– Давай, давай березку. Сучья обруби, кору обчисти.

Лежа Федор соскабливал с березки тончайшие, но длинные стружки, похожие на спутанные ленточки идеально белой материи и ничуть не похожие на древесину.

– У хантов по сю пору эти стружки в ходу. Лишних тряпок на промысел не носят. И лицо ими утирают, и посуду, и патроны этой же строганиной запыживают.

Из-под ножа, ленточка за ленточкой, набрался большой белый комок. Росин приложил комок к лицу.

– А ведь правда утираться можно. Ни за что не скажешь, что древесина! Удивительно: березовое полотенце!

Откладывая березовый кол, Федор вдруг побледнел.

– Опять ногу подвернул?

Федор чуть заметно кивнул.

– Слушай-ка, а если тебя в лодку и волоком через завалы, пока вода держится? – несмело предложил Росин, комкая полотенце.

– Пустое. Сам дорогу видел. Да и лодка – где она? Искать надо, без нее и в другую весну не уйдешь.

...Из трех сухостоин Росин связал узкий длинный плот.

– Ты долбленку и по озеру посматривай, не только по тростникам, – наставлял Федор. – Может, мотается где.

– Хорошо, везде смотреть буду.

Росин оттолкнулся шестом. Плот медленно развернулся и поплыл вдоль берега.

Изредка, с надрывным кряканьем, вылетали из тростников утки... Солнце и сверкающая рябь мешали смотреть. Шест вяз в иле. Местами полоса тростников была так широка, что приходилось забираться в нее. Подминая тростники, плот оставлял за собой дорогу. С лица Вадима капал пот... Поплескав водой в лицо, он опять брался за шест, и снова монотонно хлопала в бревна вода.

«Пора, пожалуй, и отдохнуть, – решил Росин и направил плот в разрыв в тростниках. – Тут до самого берега чисто – легко причалить».

Росин приколол плот шестом, перешел поляну и с удовольствием улегся в тени, раскинув натруженные руки...

Но блаженство было недолгим. Появились комары. Росин поднялся и замер: на поляну выкатился медвежонок. Сам меньше собаки, а держался смело. Без опаски подбежал к плоту, понюхал и принялся лакать воду.

«Здесь можно попасть в неприятную историю. – Росин озирался по сторонам. – Появится мамаша... Тут оставаться нельзя. Этот несмышлениш может заметить и затеять игру. Тогда вовсе несдобровать».

С опаской оглядываясь, Росин побежал к плоту. Увидев человека, медвежонок перестал лакать, склонил голову набок.

«Все! Вот он, плот. Теперь наверняка отчало... А что, если?...»

Росин схватил медвежонка за шиворот. Малыш, обиженный таким обращением, взвыл что есть мочи. Росин оттолкнул плот. На поляну выскочила медведица. От резких, сильных толчков плот оседал в воду, шест гнулся в дугу, вот-вот сломается. Но медведица плыла быстрее. Медвежонок широко расставил лапы и скулил, боясь свалиться с плота. Разъяренная медведица, прижав уши, настигала. Росин отшвырнул ногой медвежонка – пусть забирает! Но тот, вместо того чтобы плыть к маме, карабкался на плот. Мохнатая фурия рядом! Росин бросил шест – и с головой в воду! Медведица ткнула мордой медвежонка и повернула к берегу. Малыш, всю работу лапами, торопился за ней.

Звери выбрались на берег, отряхнулись. Медвежонок, по-

лучив для порядка затрещину, припустил с поляны. За ним вразвалку пошла мамаша.

Росин взобрался на плот и принялся стаскивать мокрую рубаху. Медведица оглянулась и, увидев его с поднятыми руками да еще с рубахой на голове, как-то по-своему поняла этот жест и злобно рявкнула. Росин чуть не упал, схватил шест и заторопился подальше от берега, поглядывая на медведицу.

Долог день перед белыми ночами. Но и его только-только хватило, чтобы до темноты вернуться к шалашу.

Федор неподвижно сидел у шалаша. Сидел прямо и прямо держал голову, но глаза были закрыты – он спал. Видимо, нашел положение, при котором притупилась боль в спине. Поза для сна, конечно, была неудобной.

– А я поджидал: в лодке приплывешь, – разочарованно сказал он.

– Нет. Весло вот нашел, а лодки в тростниках нету.

– Неужто все по озеру ее таскает?

– Не видел.

– В ту вон траву не утянула ли? Видишь, по правую руку?

– Был там. Нету.

– Вот напасть. Может, под воду уволокла? Вокруг коряги какой лесу замотала. Силы у нее хватит.

– Ты ел чего?

– Карася жевал. Давай и ты поешь. Росин махнул рукой:

– Давай лучше спать.

...Всю ночь стоял непрерывный, нудный писк комаров. Голову приходилось прятать в сено. Вокруг непроглядная мгла. Шуршали в листьях и траве мыши, лазали в рыхлой подстилке, ворошили сено под ухом.

– В рот заберутся, – ворчал Росин и стучал кулаком по подстилке.

Мыши стихали. Опять совал голову в сено. Душно, пыльно, осока царапала лицо, но зато не было комаров.

Не успел Росин как следует заснуть, крепкие пальцы сжали плечо.

– Где вата?! Ты выбросил ее?! Она была...

– Лежи, лежи, Федор, ты что? – принялся успокаивать Росин. – Какая вата? Ложись, ложись на место.

– Да очнись ты! – рассердился Федор.

– Что с тобой? Я думал, ты бредишь.

– Надо вату. Когда искал спички в твоих штанах, в заднем кармане была.

– Откуда она там?... А пожалуй, верно, есть. Как-то про-
живитель фильтровал. Да зачем она тебе?

– Как огонь добыть, припомнил!

Глава 8

Бесшумно летящая болотная сова резко шарахнулась в сторону. Из шалаша, поеживаясь от утреннего холода, вылез Росин и чуть свет отправился в тайгу.

Когда солнце поднялось над вершинами и лежащий на озере туман оторвался от воды, Росин вернулся с парой коротких досок, выстроганных ножом из найденных в буреломе щеп.

– Теперь все есть. Повременим, покуда роса пообсохнет, и попытаем... Давай-ка бересту помельче натеребим, чтобы как паутинки, как порох.

– Куда же еще? И так уж мелко.

– Не ленись. Не загорится – всё. Ваты только на раз.

Поднялся и растаял туман над озером... Мало-помалу подсохла роса...

Федор оторвал от ваты примерно треть и чуть поплевал на нее.

– Без этого нельзя. Надо, чтобы плотнее скаталась, – пояснил он, скатывая клочок ладонями.

Скатал, завернул в оставшуюся вату и опять осторожно скатал.

– А я, паря, лежу и вспомнил: маленьким был, мужики у нас – спичек нету, а они прикуривали... На, бери.

Росин положил сигарку из ваты между досок и принялся

осторожно двигать взад-вперед верхней доской. Чем плотнее скручивалась вата, тем быстрее становились его движения.

– Чувствуешь, Федор, паленым запахло?

– Води, води руками быстрее. Хорош! Давай!

Росин отнял доску, Федор схватил скрученную вату, разорвал и подул. В середине огонек, как на кончике папиросы!

– Федор, огонь! Огонь же!

– Почто орешь? На, разжигай!

Росин припал к хворосту. Обложил вату берестой и принялся раздувать тлеющий огонек. Тончайшие нити бересты свертывались, как живые, и вдруг вспыхнули язычки пламени.

– Ура! Федор! Ура!

– Так-то, паря, так! Горит, елки-колючки!

Язычки разбежались по веткам, лизнули сухую хвою, и вот вся куча, треща и стреляя искрами, пылала большим, веселым огнем.

Росин вскочил и колесом, с ног на руки, с рук на ноги, завертелся по поляне.

– Ишь ты, полубелый, шею свернешь. Полно! – уговаривал Федор, а самого только больная нога удерживала на месте.

– Ну что, Федор, карасей будем жарить?

– Можно... Почто палку берешь? Давай в глине, так вкусней.

Росин отобрал пару самых крупных карасей, обмазал сло-

ем глины и зарыл в пышущие жаром угли всю пылавшего костра.

– Как дым навернул, спасу нет, курить охота. Сверни хоть листочков каких.

Росин сделал маленькую сигарку из прошлогодних листьев. Федор затянулся и чуть не задохнулся от едкого, удушливого дыма.

– Не годится.

– Может, что-нибудь другое завернуть?

– Не, повремени покуда. Пока пекутся, чайку, паря, надо устроить.

Росин притащил с берега десяток ровных, с куриное яйцо, камней, отмыл и положил в костер на угли. Федор с трудом согнул спину, приподнялся и сел.

– Ты чего? Опять разболелась?

Федор чуть повернул больную ногу руками и снова осторожно лег.

– Почему ты не можешь попросить меня? Даже перевязываешь сам. Неужели не так сделаю?

– Полно. Сам справлюсь, почто просить. Проверь лучше, что там с рыбой.

Росин выкопал из сыпучей золы замурованных карасей, отбил глину. Чешуя отстала вместе с ней.

– Смотри, Федор! Вот это деликатес! – восторгался Росин, перекладывая на бересту дымящуюся рыбу. – Наконец-то человеческий обед. Жалко, соли нету.

– Ничего. Ханты сказывают, раньше вовсе соли не знали.

Оба принялись за карасей, и через несколько минут на бересте остались только косточки.

– Ну вот, паря, и без соли управились. Даже про чай забыли.

Росин подхватил палками камень, быстро обдул его и опустил в большую, налитую водой берестяную миску. Пустив облачко пара, вода зашумела; Росин достал из углей второй камень – и тоже в миску, за ним третий, четвертый, еще и еще, пока не закипела вода.

– Шипигу положил?

– Шиповник? Весь корешок уже там.

– Добре. От шипиги чай что цветом, что вкусом не хуже правдашнего.

– Ты знаешь, Федор, что напоминает мне этот чай? Как-то маленьким лизнул языком щелок, в котором мать белье стирать собиралась. Вот наш чай тоже вроде этого щелока.

– Пей, благо горячий. Эка беда, золы малость попало. Крепче будет. Наливай еще.

– Да нет, вроде напился... Замечательный сегодня день: и огонь добыли, и напились, наелись по-настоящему. Еще бы побриться. – Росин притронулся к заросшим щекам. – Никогда такой щетины не было. Жуть как колется.

– А я попривык: на промысле месяцами без бритвы... Ты поболе дровишек припаси, чтобы до завтра хватило.

– Что же, теперь так и придется все время огонь поддер-

живать, как пещерным жителям?

– Так, однако. Вот и буду при деле.

– Сейчас бы для тебя лучше без дела полежать.

– Без дела никогда не лучше.

– Ну смотри. Дров я тебе хоть на двое суток наготовлю.

Неподалеку от костра выросла большая, раза в два выше шалаша, куча хвороста и бурелома.

– Хватит покуда. Теперича меня на еловые лапы – и выволоки из шалаша. Чтобы до дров и к костру дотянуться.

Росин нарезал седой прошлогодней травы, разостлал возле дров и уложил Федора.

– Добре. Ты, кажись, к затону собирался?

– Да. Может, как раз там лодка. Ведь почти все озеро объехал.

– Ступай. За огнем погляжу. А как и там не будет, нечего и время провожать. Погодим до осени. Покуда трава поляжет.

...В затоне зеленые пятна листьев кувшинок, кустики тростника, и всюду коряги. На них неподвижно стояли кулички. Под каждым, в зеркале воды, такой же длинноносый куличок, только вверх тонюсенькими ножками.

Берегом, прокладывая первую «людскую» тропу, пробирался Росин. В руке перед лицом – спасение от комаров: дымящийся сизоватым дымом гриб-трутовик.

«Вряд ли забьется в такое мелководье, – думал Росин о щуке. – В первых корягах застрянет с лодкой. Дальше и идти нечего».

Только повернул назад – из-за мыса, поросшего осокой, выплыл зеленоголовый селезень. Не замечая Росина, опустил голову в воду. Росин упал в осоку. Как только птица снова опустила голову, Росин прополз вперед.

До селезня теперь уже метров пять, не больше. «Еще раз голову в воду опустит – и мой», – ликовал Росин, сжимая палку. Но птица неторопливо поплыла от берега. «А может, все-таки вернется?» Росин не вставал из осоки.

С озера тяжелым темным валом накатывала туча. Вода в затоне зарыбила, пропали отражения куличков. Над самой головой вдруг грянул гром. Селезень взлетел и тут же скрылся в сетке дождя. «В такой дождик, – подумал Росин, – мать выносила из дома комнатные цветы». Заблестели мокрые листья березок, запрыгали над водой хрусталики.

За озером Росин увидел как будто дымок паровоза. Он двигался вдоль противоположного берега. Это зарождался смерч. Он быстро вытянулся до тучи. Самая широкая часть его была внизу, у озера. Смерч двигался и медленно раздвигался посередине на два столба. Теперь он шел вдоль озера к их берегу. Росин со страхом смотрел на него, опасаясь за Федора. Но середина столбов посветлела, и смерч растаял. Опять он стал похож на дым идущего за лесом паровоза, а вскоре пропал совсем. Росин побежал к деревьям, заскочил под елку, но ее пробивали упругие струи дождя.

И вдруг Росин кинулся прочь. Припустился под хлещущим ливнем, не чувствуя ни колючек шиповника, ни цара-

пающих сучьев, перескакивал валежины, продирался сквозь кусты, падал, вскакивал, опять бежал, бежал что есть силы!

«Огонь! Ведь ваты больше нет, а Федору не уберечь огонь от ливня!»

Глава 9

После дождя все как умылось. Тайга еще сильнее пахла травами, прелой хвоей, отмытыми листьями. Редкие капли падали с веток на притихшую воду, по которой расходились ленивые круги.

Росин выбежал на поляну и увидел бушующий на ветру костер. Усталость и радость нахлынули разом. Он схватился за ствол березки и, прижавшись к ней, никак не мог отдышаться. Весь запас дров пылал. Возле громадного костра лежал на земле Федор, каким-то чудом перебравшийся на новое место.

– Как же ты успел поджечь? Ведь он сразу ливнем хлынул. Я даже тучи не заметил, пока совсем не подкралась.

– А я загодя приметил. Лежу, чую: трава и кусты гуще запахли, пихты лапы приспустили – все приметы к дождю. Ну и давай головешки под дрова подкладывать. Вовремя они взялись. Вон как поливало, маленькому костру нешто выдюжить?

На другой день рядом с шалашом появилось подобие другого шалаша, гораздо меньших размеров, но зато сделанного из камней и глины.

– Теперь в этой печке будем огонь хранить. Тут уж не зальет, – сказал Росин, мяса босыми ногами глину.

– Поди-ка. На вот. – Федор подал фитиль, свитый из ни-

ток, натеребленных из клок рубахи. – Ты бы возле озера кремень нашел. Там, у воды, всяких камней полно.

Росин принес небольшой красновато-бурый камень, Федор положил на камень обожженный конец фитиля, вскользь ударил тупой стороной ножа по острому краю и высек яркий веер звездчатых искр. Попав на обожженный кончик фитиля, искра превратилась в красный огонек.

– Добрый фитиль. – Федор, чтобы потушить, задернул тлеющий конец в трубочку из пары связанных деревянных створок.

– Теперь, может, и незачем огонь хранить? От фитиля разводить будем.

– Хлопотное дело. Покуда раздуешь, половина фитиля сгорит. Всю одежду на фитили переведешь. – Федор завернул фитиль в бересту и передал Росину. – Спрячь вон в то дупло. Только в крайности от него разводить будем.

Росин спрятал фитиль и опять принялся месить глину.

– Может, хватит, Федор?

– А кто ее знает. Не приводилось этим ремеслом заниматься.

На куске бересты Росин подтащил промятую глину к Федору, и тот полулежа начал лепить первый горшок.

– Судя по размерам горшка, аппетит на уху у тебя богатырский. – Росин засмеялся.

– Из большого не вывалится... Никак вот не прилажусь: потоньше стенки пустишь – ползут, а не ползут – уж больно

толсты, в три дня уху не сварить.

– Оказывается, без гончарного станка не так уж просто горшок слепить... Но ничего, по-другому сделаем...

Росин быстро сплел небольшую корзиночку и обмазал изнутри глиной.

– Вот и готов горшок. Обжечь – и все. Прутья обгорят, горшок останется.

– Ловко придумал.

– Это придумали тысячи лет назад. В раскопках черепки от таких горшков находят. – Росин поставил обмазанную глиной корзинку на бересту.

– На, и мою поставь. – Федор подал Росину глиняную кружку. – Маленькую-то не хитро лепить, не горшок ведерный.

К вечеру на широких кустах бересты стояли гончарные изделия обоих мастеров: горшки, миски, чашки и даже глиняные сковородки.

Когда «сервиз» немного просох, Росин чуть ли не докрасна раскалил каменную печку и поставил всю посуду на пышущие жаром угли. Задымились, загорелись прутья, лопнул один горшок, второй, потрескались чашки, рассыпались сковородки... Груда черепков от всех изделий.

– Первый блин комом, – сказал Росин, выгребая из печки черепки. Выгреб, сел рядом с Федором. На озере поблескивала мелкая чешуйчатая рябь, а Росину она казалась блестящими, усыпавшими воду черепками. – Мы тут изощряемся,

а где-то вот в этом озере все наше снаряжение... Знаешь что, Федор, привяжу-ка я завтра к плоту уключины и сплаваю поискать. Ведь что я, в конце концов, теряю? А какой-то шанс есть.

– Полно, что иголку в сене найти, то и тут. Нешто упомянул, где перевернулись?

– Нет. Но все равно поплыву.

На другой день, лежа возле шалаша, Федор наблюдал за медленно двигавшейся по озеру черной точкой. «Кажись, там ищет. Может, и вправду чего найдет».

До позднего вечера ползала по озеру черная точка. Едва держась на ногах, Росин вышел на берег. Подошел к Федору и улыбнулся: на кусках бересты опять были расставлены глиняные горшки, миски, кружки.

– Ты прав, Федор, надежнее самим все сделать, чем найти в озере.

Глава 10

На небольшой песчаной косе стоял медведь и настороженно смотрел в воду. Стайка маленьких рыбок, поблескивая серебристыми бочками, проплывала у самого берега. Медведь нагнулся – хватать лапой прямо с песком. Посмотрел – ничего, кроме песка. Бросил его в воду и опять уставился, смотрит... Вода отстоялась, подошла новая стайка. Опять всплеск – и снова неудача.

А в это время у шалаша старались другие рыболовы. Утопая в ворохах прутьев, Росин и Федор плели верши.

– Теперь уже скоро карась заикрится, – говорил Федор, поглядывая на набухшие бутоны шиповника. – Как шипи-га цвет выкинет, карась стеной поперет. Примета верная. В день столько поймать можно, сколько потом и в месяц не словишь.

Руки Федора легко, без единого лишнего движения делали свое дело. Казалось, прутья были живые и сами вплетались в вершу.

- Знаешь, Федор, смотрю на твои руки: прямо симфония.
- Что-то непонятное сказываешь.
- Красиво, говорю, делаешь.
- Что же в верше красивого? И у тебя такая.
- Да я не о том...

На стволах елей и сосен блестели тягучие, золотистые кап-

ли смолы. Нежно-зеленые, еще не совсем отросшие игольчатые листочки лиственницы будтохватило пламенем: побурели их кончики, опаленные солнцем.

Сейчас сам воздух, настоянный на смоле и хвое, казалось, пах солнцем.

Белка, которую жара застала далеко от гнезда, забралась в другое, наспех сделанное гнездо, устроенное только для того, чтобы спастись в нем от жары.

– Да, и на жару Сибирь не скупится, – сказал Росин, стаскивая гимнастерку.

– А у вас в городе такая жара бывает?

– Еще хуже. Все каменное, так накалит – асфальт под каблуками протыкается.

– Что это – асфальт?

– Ты асфальт не знаешь? – удивился Росин.

– Может, и знаю, может, у нас в деревне как по-другому называется.

– Нет, – засмеялся Росин, – у вас в деревне его нету.

Росин положил гимнастерку и щелкнул пальцем по глиняной миске.

– Смотри-ка, Федор, как просохли, – звенят.

– Звенят. Обжигать пора. Теперь уж, поди, не лопнут. Столько времени на солнце жарятся. Просохли как надо, не то что тогда.

...Стоящий у воды медведь вдруг приподнялся на задние лапы. Черный кончик его носа беспокойно задвигался. Мед-

ведь проворно отскочил от воды.

Над кустами, приближаясь к берегу, покачивалась верша. Это Росин нес ее к озеру. Подошел, сбросил в воду. Вершу утянул на дно заложенный внутрь камень. Росин сделал напротив затеску на дереве и заспешил обратно – плести новые верши.

А через несколько дней уже на многих деревьях вдоль берега белели затески.

Восходящее солнце осветило кроны деревьев. Ветки лениво шевельнулись от легкого ветерка, будто проснулись и зашептались о чем-то перед дневными делами.

Внизу, куда еще не заглянуло солнце, Росин из шалаша вытащил на еловых лапах Федора.

– Глянь-ка, шипига зацвела! – обрадовался Федор, увидев заалевший куст шиповника. – Теперича работы будет.

Прибрежные тростники качались и шуршали от подошедших к берегу косяков рыбы.

Росин, кренясь от тяжести, тащил корзину, до краев наполненную увесистыми темно-бронзовыми карасями. Вываливал рыбу возле Федора – опять к вершам.

Федор, вытянув увязанную в шины ногу, сидел возле широкой плахи и торопливо чистил карасей. Как ни проворно двигались его облепленные чешуей руки, он не успевал за Росиным. Все прибывал ворох отсвечивающих красной медью карасей.

– Полно таскать. И с этим до ночи не управиться. Ты, где

верш больше, отгороди затончик, садок устрой. Туда всю рыбу. А горячка пройдет, перечистим.

Росин развесил готовую к сушке рыбу на вешала и, забрав нож, ушел к вершам.

Федор чистил карасей каменным скребком. Прилачился и к этому инструменту. Одного за другим отбрасывал вычищенных карасей.

«Ха-ха-ха!» – закричали над вешалами чайки-хохотуны, метя поживиться чужой добычей. Федор запустил в них палкой, и стая врассыпную.

Росин, закатав повыше штаны, поленом забивал в дно кол за колом. Сплошным, почти без щелей, частоколом отгораживал от озера маленький затончик...

Отгородил. Подцепил деревянным багром ближнюю вершу. Дернул... Не поддалась, будто зацепил за корягу. Снял рубаху и прыгнул в воду. Нет, не коряга, действительно верша. Но такая тяжелая, даже в воде не поднимешь. Катком выкатил ее на берег. Она – как длинная, сплошь набитая рыбой корзина. Того гляди, лопнет. Выпустил рыбу в садок, выкатил вторую, третью... еще и еще перекошенные от рыбы верши. Из последней выпустил не всю, набрал в корзину и притащил Федору.

– Густо карась прет, – радовался Федор. – Из веку его тут не ловят.

– Скоро надо бы план работы составлять. Смету на новый год... А я тут с карасями занимаюсь. Распределят деньги по

другим статьям, оставят на все воспроизводство крохи.

– Что же, начальство не знает, сколько денег надо?

– Знает... Другие расходы есть. Каждый год из-за сметы войны... Поставят прошлогоднюю сумму, вот и топчись потом на месте.

Росин снял с вешал связку рыбы.

– Не хватит ей сохнуть?

Федор взял пару карасей и постучал один о другой.

– Как сказывал? Гремят – просохли как надо. Эти, слышишь, что лучина.

Росин принялся складывать сушеных карасей в большой плетеный короб, подвешенный к толстому суку кедра, чтобы не забрались мыши.

– А не уйдет время урман-то под соболей смотреть? – озабоченно спросил Федор.

– Не уйдет! – Росин невесело усмехнулся. – Времени у нас теперь на все хватит... А для обследования вторая половина лета даже лучше.

... Через несколько дней короб был полон сушеной рыбы.

– Сейчас бы с удочкой посидеть. Поймать хоть одного такого карася на крючок. Жалко, ни крючка, ни лески, а то бы попробовал.

– Слышь-ка, никак гром? – насторожился Федор. – Этого еще не хватало. Неужели дождь? Сколько рыбы пересушивать придется. Лабаз делать надо, с крышей.

– Да, лабаз капитальный нужен... Я здесь не так далеко

видел – елки хорошо стоят: все рядом и почти ровным кругом. И сучья толстые. В общем, как раз для лабаза.

– Вот там и делай.

На высоте примерно в два человеческих роста на прочные сучья Росин уложил толстые жерди, надежно прикрутил их к стволам ивовым корьем и прутьями. На раму из толстых жердей положил настил из жердей потоньше.

Федор оставил на время рыбу и лыком сшивал куски бересты для крыши лабаза. Делал он все без спешки, но как-то очень споро. Видно было – работает он не только руками, но и головой: все продумано, все складно, все одно за другим.

Росин то и дело слезал на землю, взяв в пук ветки, обхватывал сплетенной из лыка веревкой и, опять забравшись по сучковатому стволу, втягивал наверх, на настил. По бокам настила росли плетеные, как украинский плетень, стены лабаза... Хоть и длинен в эту пору северный день, но вот уж и тени во всю поляну и сумрак в чащобе. А крыша только начата.

Федор рогулькой подвинул горшок к углям.

– Уж который раз стынет уха. Вот, думаю, придешь, вот придешь, а ты все там. Поел бы.

– Думать, Федор, о еде не хочется. Все рыба, рыба, все пресное, пресное! Хоть бы одну солинку! Ведь так и загнуть-ся можно.

– Помаленьку привыкнем. Другой старик хант и по сию пору соль не признает, а покрепче нас с тобой. Будешь, что ли,

есть?

– Доделаю лабаз и буду. Теперь уж немного осталось...

Совсем потух день. Росин втащил на крышу последний кусок бересты. Укрепил, слез и, пошатываясь, побрел к костру.

– Федор, а ведь дождь собирается.

Федор посмотрел на луну.

На неяркий диск мохнатыми клочьями наплывали края низкой тучи.

– Похоже.

– Придется рыбу в лабаз таскать.

– Совсем с ног собьешься. На вот, выпей чаю. С брусничным листом. Малость силы прибавит.

И опять цеплялись за сучья усталые пальцы, опять, взобравшись в лабаз, Росин перебирал руками веревку, теперь уже втаскивая корзины с сушеной рыбой.

В полной темноте последний раз сбросил он пустую корзину, спустился на землю и, едва дойдя до костра, рухнул на осоку рядом с Федором.

– Поешь, Вадя. Ты же сегодня весь день не евши.

– Нет, Федор, завтра. Давай я тебя в шалаш затащу – и спать. А то ведь тут комары сожрут.

Кое-как заткнув вход травой, Росин вытянулся на сене... Но сон пропал. Болели натруженные руки, ломило уставшие от лазания ноги. В темноте не за что было зацепиться глазу. За нетолстой стенкой шалаша шуршали листьями мыши.

«Что подумает Оля, не получив письмо?... Начнут искать – не найдут. Матери сообщат: погиб или пропал без вести. А ей ведь никто ничего не скажет... И хорошо. Пусть ждет...»

Через несколько дней садок кишел рыбой. На всякий случай Росин забил еще несколько кольев, укрепив загородку.

Над садком с криком кружили чайки, привлеченные всплывшими дохлыми карасями. «Надо, пожалуй, выбросить уснувшую рыбу».

Росин вошел в садок. Вода словно вскипела. Десятки рыбьих морд натыкались на голые ноги. Росин шагнул назад, наступил на скользкого, затрепетавшего карася и выскочил на берег. «Ладно, чайки вытащат».

Однажды утром Росин прибежал от озера к Федору.

– Ты знаешь, как обрезало! Все верши почти пустые.

– Значит, все, кончилась страда. Однако ладно, порядочно насушили. Да в садке, сказываешь, раза два по стольку?

– Да, там основной улов.

– На зиму хватит... Ступай притащи оттуда корзиночку, чистить буду.

Вскинув корзинку за спину, Росин зашагал к садку. Еще издали увидел, как над кустами, скрывающими садок, белыми хлопьями металась чайка. «Вот ведь сколько собралось. Пусть поработают», – думал Росин, широко шагая проторенной за эти дни тропкой.

Голоса чаек становились все громче. А заметив человека, птицы заорали еще пронзительнее.

«Никогда не видели столько рыбы, поэтому и орут».

Росин вышел из кустов и обмер... В садке, бойко работая лапами, орудовал медведь. Весь мокрый, он проворно поворачивался то влево, то вправо и обеими лапами торопливо вышвыривал на песок рыбу.

– Ах ты, бурая тварь!!! – заорал Росин и пустил в медведя корзиной.

Перепуганный зверь отскочил назад и свалил колья. Одним прыжком он выскочил из воды и напролом ринулся в чащу, преследуемый орущими чайками.

Росин подбежал к садку. Из грязной, мутной воды через пролом уходила рыба.

Глава 11

Росин склонился к Федору и, чуть прищурившись, следил за острием ножа. Со своего сыромятного ремня Федор срезал узкую длинную полоску.

– Тебе неудобно, дай-ка я. – Росин нетерпеливо забрал у Федора нож.

Опять склонились к ремню, но тут же выпрямились – полоса перерезана посередине.

– Почто торопишься? Спортил все. Режь теперь с другой стороны, что ли, – рассердился Федор.

– Нет, уж лучше ты.

И снова: ни миллиметра вправо, ни миллиметра влево. Осторожно срезал Федор узкую полоску для тетивы. Срезал, подергал за концы, пробуя на прочность.

– Должно быть, подойдет, крепкая...

Зажав между коленями желтое, как кость, упругое древко лука, выстроганное из сука кедра, Росин привязал скрученную тетиву. Стрела приготовлена еще раньше. Росин положил ее на лук, натянул тетиву – и через всю поляну промелькнула стрела, пронзив ветки дальних елей!

– Ишь ты! Как далече! – удивился Федор. – А ну-ка вверх.

Росин сбегал за стрелой, и она взвилась, почти пропав из глаз. Только темная точка не больше мошки. Запрокинув голову, Федор смотрел на эту точку. Потеряв где-то там, в вы-

шине, силу, стрела перевернулась и понеслась вниз, прямо на Федора. Он сжался, закрыл руками голову, подобрал здоровую ногу. Тук! – глухо ударила стрела в метре от него. Росин облегченно вздохнул.

– Перекалечишь со своим луком. Посмотри, как впилась!

– Ну уж если на тебя, – засмеялся Росин, – стрела нагнала страху – дело будет. Во всяком случае, для охоты на рябчиков оружие вполне подходящее.

Сделав десятую стрелу, Росин скомкал сухую траву в шар чуть ли не с глухаря, отошел шагов на двадцать и одну за другой выпустил в него стрелы. Но все мимо... Ни одна не попала в цель.

Федор укоризненно покачал головой.

– Ничего, Федор, цыплят по осени считают.

Росин собрал стрелы и снова одну за другой выпустил в травяной шар. Опять неудача. Опять собрал. И так – пока не заныли пальцы...

– Вот теперь и на охоту можно. – Росин нагнулся к комку и вытащил из него все десять стрел. – К ручью пойду, там рябчики попадались.

Только подошел к ручью, в ельнике перепорхнул рябчик. Росин опустился на колено, натянул тетиву, и рядом с рябчиком промелькнула стрела. Мелькнула еще стрела... И рябчик, хлопая крыльями, закувыркался на земле.

– Ну-ка, ну-ка! И правда убил! – удивился Федор. – Ты понимаешь, мясной суп! К черту рыбу! Понимаешь? Мясной!

Затрещал костер, запахло паленым пером, и вскоре языки пламени уже лизали бока маленького глиняного горшка.

...Миски опустели мигом. Росин еще раз заглянул в горшок. Пусто. Взял лук, стрелы.

– Пойду опять. Что за обед – рябчик на двоих?

Пришел снова в тот ельник. Ни живой души... Но вот на ветках у самой вершины какое-то движение. Над гроздью шишек сидела освещенная солнцем белка. Рыжий пушистый хвост прижала к спинке, будто прикрылась им от холода. Заметив Росина, белка перестала грызть шишку и неподвижно сидела на ветке. Уши зверька были без кисточек, мех рыжий, только около передней лапки белело брюшко. Росин стоял неподвижно. Зверек бросил шишку и умылся так же, как умывается кошка, только не одной лапкой, а сразу двумя. Умывшись, она сжала лапки в кулачки и будто утерлась покрытыми шерсткой кулачками.

Цепляя одеждой за сучья и отводя еловые лапы, Росин стал пробираться вдоль ручья. «Когда не надо, везде порхают, а тут ни одного рябчика. Хорошо бы, тетерева на этой поляне кормились. Вот бы за этим кустиком. Сидели бы, клевали что-нибудь. Или рябчик вот на эту елку сел». Но тетеревов на поляне не было, рябчик не садился, а Росин все мечтал. Увидел подходящее место – мох, клюквенник и думает: «А вон там бы глухарь сидел. Шею бы вытянул и на меня смотрел». Росин нагнул голову, стряхивая с шеи попавшие за ворот хвоинки, и снова взглянул под сосенку. Там, вытя-

нув шею, стоял и вопросительно смотрел на него глухарь! Росин оторопел: «Кажется или не кажется? Глухарь или не глухарь?»

Он не верил своим глазам, а пока не верил, глухарь победжал, захлопал сильными крыльями и улетел! Росин от досады пустил вдогонку стрелу. Но где там – глухаря уже и видно не было среди деревьев.

Наконец почти из-под ног взлетел рябчик. Сел на елку, припал к сучку и блестящим глазком следил за Росиным. «Поближе подойду, подпустит». Пригнувшись, Росин подошел к елке и поднял лук. Рябчик замер, готовый в любую секунду сорваться. Стрела мелькнула рядом. Росин схватился за другую, но поздно – птица пропала в ельнике.

– Тут-то промахнулся, – ругал себя Росин. – Каких-нибудь метров шесть – и мимо!

...Ельник сменился чахлым низкорослым сосняком. За ним березовая роща, совсем такая, какие есть и в Подмосковье. Только без грачиных гнезд.

Ду-ду-ду! – захлопал крыльями бородатый глухарь, поднявшийся от крайних березок. Росин спешно пустил стрелу. Но она пролетела намного в стороне от птицы. Роща перешла в частый тонкоствольный березняк. Видно вокруг на тридцать-сорок шагов, не больше. Всюду белый частокол деревьев. На зачахших от нехватки света березках разрослись лишайники. Всюду на стволах грибы-трутовики, похожие на лошадиные копыта. В сумраке и сырости гнили упавшие де-

ревья. В ямах под выворотами стояла темная, почти черная вода.

От воды взлетел куличок и, кланяясь, сел на верхушку высокого березового пня. Росин прицелился и отпустил тетиву. Стрела вонзилась в трухлявый пенёк, а куличок, испуганно крича, понесся над вершинами.

Росин бросил лук и сел на кочку. «Ружье бы... А то не охота – одно расстройство». Росин посмотрел на лук. «А ведь когда-то и ружье вот так чуть не бросил. А потом... По тысяче прицеливаний в день. Все стены в комнате, как зоологическая карта, в фигурках зверей и птиц. А всякие скользкие, летящие мишени! Что только не придумывал. И ведь сенсация была на стенде. Первый раз стрелял – и норма мастера спорта... „Без тренировок!“ – как все считали».

Только когда над солнцем раскрылся веер предзакатных лучей, Федор наконец увидел Росина. Тот целился в кого-то, заслоненного пнем. Федор приподнялся на локтях. Мелькнула одна стрела, вторая, третья. Никто не вылетал, не выбегал. А Росин пускал стрелу за стрелой. Выпустил последнюю и неторопливо пошел к пню.

– Да в кого ты стрелял? – удивился Федор.

– Так, тренируюсь. Дал себе слово не ходить на охоту, пока не научусь как следует стрелять. Сегодня раз двадцать промазал...

И с этого дня началось. Наскоро приготовив обед из ненавистой рыбы, Росин брался за лук и часами стрелял в

небольшой, меньше кулака, комок травы. То клал его на землю, то насаживал на кол, то забрасывал высоко на дерево и выпускал в него стрелу за стрелой. Стрелы ломались или застревали в сучьях. Росин лез за ними или делал новые и опять стрелял, стрелял без конца.

– Ты, как на дерева лезешь, штаны с рубахой снимай. Нечего об суки драть. И в трусах не холодно. Одежду поберегай.

– Хорошо, хорошо, Федор, – отмахивался Росин, а сам опять за лук.

Уставали натягивать тетиву пальцы правой руки – перехватывал лук и учился стрелять левой...

Руки порой уставали так, что стрелы пролетали от цели дальше, чем в первые дни тренировок. Но Росин не переставал стрелять. Он собирал стрелы и вновь и вновь целился в комок, чтобы сделать задуманную тысячу выстрелов. Иногда он доводил себя почти до полного изнеможения.

Даже Федор начинал увещевать его:

– Полно тебе, отдохни, потом достреляешь. Почто сам себя изводишь?

Но Росин только отмахивался: не мешай, мол, считать.

– Когда же спать-то будешь? Ведь за полночь.

– Как за полночь? Светлым-светло!

– Светлым-светло! – усмехнулся Федор. – Жди теперь темноты недели две.

Росин опустил уставшие руки и сел на валежину. Вот она,

белая ночь. Только на время какие-то напряженные сумерки. Кажется, вот-вот потемнеет, а начинает больше светлеть. Без ночи утро. А озеро все-таки уснуло. Прикрылось туманом – и спит... Светло как днем, а всю летают летучие мыши.

Едва просыпаясь, Росин прямо из шалаша выпускал все стрелы по любой подходящей цели. Будь то прошлогодний лист на земле, темная кочка, гриб-трутовик у самой вершины... И так изо дня в день, пока не загубели от тугой тетивы мозоли на пальцах, пока не стали послушными стрелы.

Однажды Росин разделил десяток стрел пополам. Пять легонько воткнул в землю, пять других взял с собой и отошел шагов на пятнадцать.

– Смотри, Федор.

Федор повернулся на бок и приподнял голову. Первая стрела сбила одну из воткнутых стрел, вторая – вторую, третья – третью, четвертая и пятая тоже не пролетели мимо.

– Ловко стрельнул. Ну-ка еще!

И опять все стрелы – в цель.

Глава 12

Росин с головой зарылся в сено. Но это не помогло. Даже стенка шалаша дрожала вместе с ним.

– Что же это, Федор? Почему такой холод?

– Мороз.

– С чего же мороз? Ведь лето, – удивился Росин.

– У нас в любую пору заморозок может, хошь вот и летом...

Росин выглянул из шалаша. Вся трава побелела от инея. Никто не пролетит, не прокричит. Все попряталось от мороза.

Росин выскочил на мороз, приплясывая от холода, выхватил из каменной печки головешку, сунул в приготовленный хворост и юркнул обратно в шалаш.

Сгоняя вокруг белизну с травы, разгорался костер. Как суслик на солнышко, вылез Росин. Подбросил дровишек, вытащил на еловых лапах Федора.

– Избушку, Федор, строить надо. Твой вариант, пожалуй, самый подходящий.

Прежде чем приступить к любому значительному делу, Росин старался продумать несколько вариантов и потом уже, выбрав лучший, приступал к делу. Теперь тоже были варианты. Первый – землянка, второй – что-то вроде чума, третий – избушка, стены которой сложены из дерна, четвертый

вариант – избушка наподобие зимовья. Но в землянке было бы сыро, в чуме – холодно: покрытые берестой жерди вряд ли удержали бы тепло. Делать стены из дерна тоже не хотелось: ненадежные, да и неприятно – земляные стены. Бревенчатое зимовье с одним ножом не сделаешь. Самый удачный вариант предложил Федор. И тепло, и без топора сделать можно. И сырости не будет, не в землянке.

– Надолго мороз? – спросил Росин.

– Должно, днем отойдет.

– Тогда сегодня и начну. А то тут летом ноги отморозишь.

– Ты нож на палку привяжи, пальму сделай. Рубить сподручней будет.

Через несколько дней на поляне около лабаза появился остов будущего жилища. Пока вместо стен двойные ряды высоких кольев. Но рядом уже громоздился большущий ворох ивовых веток.

«Ну что же, пожалуй, и хватит, – решил Росин. – Пора плести стены».

Взял несколько веток и прочным плетнем принялся оплести колья. Вплетал, осаживал ветки ногой, плел дальше. Быстро поднимались двойные стены. Федор был тоже при деле: лежа возле шалаша, плел из свежего лыка веревки.

– Поесть не пора ли, Федор?

– Давно пора. Чего ты запропал? Все стены доплести хотел, что ли?

– А что, немного осталось.

Росин взял лук, пару стрел и торопливо ушел к ручью...

– Скоро ты обернулся, – удивился Федор. – Веревку не довел, а у тебя уже рябцы. Шибко глаз наострил. Опять без промаха обоих?

– Опять, – кивнул Росин и, присев возле Федора, принялся щипать рябчика. Федор взял второго. – А не проморозит зимой наши стены, Федор?

– Почто проморозит? Чуть не на метр плетень от плетня. Набьешь между ними мха, куда же такую стену проморозить.

– Многовато мха надо.

– Не на лето строишь – на зиму.

...В низине лежало широкое моховое болото. Над чахлыми сосенками стояло колышущееся марево. Разинув от жары клюв, сидела на суку кедровка. Из сосенок выбежала к озеру лосиха. Над ней роем вились слепни. Лосиха ухнула в озеро и замерла, выставив только морду. А к ней уже спешили, шлепая по воде лапками, маленькие шустрые утята. Не обращая внимания на лосиху, ловили выющихся над водой слепней. Один утенок вскочил лосихе на нос. Она аккуратно стряхнула его на воду.

Вдруг лосиха еще больше спрятала голову в воду.

На поверхности остались только глаза и ноздри. Неподалеку с пригорка спустился Росин и принялся таскать длинный, пропитанный водой мох. Вырастала кучка за кучкой тяжелого от воды сфагнума.

...А Федор по-прежнему лежал около старых, трухлявых

пней и вил веревки. Сами собой закрывались глаза. Он отложил приготовленное лыко и лег заросшей щекой на моховую кочку.

Перед глазами сероватые сосновые иголки, не одну зиму пролежавшие под снегом. Кусочки сосновой коры, прошлогодней травы, по которой, как по лесу, пробирались крупные коричневые муравьи. Вовсю пекло солнце.

Пахло растопленной смолой, нагретым песком... Федор закрыл глаза.

...Бугор уже, как под снегом, белел под сохнувшим мхом.

«Все, – решил Росин, опрокинув корзину, – на сегодня хватит».

Не торопясь пошел к шалашу. Вышел на поляну и замер. «Что это?» Федор лежал, втянув голову в плечи и высоко подняв босую здоровую ногу. Не шевельнется, лицо побледнело.

Росин подбежал.

– Что с тобой?

– Тише, тише, – зашептал Федор. – Оттащи меня с этого места: змея подо мной!

Осторожно, чтобы не разбередить больную ногу, Росин приподнял Федора, положил на другое место, прямо на землю.

– Расковыряй сено, там она, тварь подколодная! Раз мозги ей башку! Ишь, проклятущая!

Росин ковырнул палкой сено, ковырнул еще – зашевели-

лись живые черные кольца.

– Так ее! Так! – приговаривал Федор. – Еще разок хрястни! Теперь в муравейник! Муравьям ее!..

– Что тут произошло? – спросил Росин, вернувшись от муравейника.

– Проснулся, а она на меня глядит! Тварь ползучая, в упор прямо, в глаза! И жалом – мельк, мельк! А под рукой ничего, только веревка тоненькая. Шасть ее веревкой! А она как вильнет – и под меня, в сено. Я ногу вверх босую, а больную-то не шевельну. И не встать... Замер, не шелохнись. Тяпнет, думаю, через рубаху или штаны. А случись в шею или затылок? Помрешь! Втянул голову, насторожился: не шуршит? Вроде молчит. А как услышал бы – ползет, вскочил бы, хошь отвались нога.

– Здорово она тебя перепугала, даже в лице переменился.

– Переменишься, как под тобой змея...

– Надо скорее избышку строить. Жить хоть будем как все, в четырех стенах.

– Слышь-ка, Вадя, а давай сейчас туда переберемся, – оживился Федор. – Стены есть, крыша скоро будет. Чего же еще?

...Целыми днями трепетали над водой крыльями крачки. Заметив добычу, птица ныряла в воду и поднималась в воздух с рыбешкой в клюве. На торчащей из воды коряге во все горло кричал птенец. Крачка отвечала ему, роняя из клюва рыбешку, но тут же, на лету, подхватывала и, не тормозя по-

лета, ловко совала птенцу в рот. Цапли, расправив над гнездами широкие крылья, прикрывали ими от солнца маленьких птенцов.

«А ведь уже июнь, – думал Росин, глядя с недоделанной крыши на птенца. – Бежит время».

– Так какую печку делать будем, Федор? Где в крыше дырку оставлять?

– В углу оставляй, – отозвался Федор. – Русскую ни к чему, почто с ней возиться. Хантыйский чувал надо. С ним завсегда тепло и светло. Дрова опять же любые, хошь пол-лесины жги.

Наконец слаженная без топора и единого гвоздя избушка готова. Стены внутри и снаружи оштукатурены глиной, смешанной для вязкости с илом. Из пары плетеных щитков, с сеном между ними, сделана дверь. Она имела, пожалуй, только одно сходство с настоящими дверями – точно так же скрипела.

Посреди избушки, на вбитых в землю кольях, стоял стол, собранный из множества пригнанных друг к другу осиновых палок. Вдоль стен – застланные душистым сеном нары. Федор уже лежал на своих. В дальнем углу – хантыйский чувал: каменный пол и над ним широкая, из обмазанных глиной жердин труба. Рядом с чувалом добротная полка, уставленная глиняными горшками, мисками, плошками. Потом каждая вещь сама найдет место: что чаще нужно, будет ближе, а что-то перекочет в самый дальний угол.

В берестяной туесок Росин набрал земли и посадил туда кусты вечнозеленой брусники. Хотелось нормальной человеческой жизни.

Росин сидел у стола на коряге и смотрел на сложенные на коленях руки. «Какие они стали за это время... Грубые, узловатые, даже вроде в ладонях шире. И тяжелее, пока лежат без дела. Ими все сюда принесено, встроено, вделано». Росин обвел взглядом потолок, стены...

– Вот тут, паря, и перезимуем. Росин не ответил.

– Чего нахмурился?

– Примета дурная... Без новоселья поселились.

– И что?

– Клопы заведутся, – буркнул Росин.

Глава 13

Росин от неожиданности бросил рябчиков, лук. Распахнул дверь... Посреди избушки стоял Федор, и больше никого.

– Ты как встал? – удивился Росин. – А нога?

– Мало-мало терпит.

– Это ты поставил весло?

– Я. Вместо костыля брал.

– А я уж думал, какой-нибудь хант заплыл... Как же ты встал?

– Вроде полегчало, и встал. А то, однако, совсем залежался. Хотел на волю выйти, на весло оперся, а несподручно с ним.

– Федор, ведь у тебя перелом. А вдруг еще плохо сросся. Стронешь – и все. Полежи пока... Хотя бы еще недели две-три.

– Бона куда хватил! Да что же я лежать буду, если нога терпит? Ты мне палки потолще принеси, костыли слажу. И не отговаривай. Я ж ногу на весу держать буду.

...Под вечер Федор опять поднялся с нар.

– Опробую, что за ноги сделал.

Оперся на костыли, сделал шаг, нахмурился, сделал еще, сел на нары.

– Не больно складно: нога терпит, а в пояснице чего-то

ноет... Но ковылять полегоньку можно... И тебе руки развяжу. – Федор, оставив костыли, лег на нары. – Теперь сам себя обихожу А тебе припас промышлять надо: ягоды, грибы пойдут.

– И урман пора начинать обследовать.

– Ты заодно белку с бурундуком промышляй. Нам теперь всякая шкурка нужна. Нечего ждать, покуда выкунеют. Померзнем в такой-то одежде.

– Что же все-таки у тебя с поясницей, Федор? Видимо, не просто ушиб. Тоже, наверное, чего-нибудь хрустнуло.

– Да бог ее знает... Пройдет. – Федор махнул рукой. – Ты что в урмане-то делать будешь? Может, чего дельное подскажу.

– Дел много. Угодья просмотреть надо, запасы кормов, гнездовье, защитные условия... Да мало ли всякой работы. Во всем самому разобраться надо, все описать.

Росин обточил ножом осколок кости и склонился над чистым куском бересты. Легко двигалась по бересте косточка, оставляя четкие буквы, слова...

В утренней тишине необычно громко скрипнула дверь. Из избушки вышел Росин и, передернув от утреннего холода плечами, зашагал в урман.

– Не заплутай, речушки держись! – напутствовал подковылявший к двери Федор.

Прихотливо извивалась по урману речушка, то замирала в омутах, в которые смотрелись кедры, то в ярко-зеленом бар-

хате бережков пересекала полянку, а то вдруг ныряла под громадный завал и вновь выбегала оттуда, тихонько журча, будто посмеиваясь над большой, но неловкой преградой.

Берегом реки, по никем не примятой траве, шел Росин с берестяным туесом за плечами. Трава росла от самой воды. Только изредка кое-где примята она перебиравшимся через реку медведем или лосем.

Большой пестрый дятел заметил Росина, спрятался на другую сторону дерева и, высунув из-за ствола голову, следил за пришельцем. Но из-за кустов ему было плохо видно. Он скрылся за деревом, забрался по стволу повыше и опять высунул голову. Росин не шевелился. Дятел подлетел к дуплу. Там сразу запищали птенцы. А из летка высунулась голова самого шустрого дятленка. Дятел сунул жука ему в клюв и стал наблюдать, как птенец есть. Тот не справлялся с добычей. Дятел вытащил из клюва жука, раздолбил и стал давать по кусочку. Он терпеливо ждал, когда птенец проглотит одну часть, потом давал другую. Наконец дятленок съел все, и дятел улетел за новой добычей.

Иногда попадались звериные тропы. Ноги на них отдыхали недолго – тропы уходили от речки. И опять приходилось лезть напролом нехоженым берегом.

На сломанной вершине старой лиственницы кучей хвороста – большое гнездо. Росин ударил палкой по дереву. Вскинув почти метровые крылья, большеголовая с черной бородой сова нехотя слетела с гнезда. Потрепыхала в воздухе и

полетела куда-то в кедры.

«Такая легко возьмет соболя, – подумал Росин. – Буду надеяться, их тут немного. Надо записать эту встречу».

Росин сел на валежину, достал из туеска бересту и начал писать осколком кости.

Вдали дружно закричали журавли. «Опять там же кричат, – подумал Росин. – Наверное, озеро. И эта речка, пожалуй, к нему течет».

Над головой шум, свист крыльев. Росин едва успел заметить промелькнувшего тетерева. За ним пронесся ястреб. По ту сторону речки затрещало, зашумело по веткам. Росин, разбрызгивая воду, перебежал речушку. За кустами, чуть приподняв крылья, сидел на тетереве ястреб. Увидев человека, он попытался взлететь, но ему мешали сучья. Росин бросился к птице, но ястреб замахал крыльями, не выпуская из лап тяжелую добычу, медленно поднялся в воздух и, набирая высоту, улетел. Досадно было упустить такую добычу, но что делать?

То на один, то на другой берег перелезал Вадим по нагроможденным валежинам, останавливался, осматривал деревья, завалы, древесные кроны... И писал, писал. По расположению летков в дуплах дятлов, поползней, синиц Вадим отмечал направление преобладающих здесь весенних ветров: летки, как правило, птицы устраивают с подветренной стороны. Один за другим ложились в туес исписанные куски бересты.

То на один, то на другой берег перелезал Вадим по нагроможденным валежинам, останавливался, осматривал деревья, завалы, древесные кроны. . . И писал, писал. По расположению летков в дуплах дятлов, поползней, синиц Вадим отмечал направление преобладающих здесь весенних ветров: летки, как правило, птицы устраивают с подветренной стороны. Один за другим ложились в туес исписанные куски бересты.

Впереди замаячил просвет в кедрачах. «Скоро озеро. Даже, как утки крикают, слышно».

Кончились кедры. Но вместо озера – широкое, кое-где поросшее чахлыми сосенками болото. Тонкой извивающейся змейкой вбегала в него речушка, пропадая за буйной зеленью растущей по кочкам осоки. За болотом опять темнели кедрачи.

«Надо посмотреть и их». Росин шагнул на мох, оплетенный тонкими красноватыми стеблями клюквы. Как пружинный матрас, закачался под ногами зыбун. «Тут надо осторожней».

Очистил от сучьев прочную жердину, взял ее поперек и пошел дальше.

Волнами перекатывался под ногами зыбун. И вдруг прорвался! Росин ухнул в торфяную жижу. И сразу же по грудь. Ушел бы с головой – спасла жердина.

Опираясь на нее, Росин выкарабкался из трясины и ползком пробрался до твердой земли.

За болотом речушка бойчее и шире. «А как она бежит? Может быть, в озеро? А может, в другую речку, побольше? – думал Росин, отмывая коричневую торфяную грязь. – А что, если попытаться сообщить все-таки о себе? Кто знает, куда течет эта речка?»

Вадим выбрал подходящий обломок сухого дерева, обстрогал его и вырезал:

«Щучье. Помогите. Ф. Суров».

Покачивая, течение понесло дощечку. Росин провожал ее глазами, держа в руке второй обломок. Но уже на первом повороте речку перегородил завал. «А сколько впереди таких завалов», – безнадежно подумал Росин и вернулся к своей работе.

За работой время шло незаметно. Пора на ночлег.

Из еловых лап Росин устроил постель. Вместо подушки

– толстый корень кедра. С мягкой прослойкой мха это даже удобно. Ворох сухой прошлогодней травы – одеяло...

Зашуршали прошлогодние листья, и Росин увидел забавную лесную сценку. Впереди взрослая землеройка, размером с пару наперстков, а за ней гуськом тянулись маленькие землеройки. Каждая держалась зубами за шерсть впереди идущей, а первая за шерсть матери.

Когда уже изрядно сгустились сумерки, в куст рядом с Росиным влетела небольшая птичка. Села на ветку и распушилась, устроившись на ночлег. Вдруг она заметила Росина. С недоумением смотрела на него, но не улетала. В темноте Росин даже не разобрал, что это была за птичка. А та, посидев немного, решила перебраться в более спокойное место, вспорхнула и пропала в темноте.

В сумерках небольшой заливчик речушки напомнил Росину пруд в лесу, неподалеку от их поселка, пруд, в котором мальчишкой ловил корзиной карасей. Там же он нашел ответ на не такой уж простой для себя вопрос.

И дома, и в школе все говорили: Бога нет. Нет никаких чертей, ведьм, водяных. А тетя Даша говорила – есть, и рассказывала страшные истории. Он, конечно, не верил ни в Бога, ни в черта, ни в водяных. И вот тогда-то пришел он ночью один к лесному пруду, разделся и вслух сказал: «Если есть водяной – схвати меня!»

Потихоньку вошел в воду и поплыл. Доплыл до того берега. Вылез по тине. Пошел краем к своему белью, все еще

ожидая, что вот-вот кто-нибудь схватит. Подошел к белью, взял его и торжествующе сказал: «Ага, значит, тебя нет! И никого, значит, нет!» Оделся и напрямик зашагал через лес к дому, не боясь трещать ветками.

Засыпая, Росин улыбнулся этим воспоминаниям.

Вдруг в темноте раздался непонятный звук. Казалось, треснула ветка. Росин приподнял голову... Ничего не слышно. Опять лег... Снова шорох. Теперь с другой стороны... Росин стряхнул с головы траву. Кто-то бродит неподалеку. Медведь?... Лось?... А может, росомаха или рысь?

Комары сразу налипли на лицо и шею. Пришлось опять зарыться в траву.

«Может, все-таки медведь? И вдруг не из пугливых? Есть же в енисейской тайге такие, что сами ищут встречи с человеком... Ладно, как будто первый раз в тайге ночью...»

Наутро по когтистым следам у выворота Росин увидел, что приходил всего-навсего мирный барсук.

«Ну что же, пора опять за дело. Теперь прямо отсюда к озеру, – решил Росин. – Будет второй маршрут».

...Сумрачная вечерняя тайга. Бурелом, борода на деревьях. Все кругом похоже на декорацию к сказке про Берендея. Над деревьями всплыл желтый, как свет в деревенском окошке, месяц...

На ветке устроились на ночлег синичата. Они прижались друг к другу и распушились так, что не считаешь, сколько же их сидит.

Росин вышел к затуманившемуся, притихшему озеру.

Мрак постепенно густел.

Засверкали звезды. Чем больше загоралось звезд, тем меньше света оставалось в тайге, как будто звезды – это собирающийся в блески, уходящий с земли свет.

В черно-синих тростниках ворочались караси, время от времени всплескивали щуки. Бесшумно, почти коснувшись крылом лица, пролетела сова и тут же пропала в ночи. То и дело мелькали над водой летучие мыши.

Наконец мелькнул и пропал в темноте огонек. Единственный огонек на сотни километров укрытой мраком тайги. Дорога здесь и в темноте знакома.

Росин поправил туес с объемистой пачкой исписанной бересты. «Побольше бы таких деньков. Целая кипа наблюдений. Жаль, что столько времени приходится тратить на всякие хозяйственные дела... Ну ничего, и то, что сделаем, не надо будет делать другим».

Огонек вспыхнул опять, и теперь его уже не скрывали невидимые в темноте деревья. «Там Федор. Сейчас и я буду там. А со стороны вот так же будут глядеть ночные звери». Росин даже нагнулся и посмотрел сквозь кусты на огонек. «Вот так будет видеть окошко рысь... А если приподняться – медведь». Росин заторопился к избушке. Вот и она. Открыл дверь, шурясь от яркого света, шагнул через порог. В избушке разгром, на полу лежал Федор.

Глава 14

Только утром Федор смог рассказать, что случилось.

– Как ты ушел, походил малость – нога ничего. И спина только чуть поламывает. Вышел, прошел возле избушки. Ладно все. Гляжу, пихтовый обломок лежит, метра всего полтора. Дай, думаю, к избушке подтащу, сожжем. Поднял на плечо даже. Ничего вроде, совсем не тяжелый. Вот, думаю, и ладно, теперь хоть дрова могу собирать. Шагнул – и света невзвидел! И ногу и спину как прострелило. Упал, хоть землю грызи! Отлежался, к избушке пополз. Вроде рядом, а полз дотемна. Думал, в чу вале огня не застану. Взгляну на трубу – не дымит, воздух только теплый дрожит, угли, значит, остались. Вполз в избушку – и все, с места не сдвинусь. Так на полу сутки и пролежал. Брошу в чувал палку, которая полегче, и опять лежу. А двинуться хошь – так круги в глазах.

– Удивляюсь, Федор, ты же взрослый человек!

Росин прошагал из угла в угол и, придвинув корягу к Федору, опять сел.

– Говорил же, лежи, лежи, Федор! Рано вставать. А он – на тебе, дрова таскать вздумал!

– Сам бы побыл без дела, другое бы говорил.

– Сейчас-то как у тебя?

– Ничего, терпит.

Росин сел к столу и на маленьком куске бересты выколол кончиком ножа:

«SOS! СССР. Тюменская обл.

Поватский р-н, оз. Щучье.

Росин. Суров. SOS!»

– Ну а как в урмане-то, сделал что?

– Да, – оживился Росин, – два маршрута описал... В общем, хорошо поработал.

– Ты так и делай свои дела. Нечего со мной нянчиться.

– Ничего, Федор, хватит еще времени, успею. У меня пока и тут дела есть.

...По заросшему ивняком берегу Росин пробирался к глужим заболоченным заливам. Птенцы выпи вылезли из гнезда, устроенного на заломе тростника, и теперь на своих цепких ногах перебирались по ивовым веткам. Один прыгнул на слишком тонкий сучок, тот согнулся, и птенец оказался в воде. Забултыхался в ней и, помогая себе крыльями, забрался на другую, более крепкую ветку.

Солнце было уже высоко и всюю припекало. Росин вошел в тростники, побрел по воде. Начались разводья. Над пылающими листьями и цветами белых лилий летали голубые, как небо в этот жаркий день, стрекозы. У края воды перед стенкой тростника темно-зеленая полоска хвощовых зарослей. В прозрачной воде всевозможные водоросли образовали подводные джунгли, в которых сновали бесчисленные мальки.

Крупный карась поднялся из зарослей реки к поверх-

ности, остановился перед Росиным, пожевал губами и, дав рассмотреть свою темную широкую спину, неторопливо поплыл, шевеля листьями кувшинок. Не успел отплыть этот, а в тине зашевелился второй, подальше проплыл третий.

«Вот бы сюда рыболовам, – подумал Росин, – отвели бы душу».

Щупая палкой дно, Росин побрел краем тростников, с трудом вытаскивая из ила ноги.

Поднялась и неторопливо полетела над зарослями темно-бурая птица с желтоватой головой. «Болотный лунь», – узнал Росин. За болотом суетился журавль. Он подбрасывал вверх черную ленту, опять ловил. Наверное, поймал змею и убивал, прежде чем съесть.

Наконец твердый грунт – Росин вышел на сухой островок. Из-под ног, хлопая крыльями, кинулись к воде утята. Росин упал и схватил утенка. Другие тут же пропали. Упрятав утенка в туес, Росин осторожно нагнулся к высунувшейся на поверхность точке с парой маленьких дырочек. Цап! И в руках, вытянув шейку, завертел головкой утенок. Пальцы чувствовали, как быстро-быстро колотилось сердечко. Росин обернул вокруг лапки утенка маленький кусочек бересты и прочно привязал его самой тонюсенькой веревочкой, какую только могли сплести из лыковых волокон искусные руки Федора. Вскоре с зовущим на помощь берестяным письмом на лапке шмыгнул в тростники и второй утенок.

Булькала вода, шуршал раздвигаемый тростник, все даль-

ше и дальше уходил Росин, едва выделяясь побелевшей от солнца гимнастеркой среди тростников...

До самого вечера доносились с острова тревожные крики уток...

Наконец опять зашуршал тростник, забулькала вода, и на ближайший к берегу островок вышел Росин. Едва передвигая ноги, брел он своим следом назад. У заливчика, где поймал первых утят, взлетел с земли болотный лунь. Росин увидел перья. Подошел ближе. В траве лежал растерзанный лунем утенок, и на лапке берестяное письмо.

«Ну вот, из четырех осталось только три. Стоит ли тратить силы на эту затею с письмами? – Росин опустил на кочку, невидящим взглядом смотрел на берестяное письмо и пальцами задумчиво перетирал сухой коричневый листок болотной травы. – Мы будем ждать, а они вот так будут лежать в траве. А потом и под снегом... Нет, все же стоит! Но как можно больше надо писем. Скоро у уток линька. Больших кольцевать буду».

Весь день маячил перед глазами растерзанный утенок с письмом на лапке, весь день сжимала сердце тоска.

– Как ты здесь, Федор? – спросил Росин, войдя в избушку.

– Не болит вроде... После того раза в спине будто вправилось чего.

– Хорошо бы «вправилось»... Тогда, может, завтра в урман сходить?

– Сходи, конечно.

– Начну-ка я учет мышевидных. Его пока и тут, поблизости, вести можно.

– Неужто всех мышей сосчитаешь? – удивился Федор.

– Всех не всех, а приблизительно сосчитаю. Затем и пришли, чтобы определить, смогут ли тут жить соболя. Не утонули бы ловушки, все просто: установил на пробные площадки, проверил через сутки. А теперь придется ловчие канавки рыть.

...Росин, как ломом, долбил колом землю. Раздолбив, брался за обломок оленьего рога и его лопастью выбрасывал из канавки землю. То и дело приходилось ножом перерезать корни.

...На другой, на третий, на четвертый день все тот же кол, тот же обломок рога, такие же канавки, только места другие: сосняк, кедрач, листвяга, сумрачный ельник...

Уходя в урман, Росин готовил для Федора все необходимое, стараясь избавить его от лишних движений. Все расставлял так, чтобы Федору не нужно было не только вставать, но даже тянуться за чем-либо. Стоило лежа опустить руку, и он мог взять кружку с водой, еду, дрова, чтобы подбросить в чувал, бересту или палку, если захочется что-нибудь мастерить.

Федору было неприятно, что за ним ухаживают, как за ребенком. Заметив это, Росин готовил все как бы невзначай, незаметно для него. Но когда Федор все же пытался встать и сделать что-нибудь сам, тут уж Росин устраивал ему скандал

без всяких церемоний.

Вечером с куском бересты и костяной палочкой в руках Росин обошел ловушки, пересчитав улов. Присел на валежину и тут же сделал ориентировочный пересчет данных улова на всю предполагаемую площадь. «Здорово! Такая плотность красных и красно-серых полевок! Раздолье будет соболям».

Вдруг сзади что-то шоркнуло. Резко обернулся – никого. «Что такое? Уже в который раз: то сучок хрустнет, то ветка колыхнется против ветра... Чу! Опять в ельнике шорох».

Росин побежал от ельника, продрался сквозь кустарник – и сразу на сосну. Забрался, ждет... Все тихо... Вдруг легонько шоркнули кусты, и Росин увидел: медведь! Чуть постоял и пропал в кустах... Росин спустился и, оглядываясь, пошел.

«Опять, кажется, похрустывает. Что заставляет его следить за мной? Обычное медвежье любопытство?... Пойду-ка лучше к избушке».

Солнце село. В лесу стало сумрачно и по-вечернему тихо. Только шорох собственных шагов – и больше никаких звуков во всей тайге...

А вот между деревьями избушка. У берега в озере было видно зарю и перевернутую крышу. Вода так спокойна, что у причала не отличишь, где кончаются опоры и начинаются их отражения. И вдруг он то ли услышал, то ли как почувствовал, что сзади кто-то есть! Резко обернулся – перед ним маленькие злые глаза медведя! Прыжок – Росин у дерева...

Но взбираться не пришлось. Глухо рывкнув, зверь отскочил и тут же пропал среди выворотов.

«Что ему надо? Обычно медведи не нападают первыми. Может, просто рассмотреть хотел поближе? Во всяком случае, надо быть осторожней».

Через несколько дней Федор опять поднялся с нар.

Росин от зари до зари пропадал в тайге. А по ночам все переводил бересту – считал, писал...

– Что ты последнее время какой веселый? – спросил Федор, глядя, как Росин, насвистывая, с охотой собирался в урман.

– С чего ты взял? – уклончиво ответил Росин. – А пожалуй, на самом деле хорошее настроение. Это, наверное, оттого, что в последнее время есть нужная, определенная работа. Понимаешь, она как будто связывает с миром. Теперь и мы как все, не просто существуем, а делаем свое, не только нам нужное дело.

– Да, с хорошим делом на душе светлее. Много ли тебе еще работы?

– Самые глухие места остались. Тут в одном месте сплошные завалы, видимо, когда-то ураган полосой прошел, почти все деревья вывернул. Как-то обойти хотел, километров восемь прошел, а полоса все тянется, и конца не видно. Пожалуй, самый глухой угол. Туда все медвежьи следы уходят.

Федор как мог старался помочь Росину. Ему лучше удавалось приготовление бересты для записей. Он наготовил ее

такую кипу, что хватило бы на солидное собрание сочинений.

Земля была завалена деревьями, потерявшими кору. Над упавшими поднялись молодые. Местами полусваленные деревья еще цеплялись корнями за землю и тускло зеленели невеселой, болезненной зеленью.

Пролетело гонимое ветром перо рябчика... Пролетело второе. Росин осторожно пошел встреч ветра, нанесшего эти перья. На поляне, на голом бугорке, сидел ястреб-тетеревятник и когтями и клювом ощипывал рябчика. Крылья и ноги у жертвы были уже оторваны, теперь ястреб сощипывал перья. Быстро разделавшись с ними, он поднялся и полетел, неся в когтях тушку. Пролетая над гнездом, на лету бросил рябчика сидящей на гнезде самке. Та ловко поймала его и принялась терзать, отрывая куски и засовывая их в голодные глотки птенцов.

Пробираясь по завалу, Росин спустился в низину. Под ногами зачавкала вода. Припал к земле, напился из старого медвежьего следа, поднялся было идти дальше... А дальше некуда – щетина сучьев, острых, как штыки. Кое-как, на четвереньках, забрался на завал. Гнилая валежина, на которую оперся, рухнула, и Росин полетел вниз, царапаясь о сучья. Но в последний миг как-то изловчился и повис над сучьями, острыми, как колья в ловчей яме. Осторожно выбрался на завал и вдруг увидел тропу! «Вот эта тропинка идет к людскому жилью. Пройти за деревьями с полкилометра – и бу-

дет небольшая деревушка с обычными деревенскими избами, с петухами, с лаем собак. Ходят люди, играют на зеленой траве-мураве ребятишки, женщина в красном платке идет за водой с коромыслом...» Росин вздохнул: тропинка говорила не о близости человеческого жилья, а о его отдаленности. Это была торная медвежья тропа. Росин спрыгнул на нее. По сторонам были разрыты бурундучьи норы, перевернуты колодины. На стволах отметины страшных когтей. До многих не дотянуться. Немалые, видно, звери ходят.

Тропа – то влево, то чуть ли не назад, то вправо. «Если на одном из поворотов встречу с медведем, – думал Росин, – не миновать беды. Но не лезть же по завалам».

Сбоку лежала перевернутая колодина. Одним концом она совсем недавно была под муравейником. На ней еще стоял запах муравьиной кислоты. Росин чуть передвинул нож на поясе. Тропа петляла меж нагромождений деревьев. «А как же хороши эти завалы для соболей! Безусловно, в этом районе будет большая часть их гнезд».

Завалы кончились как-то сразу. Тропа разделилась на несколько тропок, но и те сразу пропали в светлом лесу, где березок больше, чем кедров и елок. «Надо поподробней записать все об этих завалах».

Росин присел было, но тут же вскочил от медвежьего рева. Медведь взревел опять. «Э, да он кем-то обижен, – понял Росин. – Но кем?...» Стараясь не наступать на сучья, пошел в сторону рева, подобрался к поляне и... неслышно засмеял-

ся. По траве катался и шлепал себя лапами небольшой медведь. Над ним густым роем вились пчелы. Наконец мишка не выдержал – и во всю прыть с поляны!

Метрах в пяти от земли, в стволе елки, чернело небольшое дупло. Вокруг по свежим царапинам медвежьих когтей ползали пчелы.

«Неплохо бы медку! – подумал Росин. – Топорик бы надо! Смахнул ночью елку – и вырубай мед. И воск бы пригодился на свечи. Там его...» Шлепнув себя по щеке, Росин проворнее медведя пустился с поляны. Заскочил в березник, послушал – не гудят. Потер ужаленную щеку. «Ведь там этого воска на столько бы свечей хватило! А может, попробовать без топора?»

...Вечером в березняке уже стояло большое берестяное лукошко. Тут же лежала увесистая дубина. Рядом – остро заточенные березовые клинья.

Пока еще жужжали возле летка пчелы, у другого конца поляны Росин собирал сушняк.

Погас на верхушке пихты последний луч, пусто и тихо стало у дупла... Росин обложил хворостом ствол елки. Достал из туеса фитиль с кремнем, высек огонь и долго возился, раздувая пламя.

Ярко вспыхнул в вечерних сумерках костер. Испуганная белка недовольно ускакала по веткам...

Медленно обгорал ствол елки. Неподалеку глухо поскрипывали деревья, будто похрапывал лес во сне. Длинной пал-

кой Росин счищал со ствола нагар.

«Мечты, мечты... Собирался в это время уже отчет кончить, в Москву поехать, Олю увидеть... А вышло...» Давно зажглись и заметно передвинулись по небосводу звезды. Опрокинулся ковш Большой Медведицы. Росин все сидел у костра. Время от времени поднимал голову, подбрасывал в огонь дрова. Пламя вспыхивало ярче... и опять тихонько оседало.

Чуть слышный треск. Росин встрепенулся. Это треснул подгоревший ствол. С минуты на минуту елка должна упасть. Подбросил еще немного дров. Большой огонь нельзя: спалишь и мед и елку. Да и маленькому огоньку работы теперь немного: даже неслышный ветерок заставлял елку потрескивать... Наконец дерево глухо треснуло, нехотя накренилось и рухнуло на землю, взметнув сноп искр. Росин схватил берестяное лукошко и вылил в дупло воду.

Опять горел костер, пережигая елку у дупла. При свете костра Росин рассек кору, сделал вдоль ствола насечки для клиньев. А потом до самого рассвета колотил дубиной по клиньям, пока наконец не развалил бревно надвое. Сразу же жаждали пчелы: видимо, намокли не все. Росин отломил кусок от сотов и стал сосать душистый, самый свежий мед. Пчелы зудели над ухом, запутывались в волосах, в бороде. Одна ужалила в лоб, вторая – в губы. «Нет, надо сматывать удочки!» Росин принялся торопливо вырезать соты и складывать их в берестяной туес...

Невыспавшийся, опухший от пчелиных жал, Росин пошел к избушке. Вот и тропа. Что-то прощуршало впереди. Росин остановился, всматриваясь в завалы.

«Как будто никого... А вдруг опять медведь? Вот ведь отметины каких когтищ! Такая лапа одним ударом перебивает хребет лосю. Но что стоять? Надо идти, другой дороги нету».

И вдруг от удара в спину Росин упал на тропу.

Глава 15

Росин выхватил нож, полный решимости как можно дороже продать свою жизнь.

Но сзади никого... Спереди тоже... А спину – будто разламывает!

Ж-ж-ж – услышал он и увидел крупного шершня. Один! Второй! Росин схватил лукошко, тус. И если бы шершни могли, они бы удивились: впереди – никого, сзади – никого. Был человек – и нету. А Росин, как спринтер, мчался по тропе...

– Как это тебя угораздило? – удивился Федор. – Весь в ссадинах.

– Да вот сумел... В завале упал. Еще повезло, задержался, ниже такие пики торчали – ой-ой-ой! А это ерунда.

– На-ка вот, замажь все. – Федор подал берестяную баночку с пихтовой смолой. – Разом затянет.

Росин рассказал, как пчелы изжалили и как на шершней угораздило нарваться.

– Как шарахнет в спину! Думал, медведь позвоночник перебил.

– А тут без тебя медведь к лабазу подходил. Рыбу причуял. Шумнул на него в окошко – сбежал.

– Вот бы его самого в лабаз.

– Да, – согласился Федор, – это бы дело.

– Ловушку какую-нибудь придумать... А что, если с ножом? На какого поменьше.

– Ишь ты, с ножом! – рассердился Федор. – Сунься. Больно ловкий. Хватит лапой – отдашь душу. Брат у меня, вдвоем были, с ружьями, и то... Верно, то шатун был – в берлогу не лег. А шатун завсегда лютый, напролом идет. Случайно наткнулись. Стрелил я – неладно. Он волчком на месте. Никола – бац! Медведь к нему. Я – патрон, а он Кольку сгреб – кости хрустнули... Пробуравил я косолапому череп, да уж поздно... А ты – «с ножом». Ловкач какой... Ловушку сладить – дело другое. Только без топора уж и не знаю как.

– Слушай, а ты ничего не слышал про медвежью болезнь? – вдруг спросил Росин.

– Что за болезнь?

– Читал я, раньше на медведей так охотились. Ни ружья, ни ножа не надо. Выследи пасущегося медведя, подкрадись и загрохочи со всей силой по заслону от печки. Шарахнется перепуганный медведь в сторону. Пробежит немного и подохнет от этой самой медвежьей болезни: кровавого поноса.

– Как же, слышал. Сказки, поди, все.

– А может, и не сказки. Я об этом не раз читал. И ты ведь слышал. Надо попытаться. Чего мы теряем? А вдруг действительно медведя добудем? Только вот какую погремушку сделать?...

Вместо заслона вытесали широкую доску из разбитой молнией колодины. Высушили ее над костром, и теперь, ес-

ли по доске ударить такими же сухими палками, раздавался громкий, резкий звук.

– Вот и готово орудие. Можно караулить.

– Вперед место приискать надо. А то все лето прокараулить можно – и не увидишь. Ты по урману много ходишь, вот и приглядывай поляну лучше. Сразу поймешь, на которой часто кормится.

...Однажды Росин прибежал в избушку.

– Федор, поляну нашел, во! – показал большой палец. – Почти наполовину без дерна! Весь в рулоны на краях скатан!

– Во-во! Червяков искал.

– Ну да, вся когтями перерыта. И дудник поеденный. И еще целый есть! В общем, завтра иду караулить. Тем более что обследование почти закончил.

...На другой день Росин встал затемно. Подбросил дров в чувал и при его свете собрал вооружение. За спину повесил доску-барабан, в карманы сунул палки, на пояс, как обычно, нож.

Светлело быстро. На тропинке стала видна даже сплошная сетка следов, оставленная ночью множеством дождевых червей.

Росин почти бежал.

Хоть и светло, но ни деревья, ни трава, казалось, еще не проснулись. Росин пошел осторожней... А вот и совсем остановился. Достал из туеска кусок толстой еловой коры. Подвязал к ногам под подошвы. «Теперь не учует».

На поляне вскарабкался на березу, присмотренную с вечера, уселся в развилку, приготовил «шумовое оформление». Даже в чаще сумрак уступил место ровному, чуть туманному свету утра. До самой земли свисали отяжеленные росой косы березок. На листке спала стрекоза с посеребренными росой крыльями... Слабый ветерок тронул верхушки деревьев, и они, будто проснувшись, первыми увидели солнце.

Росин взглянул вниз. Среди серой травы резко выделялась зеленая полоса. «Да это же мои следы! Сбил росу, когда шел. Если медведь увидит следы, пропала затея! Почувствовав опасность не перепугаешь до смерти», – заволновался Росин.

На нижний сук сухой пихты села небольшая, меньше голубя, ярко-оранжевая птица. «Ронжа», – узнал Росин. Подлетела вторая, и птицы принялись перелетать с дерева на дерево, присаживаясь только на самые нижние ветки. Играя, они несколько раз облетели поляну.

Бельчонок кольцом обвился вокруг шеи матери, и с этим живым воротником белка прыгала с дерева на дерево. Потом она спустилась на землю и побежала в молодой ельничек.

Незаметно поднялось над деревьями солнце, а медведь еще и не думал появляться.

Мысли переносились с одного на другое.

«Оля теперь уже ждет писем, думает – вернулся... Пождет, пождет и, наверное, напишет маме. Ведь адрес-то у нее есть. Как, интересно, будет в извещении: „Пропал без вести“»

или „Погиб“? А вдруг машинистка не углядит разницы, и Оля прочитает: „Погиб при исполнении служебных обязанностей“... Да нет, не может этого быть... Ну а вдруг?»

Солнце поднималось все выше, Росин уже прятал голову в тень от ствола березки. По стволу вверх-вниз начали ползать муравьи. Пришлось посторониться. Росин наблюдал, как эти маленькие труженики тащили к муравейнику то гусеницу, то какую-нибудь букашку, а то и погибшего муравья.

Уже, наверно, в сотый раз он старался примоститься поудобнее... Затекали ноги, уставали руки. А день все тянулся и тянулся без конца...

Росину и раньше приходилось бывать в засадах, подолгу сидеть у птичьих гнезд, наблюдать за кормлением птенцов. Приходилось сидеть и на засидках во время охоты. Он вспомнил, как мальчишкой, еще без ружья, уходил в поле и караулил там зайцев. «Ведь главное, – думал тогда, – увидеть зайца, как видит его настоящий охотник». Свою первую засидку он устроил в большой навозной куче на колхозном поле. В лунную морозную ночь он сидел в этой разрытой сверху куче и во все глаза высматривал зайцев. Снизу шло тепло от слежавшегося навоза. Вся одежда пропиталась этим запахом. Но для него тогда это было неважно. Важно, что совсем близко видел живого зайца.

Вечером Росин уже не сидел, а стоял на суку. Стоять он еще кое-как мог. В чаще начал густеть сумрак. Вдруг внизу зашуршало!

Росин оглянулся – всего лишь ежик. Он с трудом пробирался в высокой траве, цепляясь колючками за стебли. Сопел, подсовывал нос под листья, находил слизняков и ел их, чавкая, как маленький поросенок.

Все дальше и дальше шевелилась раздвигаемая ежом трава. Самого уже не видно. Только едва слышно доносилось чавканье с другой стороны поляны.

...На следующий день, чуть свет, Росин опять пришел на поляну и спрятался на березе. Но прошел и этот день, и третий – медведь не приходил.

– Может, он подходил, да причуял тебя или услышал. Коли так, не придет больше.

– Вряд ли. Кажется, тихо сидел и все время по сторонам смотрел. Пожалуй, должен первым его заметить... В общем, наберусь терпения, просижу на этой поляне десять дней, не придет – буду искать другую.

Прошло еще два томительных дня.

– Опять не пришел?

– Нет, Федор... Я уже там всех обитателей знаю. Под старым пнем горностай живет, в ельнике гнездо оранжевой ронжи, в кустарнике справа – ежик. И утром и вечером оттуда выходит, травой шуршит. Заяц иногда прибегает... Белка еще по ту сторону поляны живет. Всех каждый день вижу, а он ни разу не показался.

– Не бросить ли тебе эту затею? Причуял, поди? Потратишь время зря. Доделывал бы свои дела, и к зиме готовить-

ся надо. Уж не за горами.

– А для чего же караулю? Что лучше медвежьей туши для зимы можно придумать?... Нет, десять дней все же отсижу.

...Еще чуть рассвело, а Росин давно уже на своей березе.

«Ведь шестой день. Неужели все десять дней пропадут?

Ладно, игра стоит свеч. А пока лучше о чем-нибудь другом думать. Что бы, например, сейчас в Тюмени делал? Наверное, дорабатывал бы статью для журнала. Она у них запланирована. Так и не получают теперь... Нет, лучше погадаю, кого сегодня увижу первым... Наверное, ежа, – решил Росин и стал вглядываться в траву. – Не шевелится ли? Нет, пока все спокойно». Перевел глаза на другой край поляны – медведь! Зверь словно поднялся из травы. Раскачивая башкой, шел к дуднику. Вместо того чтобы застучать во всю мочь, Росин замер от неожиданности. Большущий, с седеющей лобастой башкой, медведь присел возле дудника и пригнул к себе лапой молодые растеньица. «Вот это да!» – подумал Росин, глядя на громадные когти звериной лапы. Осторожно, не спуская с медведя глаз, взял палки и что есть силы забарабанил по доске! Для большего шума или от возбуждения заорал сам. Вдруг как-то соскользнул с сука и полетел вниз. Стук и крик прекратились разом. Ударившись о землю, Росин тут же вскочил и поспешно полез на дерево. Торопиться было отчего. Вместо того чтобы умирать со страха, медведь приподнялся на задние лапы и с интересом смотрел на Росина.

Глава 16

Росин удивленно пожимал плечами и говорил Федору:

– До сих пор не пойму: глухой, что ли, медведь попался?

Или просто не из пугливых? Я до сучьев не допрыгну, а он смотрит на меня, и дудник изо рта, как папироса, торчит.

– Я так и думал – пустая затея. Ловушку ладить надо.

– Как же без топора?

– Пень подходящий найдешь – и без топора управимся...

Только редко такой пень увидишь. Надо, чтобы вместо сердцевины у него дупло, а край чтобы – как кость, а то в злобе разворотит. – Федор уперся руками о нары, приподнялся и сел. – Сбоку дырку прорежешь до дупла. В нее бревно. Наклонно. Другим концом бревно в лесину упруешь, паз там выбрать надо. И все дела – ложи в дупло приманку. Полезет лапой, стронет насторожку, бревно концом-то шмыг! В дупло. Придавит лапу и не отпустит. А дергать станет – пуще прижмет, потому как бревно другим концом в пазу осядет.

– Совсем ведь простое устройство! – удивился Росин.

– Нехитрое. Только пень найти задача. Нарочно не ищи, так, между прочим присматривай. А то прождал неделю, теперь две проищешь. А его тут, может, и нету. А время сейчас особенно беречь надо. К зиме, почитай, окромя рыбы, никакого припасу.

«Нет, Федор не прав, – думал Росин, шагая по урману. –

Конечно, нелепо ходить по тайге и искать дуплистый пенёк для ловушки, если топором за это время можно сделать десяток ловушек или с ружьём выследить зверя. А у нас ни топора, ни ружья. И потому нужно специально заняться поисками этого пня. Тем более что обследование почти закончил».

Росин круто свернул в сторону и подошел к столбообразному пню, оставшемуся от сломанного ветром дерева. Постучал по нему рукояткой ножа... Постучал еще... Пожал плечами и, обхватив пенёк, полез на него. Добрался до вершины, заглянул в торец и сполз вниз.

«Надо идти в завалы, – решил Росин. – Там больше сломанных деревьев».

И опять пришлось лазить по завалам, на этот раз – разыскивая пни. А разыскав, карабкаться, чтобы увидеть торец. Низких пней почти совсем не попадало. Деревья почему-то ломались высоко от земли.

...Однажды Росин добрался до затона озера. Нагнулся к воде – из озера на него смотрел бородатый, с загрубевшим лицом старик.

Росин смахнул со лба пот, отогнал рукой плавающие хвоинки, зачерпнул в пригоршню – напился. Зачерпнул еще – плеснул в лицо. Вытер рукавом лицо и бороду, сел на замшелую валежину. Под валежиной опустевшее гнездо тетерки – небольшая ямка, выстланная сухими березовыми листочками. «Что же делать? Уже три дня лазаю по завалам, и ни

в одном ни малейшего признака дупла. Может, тут действительно нет ни одного дуплистого пня?»

Когда вечером, едва держась на ногах, он появился на пороге избышки, руки и ноги были у него в ссадинах и, что гораздо хуже, в нескольких местах порваны брюки.

Не раздеваясь, рухнул на нары.

– Чего же ты так себя изводишь? Эдак и совсем свалиться можно... Поел бы.

– Не хочу, Федор, потом.

Росин лежал уткнувшись лицом в сено. Федор налил в берестяную кружку заваренный брусничными листьями чай, поставил кружку на стол, взялся за костыли и сделал шаг. Переставил кружку ближе к Вадимовым нарам, сделал еще шаг. Опять подвинул кружку и снова освободил руки для шага на костылях...

– На-ка, выпей.

Росин приподнялся на нарах и взял кружку.

– Нечего больше и искать.

– Спасибо, Федор. Хороший чаек.

– Вот и ладно, что не пойдешь. Может, такого пня и во всем урмане нет.

– С чего ты взял, что не пойду? Разве можно заготовить за это время столько продуктов, сколько даст медвежья туша? А шкура? Готовая шуба! Нет, Федор, отступать нельзя.

– Да ведь пня-то такого, может, и нету!

– В крайнем случае вырежу дупло ножом. Пусть на это

уйдет десять, пятнадцать дней! Все равно игра стоит свеч.

– Опять за свое! От поперечный! – рассердился Федор. – Снимай давай штаны. Опять вон обтрепались.

Уже все карманы были отпороты и пущены на починку. Теперь Федор наполовину укоротил рукава у своей рубахи. «Почто они мне? Ты вон всегда с засученными ходишь».

Если Росин хоть чуть рвал одежду, Федор обязательно замечал это и еще до того, как Росин просыпался, обязательно чинил ее. Как, из чего он скручивал нитки, что у него вместо иголки, Росин не видел. Видел только, что утром на одежде не было никаких дырок. Она была искусно заплата, прямо-таки залечена. Если бы не забота и умение Федора, давно бы ходил в лохмотьях.

Утром Росин опять был в урмане. Наткнулся на заросшую травой лосиную тропу. Пошел по ней. В тропу вливались другие тропы. Она становилась все шире и вскоре превратилась в настоящую лосиную дорогу, выбитую когда-то тысячами копыт. А к ней все примыкали старые лосиные тропы. Росин даже забыл про пни. Он почти бежал.

Высокую, заросшую елями гряду рассек ручей. Вдоль него и уходила тропа. По обе стороны высились крутые склоны оврага. У воды ни кустика – все выбито копытами животных. Только на склонах кусты. И там, где они подходили близко к тропе, серели кости лосей.

«Да это же медведи устраивали здесь засады... А вон один и сам сложил голову!»

У куста, как известь белый, медвежий череп. Из-под хищных зубов, из глазниц пробилась трава.

Тропа привела к большой, как на стойбище выбитой копытами, площадке. И за ней... Росин остановился в изумлении. Перед ним была громадная пещера. Пещера, которую в отвесной стене оврага... выгрызли и вылизали звери!

«Так и есть – солонец, выход соли!.. Вот зачем шли сюда лоси – нужна соль... И нам нужна не меньше!»

Росин поспешно вошел в пещеру, отковырнул ножом кусок земли. Лизнул... Лизнул еще... Бросил. Подошел к другой стене. Отковырнул... Тоже бросил... Попробовал с третьей...

«Несолоно... Может, вылизали все? Потому, наверное, больше и не ходят. А ведь десятки лет ходили. За меньший срок такую пещеру языками не сделаешь. Может, на потолке соленая? Там все не вылижешь!»

Росин схватил палку, ткнул в потолок. Отковырнул кусочек... «Вроде соленая!.., или кажется? Горькая больше. А все-таки вроде и соль есть».

...Распахнулась дверь избушки – на пороге сияющий Росин.

– Никак пень сыскал?

– Нет, Федор! – радостно крикнул Росин, сбросил тяжелый туес и протянул Федору комочек земли. – На-ка, лизни!

– Ты что?

– Да лизни же! Прошу – значит, надо. Во! – И Росин, ис-

пачкав язык, сам лизнул землю.

Федор нехотя, с опаской поднес комок ко рту. Росин вопрошающе смотрел на Федора.

– Как на вкус?

– Земля как земля, наверное. Кто ее знает. Первый раз пробую... Да сказывай, чего удумал?

– Из солонца земля... Соленая?

– Не разобрал... Дай-ка еще... Нет, несоленая будто.

– А по-моему, соленая. Во всяком случае, попытаюсь добыть из нее соль. Разболтаю землю в воде, дам отстояться, а потом солью эту воду и выпарю. Посмотрим, что получится...

– Отрава получилась, – сказал на другой день Федор, попробовав грязно-желтый налет, припекшийся ко дну широкой глиняной миски.

Росин тоже наскреб щепотку. Попробовал.

– Фу, горечь какая!.. Нет, Федор, лучше потом помрем от недостатка соли, чем теперь от этой отравы.

– Ты, однако, не выбрасывай. Может, когда помаленьку и возьмем. Какая-то малость соли есть. Зверь туда недаром шел... А что, пень-то не сыскал?

– Пока нет. Завтра опять пойду.

За молодым ельником Росин почти столкнулся с лисенком. Перепугавшись, тот юркнул в дупло лежащей поблизости колоды. Росин остановился, не зная, что делать. В торце замшелой колодины зияло большущее черное дупло. «Жаль,

что не годится для медвежьей ловушки, – подумал он. – Колода уже почти сгнила, да и валяется, а нужен пень... Но что же делать с лисенком?... Поймаю. Притащу в избушку – пускай живет. Сгребу руками посильнее, сожму – и все. Подумаешь, раза два укусит». Росин лег на землю и полез в дупло. Чтобы протиснуться в него, пришлось вытянуть вперед руки. В дупле стало темно – собой закрыл свет. Где-то в темноте сидел лисенок. Ближе к нему дупло стало таким узким, что Росин уже с трудом протискивал плечи. Вытянутыми вперед руками он цеплялся за неровности дупла и кое-как подвигался вперед. Стало слышно дыхание лисенка, но плечи намертво уперлись в стенки, а руки еще не доставали зверька. Росин попытался чуть сдвинуться назад и тоже не смог. Гимнастерка на спине зацепилась за что-то и не пускала. Он попробовал сдернуть ее или порвать и изо всех сил уперся руками в гнилые стенки. Труха крошилась под пальцами, а он не мог сдвинуться с места. Опять и опять яростно пытался хоть сколько-нибудь податься назад. В темном, сдавившем дупле становилось душно. Было уже не до лисенка. Хотя бы чуть сдвинуться назад: там шире.

Выбившись из сил, положил голову на вытянутые вперед руки и представил, как будет медленно умирать в этом гнилом дупле рядом с лисенком...

Отдышавшись, он ощупал дупло и нашел выступ, о который можно было оттолкнуться. Но, упираясь руками, невольно раздвигал плечи, и они заклинивали его в дупле.

Тогда он стал ногами нащупывать какую-нибудь неровность, чтобы зацепиться носком и вытянуть себя назад.

Ремешок, которым был подвязан бродень, зацепился за что-то. Росин осторожно потянул ногу к себе. Держит, не обрывается сучок! Сгибая ногу и отталкиваясь от стенок пальцами, он чуть стронулся с места и немного повернулся. Плечам сразу стало свободнее. Гимнастерка валиком закатывалась на теле, но он все же выползал из дупла! Выбрался, сел на валежину, но вспомнил о лисенке и поспешил уйти, чтобы и тот мог выскочить.

...Глухо треснул под ногой сук... Крупная рыжая птица испуганно метнулась над завалом.

«Да это же сова! – обрадовался Росин. – Вон из того пня вылетела, который выше всех».

Росин торопливо пробрался к пню и принялся стаскивать к нему сучья, обломки гнилых стволов.

«Ведь эти совы на день прячутся в дупла. Наверное, дупло!»

Быстро выросла груда древесного хлама. Росин забрался на нее, заглянул в торец пня. Перед глазами было глубокое, темное дупло!.. И опять с утра до вечера Росин в завалах. Пень, в обхват толщиной, надо было перерезать ножом, сделать гораздо ниже, надо расширить дупло, чтобы медвежья лапа опустилась туда свободно, надо подобрать бревно, вырезать паз, надо...

Но что бы там ни было надо, а настал день...

– Все, Федор, настроена ловушка!

– И рыбы положил?

– Положил. Даже меду немного в дупле есть.

– Теперь ждать будем. Даст душку рыба – придет. Если ходит поблизости. А стружки собрал ли?

– Как же, ни одной соринки! Карасей вместо щепок набросал. Даже которых на обед брал, выбросил. Только бы быстрее пришел.

...На столе был расстелен большой кусок бересты. По углам, чтобы она не свертывалась, лежали четыре камня. «Картохема Дикого урмана» – выведено сверху аккуратными буквами. Озеро, граница урмана, старые кедрачи, завалы – все обозначено на схеме. Росин тщательно вырисовывал кружочки в местах предполагаемого выпуска.

– Что, конец работы? – спросил Федор, помельче нарезая приготовленную на щи крапиву.

– Конец, Федор.

– Добре! Теперь у нас одна забота: припаса в зиму наготовить.

– Да, Федор, одна забота...

Но такая жизнь, когда все время и силы тратятся только на то, чтобы выжить, казалась Росину слишком пустой и скучной. Разыскивая дупло для ловушки, он считал все дуплистые деревья, чтобы точнее знать возможности урмана для устройства соболиных гнезд. Собирая на зиму ягоды, закладывал пробные площадки и точно определял урожайность

ягод. Подсчитывал, сколько муки можно добыть из сотни корневищ кувшинок. Собирая дрова, задавался вопросом, сколько кубометров сушняка можно собрать в тайге с одного гектара. Он старательно отмерял шагами гектар. Плотнo складывал сушняк, не зная, представляют ли какую-нибудь ценность для лесников полученные цифры. Но он все вымерял сушняк, потому что сбор дров имел теперь в какой-то степени и научный смысл.

...Росин лег на плотно слежавшееся на нарах сено, заложил руки за голову.

За стеной тоскливо поскрипывали елки.

Росин вспомнил, как мать уговаривала его не поступать в этот институт: «Не живетcя, как всем. Учился бы на инженера – в городе работать. Или дома бы строить научился. Самому под старость любо посмотреть на свой труд. А то нашел работу – по лесам бродить. В воскресенье с ружьем-то находишься».

«Да, хорошо, что она пока ничего не знает».

Вспомнилось, как в детстве нашел кусок старого брезента, отстирал в канаве, высушил, а потом мать скроила и сшила из него полевую сумку. Он уходил с этой сумкой в лес или на болото, искал там птичьи и звериные следы и аккуратно зарисовывал их в свой блокнот. В сумке, кроме карандаша и блокнота, лежали простенький школьный компас, перочинный ножик со сломанным концом и на всякий случай кусок веревки, который мог пригодиться в походе. Сумка висела

рядом с кроватью и всегда была готова к походу.

«Через несколько недель экзамены в аспирантуру. Пропадет целый год, – продолжал думать Росин. – Скоро уж разыскивать начнут. И где? В другой стороне совсем! Потом и матери сообщат... Ведь десятки людей искать будут...»

Росин поднялся с нар.

– Дай я тебе щи, что ли, помогу варить!

Глава 17

Белым-бела вся поляна вокруг избушки. Тяжелый иней склонил траву.

– Смотри-ка, Федор, какой мороз! А ведь сегодня только двадцатое августа.

– Рановато нынче холода, – сказал Федор, вслед за Росиным выходя на костылях из избушки. – Шишки чуть вызрели, а уже иней. Теперь и до зимы недалече... А лабаз, почитай, пустой.

– А медведи от таких холодов досрочно в берлогу заберутся. На медвежатину надеемся, а она под сугробы, бай-бай. Вчера опять ловушку смотрел – пусто...

– Нет, зверь раньше сроку не ляжет. Жиру на зиму нагулять надо... Только нечего на жир надеяться. Орехов нынче много. На всю зиму припасем. Через неделю можно начинать.

Отступил перед теплым еще солнцем утренний иней. Опять зазеленела трава, но теперь уже тусклой, поблекшей зеленью. И по листьям деревьев заметно – на исходе недолгое лето.

Запахами грибов, спелых ягод наполнилась предосенняя тайга.

Пропали комары, но вместо них живой серой пылью вилась назойливая мошкара. Она забиралась в рукава, под ру-

баху, в брюки, в бродни, ухитрялась кусать даже между пальцами ног. К счастью, ночью мошкара спит, ночью можно выйти из избушки и спокойно посидеть, слушая, как щелкочут клювами на мелководе утки. Долго тянулись теперь ночи. Не в пример быстро мелькавшим дням...

– Теперь в управление ребята, наверное, приехали на практику... Студенты охотоведческого факультета. Обычно я их себе забирал, места под выпуск ондатры обследовать. Теперь Алексей Михайлович, наверное, учеты проводить пошлет... Хорошо бы все-таки нескольких человек на обследование южных озер направить. Дело там нехитрое. Не хотелось бы до следующего года оставлять.

– Вадя, а ты фитиль тогда взял ли? Который возле шалаша, в дупле, прятал.

– Забыл, Федор... Да и зачем нам второй? Все равно огонь день и ночь не тухнет. И одного хватит. Схожу в крайнем случае, если понадобится, – не десять километров.

– Ну ладно, пускай лежит.

Федор легко обстругивал кол, срезая с него крупные стружки. Бывает, смотришь на руки человека и понимаешь, какая в них недюжинная сила. По движению рук, по тому, как человек берет что-то, чувствуешь силу. Такими были и руки Федора. Росин давно заметил это и все же удивился, когда однажды, подбрасывая в чувал дрова, Федор взял толстую, похожую на кость, короткую палку и тут же с хрустом переломил ее. Переломил в руках ту палку, которую Росин

пытался и не мог сломать о колено. Росин покачал головой и подумал в шутку: «Он, наверное, не понимает, что у человеческой силы может быть какой-то предел».

Федор приладил прочную трехметровую ручку к громадному чурбану.

– Вот, готова тебе колотушка орехи сбивать. Колот по-нашему.

Росин робко смотрел на колот, в котором вместе с трехметровой рукояткой больше трех пудов веса.

– Федор, а ты уверен, что это как раз то, что надо? – спросил Росин. – Не великоват?

– Что ты. Раза в два, в три тяжелее бывают. Те, верно, человека на два, на три. А тебе одному стучать придется, так что как раз. Малость разве легковая. Вон ведь какие деревья простукнуть надо, – кивнул Федор на толстые кряжистые кедры.

– «Легковат!» Да я его в руках едва держу, не размахнешься. А ведь бить надо, чтобы шишки сыпались.

– Посыплутся. Иди-ка вон вдарь по тому.

Росин подошел к увешанному тяжелыми коричневыми шишками кедру. Держа колот обеими руками посреди черенка, повернулся всем телом и ударил по стволу. Одна-единственная шишка тукнулась о землю.

– Не держал, видно, в руках! Разве так стучат! – кричал от избушки Федор. – На попа ставь колот. Возле самого ствола. Вот, вот, на землю ручкой. А теперь верх с чуркой отведи

и вдарь!

Росин отвел колотушку от ствола и с силой толкнул вперед. Удар! Тук, тук, тук... – падали шишки. Хрясь! – угодила одна прямо в лоб, и даже колот выскользнул из рук.

– От ты напасть какая! – заругался Федор. – Глаза вышибет. Вдарил – прячься под колот, под чурку. А ты вверх смотреть! Нешто можно.

Федор подковылял к кедру, поднял шишку, вылушил орех, попробовал.

– Пора, спелые орехи.

Медленно вернулся к избушке, сел на валежину, положил рядом костыли.

– Теперь вся деревня за орехами подалась. Наталья, должно быть, тоже. А что без меня наделает? Намается только. Ни орехов не наколочу, ни на промысел не попаду. Нескладный год. И она там одна.

– А Надюшка?

– Что Надюшка? Цветами только в избе мусорить. Какой еще из нее помощник... Крышу нонче летом перекрыть собирались... И Матвеевне бы надо.

– Что за Матвеевна?

– Соседка у нас, старушка. Тоже бы пора крышу подновить... Одинокая она.

– Да, Федор, я во всем виноват.

– Почто ты? Нога вот... Ладно, однако. Погляди, как кедровки на орехи насели.

– Они еще зеленые клевать начали.

– Завтра с утра и ты начинай.

Чуть свет с колотом на плече Росин вышел из избушки. Всюду сновали кедровки. Набивали объемистые подъязычные мешки орехами и летели прятать куда-нибудь под старую кору или в мох.

Росин подстрелил из лука кедровку, собиравшуюся запрятать орехи под корни трухлявого пня. В подклювном мешке сто восемь кедровых орешков. «Через полмесяца не останется ни одной шишки целой», – подумал Росин и, бросив кедровку в туес – пригодится на суп, принялся бить колотом по деревьям.

Испугавшись ударов колота, слетело несколько тетеревов. Они тоже лакомились орехами, вышелушивая их, как кедровки, прямо из шишек.

А кедровок не стесняло соседство Росина. Они лутили шишки даже на дереве, по которому он бил колотом. «Ладно, всем хватит, – думал Росин. – А кедровки ведь и пользу приносят: рассаживают кедры. Кое-что уцелеет из их запасов и прорастет на следующий год».

На каждом дереве гирлянды шишек.

«Наколочу побольше, потом собирать буду», – думал Росин.

Вдруг там, где только что был, тревожно закричали кедровки. «Уж не медведь ли?» Росин осторожно пробрался к поляне. А там росомаха расправлялась с только что сбитыми

шишками, выгрызая из них орехи. Ветерок потянул от Росина. Росомаха подняла мордочку и, понюхав воздух, неуклюже припустилась с поляны.

«Надо, пожалуй, сразу подбирать шишки, а то их тут быстро растащат», – подумал Росин, глядя, как их обрабатывали еще и кедровки...

Под вечер Росин ворвался в избушку:

– Федор! Ты посмотри, что в кедраче творится! Сплошь кедровки! На каждом дереве, наверное, по сотне. Как саранча! И все летят и летят. Знать, со всей тайги!

Федор поковылял к открытой двери. Прямо над избушкой, и слева, и справа от нее, стаями и в одиночку летели и летели кедровки.

– Худо дело. Все орехи оберут. Поспешать надо. Ты шишки не таскай, прямо там, в кедраче, хорони под хворост. Собрать потом успеешь. Второй раз за всю жизнь та кую напасть вижу. Все черно! Смотри-ка, так и мельтешат! И в деревне ничего собрать не успеют, – сокрушался Федор.

Шишки исчезали прямо на глазах.

Росин принялся колотить по кедрам. Сбитые тут же собирал в кучу и закрывал хворостом. С каждого следующего кедра шишек падало все меньше и меньше. Кедровки работали проворней... Росин торопился, но уже темнело, трудно было искать сбитые шишки...

Чуть свет в кедраче опять застучал колот Росина.

Но не спали и кедровки. Их стало еще больше. Огромные

стаи заполонили урман. Везде эти птицы. Уже попадались начисто обобранные кедры. Выклевав два-три ореха, кедровки бросали шишки на землю, а тут не зевали мыши, бурундуки. Эти зверьки добрались и до сбитых Росиным шишек. Хворост для них не преграда.

Глухари, тетерева, белки, ронжи тоже накинулись на орехи.

Теперь после удара колота шишки не сыпались дождем. Росин запускал в кедровок палками. Птицы отлетали. Но прилетали другие, глядя на них, возвращались спугнутые, и опять продолжался погром.

Вдруг – почти не тронутое кедровками дерево. Шишек много – птицы ни одной. А на соседних деревьях кишели кедровки. «Почему так? – удивился Росин и пошел к этому высокому, густому кедру. – Может, орехи какие-нибудь несъедобные? Вряд ли». Поставил колот возле ствола, отвел подальше назад – надо протолкнуть вон какое дерево – и ударил со всей силой по кедру. Сверху с ревом почти на голову свалился медведь! Росин в сторону, медведь в другую! Падали кусочки содранной когтями коры, а зверя и след простыл.

«Вот это да! – покачал головой Росин. – Даже испугаться не успел. Хорошо – пестун попался. А если бы старик?... Надо же, медведи и те за орехи принялись».

Со всех сторон летели кедровки. Чтобы опередить их, Росин торопливо застучал колотом.

Еще через день в кедрачах совсем не осталось шишек.

Опустошив кедрачи, птицы так же быстро пропали, как и появились.

Пришлось по-другому добывать орехи.

Вооружившись ножом, острым колом и маленькой лопаткой из оленьего рога, Росин разыскивал по урману белые колышки, заранее поставленные около найденных бурундучьих норок.

Отыскав норку, Росин гибким щупом из ивового прута определял место бурундучьей кладовой и рыл над ней узкий шурф, прорезая чуть ли не полуметровое сплетение корней. В кладовой были отборные кедровые орехи, без единого гнилого или пустого.

...За день два берестяных туеса полны орехов. Взяв их наперевес, Росин шагал к избушке.

По деревьям темным туманом заползали сумерки. Вокруг высокие старые сосны.

Из дупла, выдолбленного в сухой сосне черным дятлом, выглянул и пропал какой-то зверек. «Белка», – подумал Росин.

Зверек опять показал маленькую мордочку с крупными черными глазками. «Да это же летяга!» – узнал Росин таинственного ночного зверька. Выбравшись из дупла, летяга забралась на самую вершину дерева, сжалась в комочек и, резко оттолкнувшись, бесшумно полетела, похожая на серо-белый треугольник. Пролетев метров тридцать, почти у самой земли схватилась за кору дерева, быстро вскарабкалась на

вершину и вот опять, растопырив передние лапы и вытянув задние, расправила летательную перепонку и, исчезая в сумерках, спланировала к третьему дереву.

Росин спустился к ручью. У воды стоял небольшой кустик шиповника. На самой верхней веточке краснела всего одна ягодка. К этой ягодке карабкался бурундучок. Но стебель, на котором она росла, так тонок, что согнулся даже под тяжестью этого маленького зверька. Он сорвался и упал в траву. Стебель выпрямился, и на нем по-прежнему краснела ягода. Бурундучок выскочил из травы, снова полез на куст. Добрался до тоненькой веточки, и повторилось то же самое – опять свалился и снова полез. Росин опустил лук. «Это, наверное, тот самый бурундучок, которого не удалось поймать в этой норе, – подумал Росин, глядя на раскопанную неподалеку нору. – Там еще сухой шиповник рядом с орехами был. Все ягоды, наверное, давно перетаскал, а до этой добраться не мог. А теперь, после погрома, пришлось лезть и за ней.»

Опять качалась под бурундуком тоненькая ветка. Вот она резко склонилась вниз! На этот раз зверек не упал – вися вниз головой, вцепился в нее лапками. Веточка перестала качаться. Осторожно перебирая лапками, бурундучок спускался вниз, к ягоде, краснеющей теперь уже под ним, на самом кончике перегнутой ветки. Добрался, откусил и спрыгнул с нею в траву.

Нахмурившись, Росин зашагал к избушке.

Глава 18

Искать начали давно. День за днем над Черным материком и на пути к нему гудели вертолеты.

Деревушка опустела. На берегу остались только старые, разбитые обласки. На всех других люди уплыли на поиски.

Наталья знала, как страшен лесной пожар. Она ушла с поисковой группой, которой было поручено обыскать пепелище по обоим берегам реки.

Для этих мест пожар был несильным, и о нем забыли. Теперь пришлось вспомнить. Не один день ворошили люди прибитый дождями пепел, пытаясь найти хоть какие-нибудь следы трагедии. «Не могло же сгореть все, – думали они. – Должны остаться хотя бы обгоревшие ружья или ножи... Если, конечно, все это не утонуло в реке».

Поиски осложняло и то, что Росин мог отклониться от основного маршрута, чтобы проверить, не пригодны ли ближние речки и озера под выпуск бобра и ондатры. Беда могла случиться и там. Их искали и в стороне от основного русла. Но слишком много было вдоль реки коварных топей, которые могли бесследно похоронить людей. Могла бы остаться лодка. Но вертолеты, не раз пролетавшие вдоль реки, не разыскали ее...

Солнце закатилось за лес. Над затоном то здесь, то там начинали посвистывать крыльями утки. На красной от зари

воде, неподалеку от камыша, появился какой-то слишком густой кустик. Но он так мал, что даже первый, с опаской опустившийся на плес селезень не увидел в нем ничего подозрительного. Утки, подломив крылья, одна за другой, а то и целыми стайками плюхались на воду. Вокруг нарастал шум от стрекота цедящих воду утиных клювов.

Одна из уток подплыла к густому зеленому кусту и как-то шумно, неуклюже нырнула, а кустик зашатался. Но утки не обратили на это никакого внимания. Они даже не заметили, что утка так и не вынырнула...

Так же безвозвратно, одна за другой, нырнули еще три утки. А птиц слеталось все больше. Плеск, гомон стоял по всему затону. И вдруг вся эта масса птиц со страшным шумом сорвалась с затона и, испуганно крикая, в беспорядке заматалась над ним. Посреди затона стоял Росин с густым зеленым кустиком вокруг головы.

Дрожа от холода, не обращая внимания на мечущихся над затоном птиц, он побежал по мелкой воде к берегу, держа в посиневших руках по паре уток. На берегу отряхнулся и, не чувствуя заочневшими ногами земли, припустился к избушке.

– Ты чего же удумал! – ругался Федор. – Свалиться захотел! И летом-то вода холоднющая, на берегу местами лед подо мхом не отходит. А он после инея столько в воде просидел. Залазь быстрее на нары, чего стоишь!

Синий от холода, Росин покорно шмыгнул в сено и клацал

там зубами.

– Не встать тебе завтра. Знамо дело, сляжешь, – ворчал Федор, торопливо заваривая чай из листьев смородины.

Но назавтра Росин встал как ни в чем не бывало.

– Что, Федор, у тебя уже завтрак готов?

– Повремени малость. Пусть как следует упреет.

– Опять бурда из манника? Ну, хорошо, хорошо, – поспешил исправиться Росин, – каша! Буду с удовольствием есть!

Крикни, когда поспеет.

Росин вышел из избышки и с силой швырнул нож в ближайшее дерево. Нож вонзился и мелко задрожал рукояткой. Росин выдернул его, отступил на несколько шагов от дерева и с еще большей силой швырнул в ствол. Острый конец глубоко вонзился в древесину.

Из избышки вышел на костылях Федор.

– Все бросаешь? Погляди, как ручку оббил. Совсем поломаешь. И что тебе далось нож кидать?

– А вот научусь как следует в цель попадать – и охотиться с ним можно. Посмотри, насколько в дерево входит. На близком расстоянии такое оружие не хуже ружья.

– Уж не на медведя ли аль на лося собрался?

– А почему не попробовать?

– Ты взаправду не вздумай в кого из них кинуть. Попасть-то попадешь, видал, ловко у тебя получается. Только звери-то шибко на рану крепкие. Уйдут с ножом – ни мяса, ни ножа. А без ножа нам... – Федор развел руками.

Росин еще раз швырнул нож в прилепленный к сухостойне березовый листок. Лезвие вонзилось чуть ниже листка.

– Вот видишь – мажу... Ты о чем задумался, Федор?

– Теперь, поди, ищут нас. Всех в деревне от дел оторвали. Добро бы хоть там искали, где надо, еще куда ни шло. А то ведь в пустом месте.

– Думать об этом страшно. Люди бросят все и будут искать, где нас никогда и не было. Еще, не дай Бог, самолеты пошлют. Нам соболей выпускать не всегда их сразу давали, а тут без всякой пользы мотаться будут... А может, сюда какой по пути залетит?

– Ближнее ли дело – «по пути». Сюда лететь да лететь. А почто? Тайга не изба – всю не обыщешь.

– А давай сигнальные костры зажжем! Может, какой самолет и заметит.

– Может, и заметит, который пожары смотрит.

К вечеру на берегу выросла гора хвороста и зеленых веток.

«Дня на три палить хватит», – с удовольствием думал Росин.

Наутро от головешки из чувала задымилась куча хвороста, а когда затрепетала клокастым пламенем, Росин бросил на нее охапку пахучих зеленых веток.

Клубами завертелся густой серый дым и поднялся над тайгой высоким косым столбом.

И началось. Методично, одну за одной тащил охапку, бро-

сал в костер, шел за другой, приносил, бросал, снова шел... И так без конца.

Бушевало пламя. Мокла от пота рубаха. Росин свернул к озеру, сунул рубаху в воду, не выжимая, натянул на себя.

– Поотдохнул бы. Гляди-кось, ветки-то к концу, – сказал Федор, укрепляя на колу уток, чтобы коптились в дыму.

– А я ведь думал, дня на три хватит... Ну ничего, сигналить так сигналить! А меньше что за дым?

То и дело Росин посматривал в голубое небо... Но там только редкие, просвеченные солнцем облака.

Чайки и крачки уже привыкли к дыму. Сновали возле самого костра, пролетая порой сквозь серые клубы.

– Полно. Не шибко часто тут самолеты. Лучше бы те дрова да в зиму...

Росин подошел к озеру, зачерпнул обеими руками воду, плеснул в лицо. На губах горько-соленый вкус пота.

– Ладно, Федор, теперь до вечера недолго. Подымлю, если уж взялся. На худой конец, утки лучше прокопятся.

Село солнце. На берегу догорал сигнальный костер, разнося по воздуху белый пепел сгоревшей хвои.

– Кончи, паря, звезда вон небо просверлила. Кто теперь полетит.

...В небе и тихих затонах замигали звезды. Потонули во тьме берега, слились с небом контуры деревьев.

Федор сидел возле костра и неторопливо мешал деревянной ложкой щи из кислицы. Росин подтолкнул в огонь недо-

горевшие концы веток. Федор опустил руку с ложкой и невидящим взглядом смотрел на огонь.

– Да, беспокойство дома. Наталья, поди, ревет втихомолку... А Надюшка, должно, в школу пошла...

Улыбался Федор редко. Но когда разговор заходил о Надюшке, лицо его всегда теплело и становилось особенно добрым от этой отцовской улыбки.

Но вот оно опять стало хмурым.

– Портфелью сулил ей купить...

«И Оля теперь уже занимается, – подумал Росин. – Кончились каникулы...»

В костре зашумели убежавшие щи.

– Давай-ка есть, – спохватился Федор. – Готово давно.

Оба молча принялись за еду.

Крупные звезды горели зеленоватым светом, как горят в темноте кошачьи глаза.

Все больше на небе звезд, все гуще сумрак. Костер теперь как в шатре из непроглядной мглы. В этот шатер то и дело влетали ночные бабочки и, опалив крылья, гибли в огне.

– А у меня мать еще ничего не знает. Волнуется, конечно, у калитки безрукого дядю Яшу с почтальонской сумкой встречает. А он: «Нет, Катерина, опять ничего. Да ты не грусти, напишет...» А ведь скоро из управления напишут: «Пропали в тайге».

Росин замолчал. Вспомнилось неутешное горе матери, когда дядя Яша принес извещение о смерти отца.

– Ничего... Что мы, померли, что ли? Вернемся, опять ладно все будет.

– Не знаю. После смерти отца у нее сердце здорово пошаливать стало.

– Ничего. Мать, она как раз сердцем чувствует, жив или не жив.

Возле притухающего костра стало холодно. Росин поднялся, ушел в темноту... Вернулся с сушняком. Федор спал. Положил голову на кочку и спал. «Что ж, ведь он вырос у костров... А мне вот что-то не спится».

Росин подбросил дров. «Да, хорошо бы, если люди могли чувствовать сердцем, – думал Росин, вспоминая Олю. – Тоже ждет писем...»

Вспомнилась первая встреча. Поздняя электричка. По окнам извилистые струйки дождя.

И вдруг она! Вошла и села напротив вместе с подружкой. «Не знаю, как проберусь в этих туфельках. Дождь, темень». – «Говорю, пойдем ко мне, – предложила подружка. – Переночуешь, а утром съездишь». – «Что ты, если брат просит приехать, значит, надо». – «Тогда счастливо добратся. Я схожу. На лекции встретимся». А перед следующей остановкой пошла к выходу и она.

Тоже вышел в тамбур.

«Возьмите». – «Фонарик? Зачем?» – «Берите, берите», – почти силой впихнул, когда была уже на платформе. – «Как я его верну?» – «Я найду вас».

И нашел. Потому что на штампе ее книжки видел: «Мос-

ковский медицинский институт».

Оказалось, приехала в Москву с Байкала. И глаза у нее под стать Байкалу – голубые, бездонные.

Над озером засверкала луна.

«Может быть, ее видит Оля... А все-таки странно: вот эту луну сейчас видят люди, которые спокойно живут, работают, ходят в кино. Им и в голову не приходит, что есть где-то вот такие дебри и люди, которым уже начинает казаться, что на свете и нет ничего, кроме этих дебрей.

Что бы я сейчас отдал за какой-нибудь приемник! Ведь сколько всяких событий! А у нас о них ни малейшего представления. Слушал бы без конца и день и ночь!

Все-таки какое же чудо приемник! Сидя вот здесь, знать, что творится в мире. Даже слушать репортаж о футбольном матче... Как далеко все это! Можно сойти с ума».

Глава 19

Росин услышал шум мотора. Выскочил из избушки. Но никакого шума уже нет. Вернулся в избушку – опять шумит. Хотел снова ринуться, выбежать, да понял: это Федор тихонько храпит на нарах.

– Вставай давай. Чего ты хранишь, как самолет. Возле избушки пирамидками наставлены длинные прутья с нанизанными на них грибами.

Одна из пирамид потихоньку шевелилась. Осторожно, на цыпочках, Росин подошел к ней. Не замечая его, белка старательно разгрызала гриб, чтобы снять его с прута. Разгрызла, взбежала с ним на дерево и ловко засунула в развилку сучьев.

– Смотри-ка, Федор, там уже десятка полтора грибов!

Испуганная голосом Росина, белка цокнула и замелькала между веток.

– Вот так-то. Ты бурундуков грабить не хошь, а белка нас грабить не совестится... Хороший нонче год для промысла: белки много. Дела у нового председателя складно пойдут... Хоть бы пса моего на охоту кто взял. Неужто весь сезон без дела будет?

– Уж очень молодой у вас председатель. Мальчишка совсем.

– Ничего. Собьется где, старики поправят. Только у него

пока все как надо идет. Звероферму вон наладил. На ней бабы не меньше нашего зарабатывают, и для колхоза прибыль... Парень он расторопный, грамотный. До него всё старики колхозом правили. Привыкли по старинке тихонько жить, а он у нас парень хваткий. На-ка вот, готов. – Федор подал Росину только что сделанный деревянный совок с длинными, как пальцы, зубьями, переходящими в лоток. – Вот так прямо: зубья – в брусничник и встряхивай легонько. Вся ягода в лотке будет.

Забрав совок и самую большую корзину, Росин пошел к завалам. Там, неподалеку от медвежьей ловушки, лучший брусничник.

Посмотрев вслед Росину, Федор подумал: «Должно, ночью дождь соберется: лишайник следа не оставляет. Поотсырел, неломкий. И чаек далеча слышно. Вон где орут, а словно у берега. Грибы надо убрать».

А Росин шагал к брусничнику.

Путь недалекий, привычный, давно уже протоптал тропинку, проверяя ловушку...

Вот и брусничник. Блестели на солнце твердые листочки, а крупные глянцевитые ягоды окрасили все в красный тон. Прошел немного, оглянулся назад – полоса ярко-красных следов.

Шумно хлопая крыльями, поднялся взматеревший выводок тетеревов. Черные, краснобровые петухи веером разлетелись в стороны. «Опять с этого же места. Знают, где кор-

миться. Тут самая крупная ягода. Здесь и оставлю корзинку. Взгляну на ловушку – и попробую, что за совок».

Росин остолбенел. У ловушки медведь! Громадный, рыжий! Росин подбежал было ближе... Но медведь отошел от ловушки. Росин замер, боясь шевельнуться. Зверь повел носом, определяя, откуда же идет заманчивый запах. Вот подошел к пню, сунул в дупло нос и сразу удивился, почуяв мед и рыбу. Но голова не пролезала в дупло. Сунул лапу – и взревел от боли! Бревно осело в пазу. Медведь рванулся с такой силой, что Росин испугался за прочность ловушки. Зверь ревел, дергался, но ловушка держала. «Надо что-то делать!» Росин вынул нож и пошел к медведю. Увидев человека, зверь так рявкнул, что Росин невольно остановился. Медведь рванулся к нему и, не в силах выдернуть лапу, принялся крошить желтыми зубищами пень... Как бессилён казался нож перед этим беснующимся чудовищем тайги! Росин отошел за деревья, вырезал прочную палку, привязал к концу нож и с этой наскоро сделанной «пальмой» пошел к медведю. Завидев его, зверь снова принялся рваться. Казалось, он мог сейчас оторвать свою лапу. Дикая, неистовая злоба в глазах, клыки в пене... Такая громадная туша, а скакала у пня легче кошки. Рядом с ним никакая ловушка не могла показаться прочной. Росин медленно подходил. Дергаясь всей своей тушей, зверь пытался оторваться от пня. Больше подходить нельзя. Ключья пены летели на рубаху. «Только бы не промахнуться, – думал Росин, нацеливаясь в сердце

зверя. – Сейчас он рванется из последних сил, и, если сдаст ловушка, – все». Удар. И страшный рев потряс тайгу! Еще удар! Еще! В агонии когтистая лапахватила по пню, и след от нее – как от осколка снаряда!

...Росин рукавом смахнул пот со лба. У ног лежал убитый медведь. Кое-где еще судорожно дергалась шкура. Нож и трава в крови. На передней подвернутой лапе когти сантиметров по десять. Что-то вдруг отказали ноги. Росин сел на землю. Перед глазами бурая туша. А ему вспомнилась Оля в легком белом платье, и он в отглаженных брюках, в белой тенниске. А сейчас? Заросший, оборванный, в крови. «Но все-таки живой! – подумал Росин. – И буду живой!» Он вдруг вскочил и пустился в дикий, неистовый пляс!

Прибежал к Федору:

– Я медведя убил!

– Полно болтать-то... Что-то бледный шибко... Елки-колючки, неужто правда?!

– Да разве этим шутят!

...Вешала, на которых в начале лета сушилась рыба, теперь были заняты длинными узкими ломтями медвежатины. Старых вешал не хватило, пришлось сделать несколько новых. А туша еще едва ли разделана наполовину.

– Ничего, Федор, вид! – Росин кивнул на вешала, а сам уже жевал только что отварившуюся в здоровенном глиняном горшке медвежатину.

– Не худо глядеть... Только вот на небе-то больно толсто.

Дождик соберется... Некстати. Сейчас бы солнца.

Влажный ветерок усилился, и вечером заморосил мелкий, обложной дождик...

Он не переставал всю ночь. И утром с серого, низкого неба неторопливо, нудно сыпал все такой же, как вечером, дождь. Он не стал ни сильнее, ни тише.

Два поползняя склевывали с нижних сторон веток каких-то насекомых. В этот пасмурный день все букашки перебрались на нижнюю сторону веток.

Ближние к избушке вешала опустели. Мясо с них в несколько рядов развесили возле чувала. В чувале, не переставая, пылал огонь. Федор то подкладывал дров, то переворачивал висящее возле огня мясо.

Росин возился под наскоро устроенным, покрытым еловыми лапами навесом. Там у него костер, и возле костра тоже были развешаны куски медвежатины. С мокрого лапника на спину, за ворот падали холодные капли. Дрова, как и все вокруг, намокли, костер горел вяло, дымно, мясо не сохло.

В небе никакого просвета. Все было сплошь затянуто низкими серыми тучами.

Несколько дней вокруг избушки стоял тяжелый запах разлагающегося мяса.

А дождик по-прежнему сыпал и сыпал с хмурого неба. Земля уже не впитывала воду, и теперь она лужами стояла в промытой траве.

– Да, подвела нас, Федор, погода. И трети не пересушили.

– И это еще сберечь надо. Не то что мясо, в лабазе всю рыбу сгноим в такое ненастье.

Но дождь наконец вылился. Проглянуло долго пропадавшее солнце. Только не повеселел урман от его тусклых лучей, пробравшихся сквозь белесую мглу.

Хмурым бродил Росин. Выкопал возле шалаша яму и палкой сгребал в нее смердящие остатки мяса.

Федор опять едва передвигался по избушке – от ненастья снова разболелась зашибленная спина. Но он все-таки возился с мясом: что-то досушивал, пересушивал, готовое укладывал в туеса.

Росин лег на нары.

Озеро, тайга, избушка – все вокруг становилось ненавистным! Хотелось бросить все и вот так, как есть, идти через тайгу. Он готов был ползком пробираться по топям, готов был плыть хоть на бревне, только бы идти, идти туда! Но он никуда не шел. Рядом скрипел костылями Федор... Росин старался уснуть. Он уже по опыту знал: наутро все опять станет более-менее сносным.

– Куда ты в такую рань поднимаешься, поспал бы, – говорил Федор.

– Сколько же можно спать? Часов семь проспал: чего же на ненужный сон время тратить? Ты знаешь, мы с этим медведем и о слопцах¹ забыли. Ведь я тогда еще десяток сделал. Уж больше недели стоят. Схожу проверю.

– Ступай. Нелишнее будет, коли что попало.

Осенней сыростью, поздними грибами пахла тайга.

Пни как расцвели – все в опенках. По ярам маленькой таежной речки, по кромкам сосновых грив и болот тянулся ряд слопцов. Издали было видно: во многих ловушках упали бревна. Значит, с добычей. Обошел все слопцы и едва увязал добычу. В тяжелой связке были и глухарь, и заяц, и тетерева, и рябчики.

Путь до избушки неблизкий. В дороге застал вечер. Глаза постепенно привыкли к темноте, и идти даже в густых сумерках было не так уж трудно. Только ноша тяжеловата. Часто приходилось садиться на валежины и отдыхать. Росин так и шел от одной удобной валежины до другой.

Ночью высоко поднялась луна. Свет ее узким лучом прорвался сквозь ветки, упал на высокую седую траву и будто пригнул ее своей силой. Березки на берегу словно светились изнутри мягким серебристым светом. Над озером было так светло, что казалось, сорви какую-то невидимую кисею перед глазами, и будет светло как днем. «Что это, – думал Росин, – так ярко светит луна или глаза начинают видеть в темноте, как глаза зверя?»

Из небольшого залива донесся всплеск, непохожий на всплеск рыбы. Опять всплеск. Еще. Росин понял, что там происходит, и осторожно подобрался к заливику. Теперь было видно, как плескалась вода. Это выводок вьдр охотился за рыбой. Они загнали ее в узкий мелкий залив и принялись ловить всем выводком. С добычей зверьки вылезали на

берег. В траве их почти не видно. Росин слышал только, как в разных местах похрустывала рыба. Наевшись, одна из выдр забралась на крутой глинистый берег и на брюхе съехала в воду. Забралась еще раз и опять прокатилась с горки.

На озере кончили переговариваться гуси – время подходило к полуночи. В последнюю неделю Росин замечал, что гуси до полуночи сидели на открытой воде, метрах в трехстах от берега. Там они держались плотной стаей и часто переговаривались. А после полуночи тихонько подплывали к берегу, выбирались на него и там уже, чтобы не привлечь какого-нибудь хищника, сидели совершенно тихо.

Уже глубокой ночью добрался Росин до избушки.

– Федор, если каждую неделю по столько попадать будет, то и медведя жалеть нечего. Посмотри! Глухарь, три тетерева, три рябчика и даже заяц случайно попал.

– Добрая добыча. В ладном месте слопцы поставил. Понимаешь, где птица ведется.

– И это, Федор, после недели дождей. А сколько же за неделю хорошей погоды попадетсЯ?! Раза в три больше, вот увидишь!

– Не загадывай, тут нонче одно, завтра другое.

Глава 20

Тайга залита солнцем. Не осталось и следа от низких серых облаков. Ярко проступили осенние краски. Зелень кедров и пихт, пурпур осин, лимонная желтизна берез, как будто вобравших в себя солнце. Все не шелохнется, как на холсте. И только на осине, как на большом ветру, трепетала кучка багряных листьев. Воздух предельно прозрачен. Далеко-далеко были видны черные точки пролетных птиц.

Избушка в ярко-оранжевых гирляндах рябины, заготовленной приманивать к слопцам глухарей, выглядела как-то особенно уютно и даже весело. Федор сидел возле избушки и шучьей икрой натирал мездру медвежьей шкуры.

– Как же ее такую мять? – спросил Росин, кивнув на шкуру. – Она местами почти в сантиметр толщиной.

– Ничего, от икры поразмякнет, помаленьку сомнем. Нам, чтобы колом только не стояла... А ты далече ли собрался?

– Слопцы проверять. Опять неделя, как не был.

Заросший бородой, в заплатанных беличьими шкурами штанах, в полосатой бурундучьей шапке, Росин шагал к слопцам. Он шел по невысокому бугру и вдруг в низине увидел сжавшегося на лежке зайца. Зверек тоже заметил Росина, но не побежал, а крадучись, словно кошка, стал выбираться из частой поросли ивняка. Он еще надеялся, что человек не видит его, и торопливо переставлял лапки, припа-

дая к земле. Только выбравшись из зарослей, он, как обычно, задал стрекача.

...Бревна всех слопцов упали. Росин подбежал к ближней ловушке – пусто. Бревна отодвинуты в сторону, колышки повалены, под ними глухариные перья, а на земле царапины крупных медвежьих когтей... У других ловушек тоже перья глухарей или тетеревов и следы тех медвежьих лап.

«Да, прав был Федор, тут сегодня одно, завтра другое, – думал Росин. – И как аккуратно ворюга вычистил, ни одного слопца не прошел. Придется каждый день проверять».

Вечером следующего дня Росин опять у ловушек. За сутки упали бревна в двух слопцах. Но снова только перья. Опять опередил медведь.

– Теперь туда и непочто ходить. Он завсегда раньше тебя осмотрит. Ведь ему не идти: он рядом, – говорил Федор, а сам не переставал возиться с медвежьей шкурой. – Сходи только бревна в слопцах урони. Чтобы не попадала птица. Добычи ему не будет – уйдет.

Росин вернулся к слопцам и принялся палкой страгивать насторожки. Бревна падали и, если он не успевал отдернуть палку, прихлопывали ее к земле.

«Что это?» – вдруг обернулся Росин. Неподалеку раздался непонятный звук. Ему ответил такой же, но приглушенный расстоянием стон. «Да это же лоси вызывают друг друга на бой...» Голоса ближе. Идут навстречу. «Вот там, наверное, должны сойтись».

Крадучись побежал к месту предполагаемой встречи. Голоса быков все ближе. Росин пробирался от дерева к дереву, стараясь не качнуть ветку, не хрустнуть сучком. Лоси ревели уже совсем близко. Но дальше деревья, сучья которых высоко от земли. «На эти быстро не заберешься... Что делать? Рискнуть, перебежать этот участок? Нет, лучше обожду здесь. Сейчас им все нипочем – с землей сравняют».

Впереди прошумели кусты, хрустнули под острыми копытами ветки. Один из лосей бросился навстречу сопернику. Гулкий стук рогов, фырканье, храп, хруст веток, опять стук рогов. «Теперь им не до шорохов», – подумал Росин и побежал ближе к лосям. Нагнув головы и выставив вперед широченные рога, лоси вновь бросились друг на друга и, сцепившись рогами, теснили один другого. Неожиданно один из лосей кинулся в сторону Росина. С проворством белки Росин оказался на дереве! У края поляны молодой лось отпрянул в сторону и, быстро повернувшись, ударил рогами в шею соперника, чуть не сбив его с ног. Лось потряс головой и, оправившись от удара, ринулся на противника. Тот подставил рога, но удар был такой, что молодой лось «отъехал» назад, взбороздив копытами землю. Не давая ему опомниться, старик ударил рогами в бок.

Лось упал, но тут же вскочил и кинулся бежать. Победитель неторопливо пошел в поросшую осинником низину – где-то там осталась лосиха.

Вдруг рядом каким-то особо грубым голосом возвестил о

себе еще один лось. Ободренный только что одержанной победой, сохатый с угрожающим храпом бросился к новому сопернику. Но вместо лося к рогачу выскочил обманувший его медведь! Необычно легкий прыжок – медведь на спине лося! Тот шархнулся в сторону. Медведь вцепился в загривок, лапой схватил лося за морду, стараясь свернуть ему шею. С боков и с морды лося текла кровь. Он метнулся в сторону, в другую, но медведь прочно вкогтился в спину. Из рта лося ключья пены. Он мотнул головой и освободил ее от когтей. Медведь заревел и вонзил зубы в загривок лося. Сохатый захрапел, и, вскинув морду, ринулся напролом, в гущу деревьев. Медведь ударился башкой о сук, перевернулся и хрястнулся спиной на землю. Вскочил – и в погоню. Но впопыхах в другую сторону. Поняв оплошность, заметался. Росин оторопел. «А вдруг меня найдет?!» Но медведь отыскал пахнущий кровью след и кинулся за лосем.

Стараясь не шуметь, Росин слез с елки. До земли оставалось не больше метра, и он прыгнул. Шорк! – что-то шумно повернулось рядом. Отброшенный будто пружиной, Росин взобрался на елку.

В кустах, вместо медведя, покачивался длинный сук. Видимо, когда прыгнул, наступил на конец, скрытый во мху. «После таких страхов и сука испугаешься».

Росин пошел по следам зверей. На рыхлой лесной подстилке были четко заметны следы широких лосиных копыт. Местами рядом с ними виднелись царапины когтей медведя.

Но вряд ли теперь догонишь сохатого. Его следы уверенно уходили в чащу.

Повернув к избушке, Росин остановился у слопцов. «А может, теперь медведь и не вернется?... Насторожу-ка слопцы и завтра же проверю».

...Но снова медведь опередил Росина. Та же картина: разваленный слопец, следы медведя, кое-где перья. Только по ним и видно, какой тут был трофей.

«Сюда бы ту, медвежью, ловушку, – думал Росин. – После того медведя стоит там без толку. Этот бы забрался. Наглый, стерва...»

Росин вышел к озеру.

День был вроде и не пасмурный, но какой-то тусклый. Облетали с берез листья, осыпалась желтая хвоя с лиственниц. Стаи гусей и уток заполнили озеро. Казалось, прилети еще стая, ей негде было бы сесть. Куда ни посмотри, повсюду птицы. Сейчас это пернатое царство уныло, тихо. Не было и в помине того веселого гомона, который стоял тут весной.

Щемящая тоска сдавила сердце Росина. Улетали птицы. Они улетали, как будто перед страшной катастрофой, которая вот-вот обрушится на этот край. Они торопились, а им с Федором суждено остаться здесь. Вадиму казалось, что оттуда, с севера, за последними стаями птиц придет на озеро какая-то мучительная беда...

«Пора еще раз поискать лодку. Тростник поредел, теперь самую широкую полосу просмотреть можно. Уж если и на

этот раз не найду, то нечего больше и искать».

В сером небе плыл большой треугольник журавлиной стаи. В тон их печальным голосам так же тоскливо стонала на ветру березка. Росин остановился и, пока не скрылись из виду, провожал глазами птиц.

А в это время по верхушкам деревьев, по болотам бежала тень: над протоком летел к Дикому урману поисковый вертолет. В болотных окнах коротко вспыхивало солнце...

Из Черного материка возвратились последние поисковые группы. Никто не нашел ни людей, ни следов трагедии. Предположения строили разные: сгорели в таежном пожаре, погибли в какой-нибудь топи, ушли в другое место, может быть даже в Дикий урман.

Отправить в урман поисковую группу на лодках было уже поздно. Вот-вот замерзнут реки, и тогда сами спасатели окажутся в труднейших условиях. Решено было осмотреть район с вертолета.

Дочка Федора, Надюшка, видела, как летчики рассматривали карту. Один, самый высокий, склонился над столом, другой оперся на локти, а третий водил по карте карандашом. Этот третий показался Надюшке добрее всех. Когда он остался один, она тихонько подошла к нему, тронула за рукав и попросила: «Дяденька, найди моего папку!» Летчик ничего не ответил, только едва заметно кивнул и погладил девочку по голове. Он и по карте видел, что вряд ли могли пробраться люди в такую непролазную глушь. Не нашли в

Черном материке, а тут и вовсе надежды мало. И опять над вертолетом сверкал серебряный круг блестящих на солнце лопастей. Опять все внимательно смотрели вниз. Но уже в самом начале полета пришло разочарование: проток был почти сплошь загроможден деревьями. Но вертолет все летел и летел дальше, к Дикому урману, хотя каждый уже был уверен – люди здесь не могли пробраться на лодке. А когда проток совсем затерялся среди деревьев, все решили: пора возвращаться назад. Вертолет накренился и взял курс на Тарьёган.

Глава 21

Невеселым причалил Росин к берегу. Поставил плот на прикол, обернулся к озеру. Свинцово-серая, катящаяся крутыми волнами вода, редкий, шуршащий на ветру тростник. Пустые серые берега местами тоже перекатывались волнами. Это колыхался коварный зыбун. Ветер гнал по оголившейся земле листья, сметал их на холодную воду и долго мотал по озеру, пока наконец не прибывал назад к берегу. Печально, надрывно шумела тайга.

– Что, опять не нашел лодку? – спросил Федор, откладывая костяную иголку и недошитую рукавицу из бурундучьих шкурок.

Росин покачал головой.

– И куда запропастилась? Илом, что ли, затянуло? – Федор взял пучок сухой крапивы, ловко расщепил ножом стебли, ободрал с них луб. У чувала сушились такие же пучки крапивы. Выбрал, какой всех суше, снял. На его место повесил только что расщепленный. Истолок в деревянной ступе просушенную крапиву, отбил от костры и из получившегося зеленого волокна принялся сучить нитки.

– А у тебя еще из медвежьих жил какие-то нитки есть, – сказал Росин, доедая кашу из манника.

– Те нельзя. Те на бродни. Бродни, особо подметки, крапивными нитками не пришьешь: там настоящая прочность

нужна. Вот для бродней и берегу.

...К вечеру усилился ветер. Он поднимал на озере волны, гнул на берегу деревья. Почти непрерывно, стаи за стаями, проносились над избушкой отлетающие на юг птицы.

Федор с порога смотрел на летящие стаи.

– Валом птица пошла. К снегу али к морозу... Нам бы сейчас берлогу поглубже. Ханты сказывают, если в берлогу спать ляжешь, всю зиму проспичь, только весной проснешься... В деревне, поди, лодки на берег вытаскивают. Большие есть, на которых орехи с дальних кедрачей возим. Эти всей деревней тащить собираемся. Ворот делаем... Ворот-то я за- всегда ладил. Теперь, наверное, Купландей будет. Тоже умеет... Сосед мой...

Федор помолчал, улыбнулся, как улыбаются наивной ребячьей затее, и продолжал:

– Весной ему кур привезли, четыре штуки. И петуха. Загородил их со всех сторон, в ограде держит. Видел, сколько собак в деревне? Они тут отродясь кур не видели. Им что – птица, значит, хватай, лови!.. Петух по утрам на всю деревню поет. Интересно слышать. Заголосит в тиши не, собак в искушение вводит. Ограду хорошую сделал, может, и уцелеют...

Однажды утром Росин открыл дверь и не узнал тайгу. Деревья, озеро, поляна перед избушкой – все бело. Ни травы, ни тропинок – все укрыл за ночь первый снег.

– Вот, Федор, и зима.

– Да, этот намертво лег.

– Ты знаешь, я рад, что зима настала: быстрее весна придет! Посмотри, снег какой. Даже ступать на него жалко.

– Добрая пороша. Теперь все следы пропечатаются.

Федор мало говорил о промысле. Но Росин понимал: думает он о нем часто. Да и как не думать: охотничий сезон для промысловика – время основного заработка.

...От избышки к озеру протянулись первые следы от бродней Росина. За ночь вода замерзла, и на лед тоже напорошило снегу. Росин долбил ножом прорубь.

– Вот время настало, – сказал он, вернувшись в избышку, – до воды и то не скоро доберешься.

– Не доберешься – и не надо. Теперь из снега воду топить можно.

– Нет, Федор, в воде из снега нужных солей нет.

– Мы на промысле завсегда со снега чай топим, и ничего, что без солей, – ответил Федор, ставя на угли чувала пустой глиняный горшок. – Давай воду. Эта вроде и в самом деле вкусней.

За чаем Росин иногда занимал Федора рассказами. Слушал Федор всегда со вниманием. Особенно любил он рассказы о незнакомых зверях и птицах. Порой задавал вопросы, на которые Росин не всегда мог ответить. «А какие у него глаза? – спрашивал он о еноте-полоскуне. – Зрачки какие? Круглые, как у собаки, или щелкой, как у лисы или кошки?» И очень удивлялся, когда Росин пожимал плечами. «Как же

так, – недоумевал Федор, – близко видел зверя и не заметил, какие глаза?»

Хоть ночь напролет мог слушать Федор рассказы о неведомых для него краях: пустынях с песчаными бурями, горах, где даже летом на вершинах снега, степях без единого дерева до горизонта...

Но как бы ни был интересен тот мир, о котором рассказывал Росин, для Федора не могло быть лучше его родных мест. Он все понимал здесь, все было привычно и дорого. Окажись он в других краях, не было бы ему покоя без этих черно-зеленых кедрочей с густым моховым ковром, без глухарей на речной гальке, без россыпей звезд над крышей избушки. Он врос в тайгу своими заботами и умением. А тайга вошла в его самое раннее детство елями у дома, зеленым мхом на крышах. Птичьими гнездами...

Федор любил бессуетную отшельническую жизнь промысловика. В тайге у него было время даже для того, чтобы постоять и подумать о жизни какой-нибудь маленькой пичуги. А то, что порой чуть не замертво валила на нары усталость, об этом он мало думал. Стоило утром заискриться снегу, и опять не усидеть в избушке. И не надо ему жизни лучше.

...Возле избушки появились тропки. Одна к проруби, другая к штабелю дров, третья к лабазу, а четвертая, самая длинная, уходила в урман...

Облачившись в тяжелую медвежью шкуру, Росин брел по

этой длинной тропе.

Еще на практике, когда чуть свет спешил в лес, Росин досадовал на людей, придумавших обыкновенные ботинки. «Не могли сделать с молнией. Раз – и все! А тут зашнуровывай, трать время!»

А теперь он был недоволен своим одеянием. К шкуре Федор пришел три пары тесемок. Завязывать их Росин считал лишней тратой времени и вместо тесемок пришел всего пару здоровых деревянных пуговиц. А у бродней, которые не совсем быстро налезали на ноги, не моргнув глазом располосовал верх голенищ.

Сейчас эта модернизация давала о себе знать. Под шубой гулял ветер, а бродни были полны снега. Но Росин старался не замечать этого.

С дерева на дерево, тихонько попискивая, перелетали синицы, ища в задирах коры какой-нибудь корм. В ельнике, распуская, как веер, хвост, перепархивала по нижним веткам ронжа...

Ветром накренило большую ель. Она не упала, а уперлась вершиной в стволы соседних деревьев. Оторванные вместе с землей корни не встали прямо вверх, а только приподнялись над землей, образовав глубокую нишу. Под выворотом на оголенной земле почти всюду виднелись следы рябчиков. Птицы прилетали сюда за камешками. Поблизости на снегу были следы горноста. Под выворотом он ловил мышей.

А вот под соснами темные точки и черточки: глухарь кор-

мился тронутый морозом хвоей.

Чуть в стороне раскопан брусничник. По маленьким крестикам следов было понятно: рябчик выкапывал из-под снега ягоды.

Тропа тянулась вдоль ручья. Росин то и дело сворачивал с нее и заглядывал под густые еловые лапы. Там стояли спрятанные от снега плашки – деревянные ловушки на горностаю.

Наконец кто-то попал в ловушку. Росин поднял плашку – под ней колонок, небольшой, с золотистой шкуркой зверек, похожий на горностаю... А дальше опять пустые плашки, черканы, слопцы...

– Как, греет? – спросил Федор, помогая Росину освободиться от тяжелой шкуры.

– Как деревянная на морозе, совсем не гнется. Со всех сторон поддувает... Но все-таки ничего – выходить из избушки можно. Во всяком случае, теплее, чем этот жилет. – Росин кивнул на одеяние Федора, собранное из беличьих, заячьих, бурундучьих шкурок.

– Этот жилет скоро шубой будет. Добудем шкурок поболее, полы надставлю, рукава пришью.

– К весне, может, добудем. Во всех ловушках один колонок. Да вдобавок след росомахи видел.

– Худо. Пронюхает про ловушки, все оберет, хошь и приманку стащит.

– Федор, а почему росомаха по лисьему следу шла? Неужели лисицу поймать собиралась?

– Не, лису по мелкому снегу ей не пымать. А ходит за ней не зря. Самой охотиться лень, вот и подбирает объедки. А успеет – и все заберет, глухаря там али зайца. Она чаще за медведем ходит. А теперь медведь спит.

Росин подошел к чувалу погреть озябшие руки.

– Вот и еще один день прошел.

– День теперь короче птичьего носа.

– Скоро Октябрьские, Федор. Надо будет тоже, вместе со всеми, отметить. Пусть хоть это будет как у всех.

...Никогда еще стол в избушке не был накрыт так богато. Жареная медвежatina, вареная рыба, грибы в особом кулинарном исполнении Федора (не то жареные, не то вареные), клубеньки стрелолиста вместо картошки и даже лепешки из муки, добытой из корневищ кувшинок. Был тут и богатейший набор сушеных ягод: земляника, черная смородина, малина, черника, черемуха. А клюква, брусника, шиповник, рябина были поданы в замороженном виде.

По случаю праздника Федор решил принести даже меду.

– Садись, Федор. У тебя как, богатое воображение?

– Чего, чего?

– Ты можешь вообразить, что в наших изящных бокалах, – Росин поднял увесистую глиняную кружку, – в наших изящных бокалах не вода, а неведомое бургундское?

– Брага, что ли?

– Ну ладно. Пусть будет брага. Выпьем вместе со всеми.

– Почто не выпить? Давай выпьем.

Они чокнулись кружками. Получился глухой короткий стук.

– Все-таки мы не совсем оторваны от мира. Там праздник, и у нас праздник, вместе со всеми.

– Дома-то без нас не больно веселый праздник.

– Это верно, Федор... Твои-то давно узнали, а вот матери, наверное, только сообщили... Совсем еще не остывшее горе.

– Ничего, ты же не помер. И ей, поди, написали – пропал. А пропал – может найтись. Она же понимает... Я вот за своих не опасаюсь: выдюжат. Оно, конечно, тяжело без мужика в доме одной управляться. Ну так что же поделаешь? Всяко вот бывает...

– Уже полгода ни копейки матери не посылаю.

– Письмо бы ей от тебя нужно, а не деньги.

– Письмо-то письмо, что и говорить... Слушай-ка! А ведь ей, наверное, мою зарплату выслали! Мне же там что-то причиталось.

– Конечно выслали... Может, и пенсию положили.

– А вот это уже плохо.

– Чего же плохо? Пушай получает, потом расплатишься.

– А что? Верно!

– А я вот знаешь об чем беспокоюсь? Ведь не получу я винтовку-малопульку. Их нам по записи привезти должны были. Отдадут ее кому другому. А еще-то, кто их знает, привезут ли. А уж больно удобная штука. С ружья как: найдешь белку и гоняешь по дереву, покуда не загонишь, чтобы толь-

ко голову из-за чувьев видать. Вот и стреляешь, чтобы дробь чего другого не захватила, не испортила шкурку. Чтобы, значит, первым сортом. А с малопулькой что: цель в голову – и лады. И патрончики дешевые, и унесешь хоть на всю зиму.

– Нашел о чем беспокоиться. Достану я тебе малопульку, как только вернемся. Ведь наше управление их распределяет.

Росин перестал есть.

– А что, Федор, в управлении уже, наверное, охотоведа вместо меня взяли?

– Должно быть...

– Какого-нибудь только кончившего институт... Ему, наверное, за мой стол садиться не хочется, думает, мол, после покойника.

– Полно болтать-то. Нашел о чем говорить. Ты в управлении вот чего расскажи. Народу у нас тут в тайге мало. Лежит, можно сказать, добро, а брать некому. Разве рыбы столько бы ловить надо... Или орех кедровый возьми. Много ли его берем? Если на каждую душу в колхозе считать – много. А прикинуть, сколько всего тут ореха, то каплю в море берем... С пушниной худо. Раньше-то охотники как жили? По тайге – вразброс. Сейчас всех вместе собрали. В колхоз. Ребятишки учиться могут. Магазин есть, больница, кино. Раньше – как? Один тут живет, другой там. Каждый вокруг себя промышляет. А теперь все в одном месте. Бьем зверя в ближних урманах, дальше-то на оленях не уедешь. А уедешь, так

и промышлять некогда: все время в дорогах. Так год из года и остается зверь в дальних урманах. Вернешься отсюда – пошевели там кого надо, пусть на нашу тайгу внимания поболее обращают.

Федор выпил еще воды и продолжал:

– Глядишь другой раз в кино – людей на разных машинах возят, на вертолетах тоже. Вот бы нам сюда вертолет. Одного бы на сколько колхозов хватило. Долго ли ему нас по тайге развезти? Развез, а месяца через два собрал. Тогда бы все угоды опромыслили... Говорят, с вертолетом расходы большие. Так мы их покроем. Ведь не гулять – работать будем.

– Обязательно расскажу, Федор. В некоторых промхозах это уже есть – на вертолетах охотников развозят. Со временем везде так будет.

– Добро бы...

Федор задумался, видимо, представлял, насколько лучше пойдут дела промысловиков.

О многом говорили в тот вечер. Заснули только под утро.

Глава 22

Росин проснулся и не верил своим ушам. Через заставленное льдиной окошко видно: уже рассвело. На нарах, зарывшись в осоку, посапывал Федор. И вдруг в дверь опять, на этот раз громко и уверенно, постучали! Росин соскочил с нар.

«Кто же это?! – пронеслось в голове. – Здесь, в этих дебрях, только два человека, я и Федор!»

В дверь снова постучали!

– Да! Войдите! – Росин бросился открывать дверь.

Разбуженный Федор изумленно смотрел на Росина.

«Да, войдите!» – это он услышал даже во сне. Ничего не понимая, поспешно слез с нар, подхватил костыли и тоже вышел из избушки... Росин босиком стоял на снегу и растерянно озирался по сторонам. У домика никого не было.

– Ты чего-нибудь понимаешь? – спросил Росин. – Неужели не слышал: стучали же!

– Полно тебе. Следов-то, смотри, нету. Послышалось, по-ди.

– Да что ты, я хорошо слышал! – возмутился Росин.

Тук-тук-тук – застучали опять.

Росин и Федор подняли головы и увидели на крыше дятла с желтой шапочкой. Склонив набок голову, дятел с любопытством рассматривал стоящих внизу людей.

Тут только Росин почувствовал, что босыми ногами стоит на снегу. Захлопнул дверь, а дятел опять: тук-тук своим прочным клювом, проверяя, нет ли чего съестного под корой на крыше.

– Ну что же, хорошо, что разбудил, – сказал Росин, натягивая сшитые из медвежьей шкуры бродни. – Пора за дела приниматься.

Накинув медвежью шкуру, он вышел из избушки и тут же вернулся с большим берестяным ведром. В ведре замерзла вода, и лед в одном месте даже разорвал шов. Росин сел возле чувала и то одним, то другим боком поворачивал ведро к огню. Прогрев его со всех сторон, осторожно перевернул, поставил на пол и приподнял. На полу, сверкая в пламени чувала, осталась стоять ледянка, в точности повторяющая форму ведра. Вверху Росин осторожно прорезал небольшое отверстие и вылил воду.

– Федор, готова ледянка.

– Вижу. На-ка вот. – Он подал Росину маленький, сделанный из толстой бересты туесок с мелкими дырочками в крышке. Росин поднес туесок к уху.

– Шуршит.

– А как же... Ну, ступай.

Озеро теперь было громадным белым полем. Деревья на берегу окутаны снегом. Травы, кочек не было и в помине: все занесло. Синими, зелеными, красными искрами блестя на солнце снежинки. Росин с ледянкой под мышкой брел

по тропинке, припорошенной снегом... От озера тропинка повернула к мелколесью... Выбрав, где снег чаще истрочен следами горноста, Росин зарыл ледянку в сугроб. К этому отверстию Росин приложил полученный от Федора тусок и осторожно, с уголков, приоткрыл. В ледянку шмыгнула мышь и зашуршала на дне сухим сеном. Росин подышал в замерзшие руки, потер одну о другую, спрятал в рукава и побрел по тропинке дальше. Где-то вдали на лету каркал ворон... И снова молчит тайга. В этой мертвой тишине необычно громким казался даже хруст снега под ногами.

«Сейчас все тут дикое, веками устоялось. Порой даже как-то не по себе становится, – думал Росин. – А появятся следы соболя – по-другому на всю эту дикость смотреть будешь. Уж вроде и не глухомань, а освоенный человеком лес... Этой зимой уже можно было бы выпустить тут первую партию. Теперь придется отправлять их куда-то в другое место. А сюда бы надо в первую очередь – лучшие места... Сколько штук, интересно, получат? Хотя бы поменьше дали».

На поваленном кедре стоял, насторожен, черкан. Вблизи никаких следов. Росин пошел дальше – еще пустая ловушка... еще и еще. Запахнул поплотнее шкуру, побежал, чтобы перебороть мороз. Но, увидев издали еще пустую ловушку, постоял в нерешительности и повернул назад.

– Вот видишь, Федор, как получается, – говорил Росин, подсаживаясь к чувалу, – все ловушки не удастся проверить, потому что одежда плохая, а одежда плохая потому, что все

ловушки не проверены.

– Верно, одежина нескладная. Поболе ледянок наморозить надо и ставить недалече. Горностай, он и тут вертится.

– Надо прямо сейчас на мороз воду вытащить. Росин вынес берестяное ведро и вернулся к чувалу.

– Что, снегу еще прибавило? – спросил Федор.

– Прибавило.

– Скоро нашим промысел кончать – собаки в снегу начнут вязнуть.

– Дни-то, Федор, настали, не успеешь оглянуться – темнет. И сиди вот здесь... Сейчас бы почитать что-нибудь. Любую бы книжку читать стал. Вот бы каким-нибудь чудом английский сохранился. Уж тут бы я его вызубрил. А теперь, что и знал, забуду... Надо, пожалуй, словарик составить из слов, которые еще помню.

– Нам и в избушке делов хватит, – отозвался Федор, вырезавший из осколка кости новую иглу – Зима-то, она хоть и длинная, а пройдет. Лодку делать пора.

– Страшно начинать... А может, все-таки на плоту попробуем?

– Пустое. Сам видел, что делается. У первого завала его бросишь. Долбленку и ту едва протолкали, а ты – плот.

– Ну что же, бросили у завала один плот, за завалом другой сделаем. Так и будем пробираться.

– Сколько же плотов ладить придется? Да без топора. До полпути не доберешься – паводок кончится. В первом зыбу-

не отдашь душу.

– Значит, все-таки ножом вырезать лодку?

– Терпение да труд все перетрут. Вырежем помаленьку... Лоси вон языками пещеры вылизывают... Только осину подходящую подыскать надо.

...Среди сугроба, вокруг ствола самой толстой в округе осины, горел костер. Возле костра, укрыв спину медвежьей шкурой, сидел Росин. Время от времени он вставал и палкой обивал нагар со ствола. Уже немного работы огню. Вот-вот подгоревший ствол рухнет... Запрокинув голову, Росин посмотрел на осину. «В какую же ты сторону повалишься? В ту, наверное. Вроде сюда чуть наклонилась. Или наоборот?... Нет, все-таки сюда. Надо перебраться на другую сторону». Только хотел шагнуть, подгоревший ствол хрустнул и медленно повалился на него. Росин кинулся в сторону, но запутался и упал в сугроб! Отбросил шкуру. Вскочил!.. Но поздно, да и незачем бежать: осина рухнула рядом, на шкуру.

Отдышавшись, Росин взялся за угол шкуры и потянул. Не подалась. Дернул сильнее – ни с места. Ствол угодил как раз поперек шкуры и зажал между валежиной и собой.

Ежась от холода, Росин подергал с другой стороны. Никакого толку... А сам уже дрожал от холода. «Что же делать? Прежде всего надо поближе к костру, пока не совсем замерз. Надо отжечь часть ствола для лодки, а потом колом сдвинуть бревно со шкуры. Хорошо еще, дров запас много. А то бы и шкуру не вытащить, и до избушки не добежишь – замерз-

нешь».

...По ровной белой пелене протянулась широкая полоса, как будто снежную целину пробороzdил танк. «Да, порядочно намесил, – думал Росин, стирая рукавом пот. – И еще дня три придется так же вот, по чуть-чуть, двигать колом это бревно...»

На четвертый день бревно наконец около двери. В избушке, чтобы освободить для него место, переставлена вся мебель: стоявшие в центре стол и коряги перенесены вплотную к стене.

По толстым колям-каткам бревно водворили в избушку. Оно едва уместилось в ней с угла на угол.

– Ладную осину выбрал. Давай нож, потихоньку начну. А ты залазь на нары, умаяло бревно.

– Нет, Федор, пока не стемнело, хотя бы ближние ловушки проверю.

Белой канавкой вилась по глубокому снегу промысловая тропка.

Вот и ледянка. Ее не видно. Заметно только маленькое отверстие в снегу. Возле него свежие следы горностая. Росин нагнулся и заглянул в отверстие. В ледянке метался снежно-белый, с черным кончиком хвоста, горноста́й. Маленький хищник не мог добраться по ледяным стенкам до узкого отверстия вверху...

Вернувшись, Росин не узнал бревна. Вместо черных, обугленных концов белела чистая, ровно обструганная древеси-

на.

– Когда же ты успел все это, Федор?

– Велико ли дело горелое-то срезать? Нож вот малость притупился. Подай-ка камень... А у тебя как? Добыл чего?

– Вот, три горностая. – Росин поднял руку со связкой белоснежных зверьков. – Два в плашки, один в ледянку попал.

– Добре. Везучий нонче день.

Утром Росин что есть силы нажимал на рукоятку, срезая крупные стружки. Нож глубоко врезался в оттаявшую древесину. Стружка за стружкой падали под ноги, и скоро они засыпали весь пол...

Ворох стружек рос, а бревно казалось все таким же, несколько не убыло сверху.

«Буду резать не по всей длине, – решил Росин, – а на одном месте. Но зато не кончу, пока не срежу все до отметки». И он с еще большей силой стал нажимать на нож. Волосы спадали на глаза, на лице проступали капельки пота, начали побаливать ладони и пальцы. А до отметки еще далеко. Росин зашел с другой стороны бревна и с ожесточением продолжал срезать уже не так податливую древесину... На ладонях и пальцах покраснела кожа. Стружки стали куда мельче. Но Росин все резал и резал, видя перед собой только отметку. От непривычного напряжения деревенели руки. Чтобы они могли еще работать, Росин то и дело менял движения: резал то в одну, то в другую сторону... Наконец отложил нож и едва разогнул спину.

– Много ты сделал. До самой отметки? – удивился Федор, возившийся все это время с горшками возле чувала. – Эдак мы быстро с лодкой управимся.

Росин взглянул на свои руки и тут же, чтобы не заметил Федор, опустил их. На ладонях вздулись водянистые мозоли.

После завтрака Федор встал из-за стола и, придерживаясь за стену, без костылей добрался до осины. Наточил нож и принялся строгать. Неторопливо, кажется, совсем без усилий, срезал небольшие, ровные стружки, гораздо меньше тех, которые валялись на полу.

«Нет, Федор, – подумал Росин, – если такими стружечками срезать будем, вряд ли вырежем к весне».

Росин взял кусок чистой бересты и принялся писать на ней, заглядывая в старые записи.

– Чего же ты опять строчишь? – не переставая строгать, спросил Федор. – Сказывал, закончил работу, а сам все пишешь.

– Отчет по обследованию. Мы это обычно в управлении делаем. Тут только материал собираем... А в этот раз на все времени хватит: и на обследование, и на составление отчета.

«Как закончу отчет, – подумал Росин, – займусь статьей об акклиматизации соболя в Поватском районе».

Кончик костяной палочки опять задвигался по бересте.

Росин исписал один кусок бересты, взялся за второй. Исписал и его. Взялся за третий. Наконец отодвинул бересту и повернулся к Федору.

– Вот это да! Как же ты ухитрился? Как топором стесал!

– Да и ты немало срезал, – ответил Федор, не переставая работать ножом. Движения его рук были предельно экономичны. Резал понемногу, не спеша, без всякого усилия.

Росин подошел к Федору.

– Покажи-ка руки... А у меня посмотри что делается.

– Как же это?... Теперь вот жди, пока заживут. Почто так на нож нажимал?

– Срезать больше хотел.

– Разве так больше получится... У росомахи учись. Неторопливо вроде бежит – ханты на лыжах догоняют. А как возьмет след оленя, считай – ее олень. Тут на ура не возьмешь, – кивнул Федор на осину. – Больше терпения надо, чем силы. Особливо, когда внутри выбирать начнем.

Немало прошло дней, прежде чем Росин опять смог заняться лодкой. Нож теперь только глубокой ночью лежал без дела. А весь день Росин и Федор резали, сменяя друг друга.

Руки так привыкли к работе, что теперь сами, почти механически, срезали стружку за стружкой. Время от времени Росин точил нож и опять продолжал однообразную, наскучившую работу.

– Ты чего? – спросил Федор, увидев, что Росин перестал строгать, а нож не кладет.

– Москву вспомнил... Прямо перед глазами стоит... Огни, улицы, суета, метро...

– Добро бы там побывать. Красивый, наверное, город?

– Красивый, – улыбнулся Росин. – Как-то там сейчас?...

Глава 23

Пламя в чувале длинными языками поднималось до потолка.

– Еще злее мороз будет. Сильная тяга завсегда на мороз, – сказал Федор, подбрасывая дрова.

Росин облачился в медвежью шкуру, вышел из избушки, хватил морозного воздуха и замер, боясь еще раз вдохнуть. «Видно, за пятьдесят. Даже кедры и те покрываются».

Молчалива, пустынна тайга. На деревьях тяжелая кухта. Снег набился между хвоинок и смерзся, образовав пудовые навалы, согнувшие ветки. Сухой, белесый от мороза воздух, как песком, драл горло. Пропали следы горностаев. Зверьки теперь промышляли мышшей под снегом, не выходя на мороз.

Росин подставил к лабазу сукастый обломок дерева, влез по нему и набрал в небольшую корзинку рыбы, сушеного мяса, ягод. «С тех пор как стали ходить сюда, чтобы брать, а не класть, уже не ели досыта», – подумал Росин.

В нескольких шагах от двери избушки, на воткнутом в сугроб колу, столиком был укреплен кусок толстой еловой коры. Посиневшими пальцами Росин отщипнул кусочек сушеного мяса и положил на кору.

Продукты Росин отнес в дальний от чувала угол, всегда белый от инея, повесил на протянутую под потолком жердину медвежью шкуру, поставил на угли глиняный горшок с

водой и сам сел к чувалу, ожидая, когда закипит вода.

– Ты чего такой хмурый, Федор?

– Невод у меня колхозный лежит... После промысла бригада наша рыбу ловить начнет, на озере, подо льдом.

– Сетью, может быть, а не неводом? – усомнился Росин.

– Неводом. По прорубям жерди с веревками пропускаем подо льдом, а потом и невод весь тянем. Так вот, в этом неводе дыра с прошлого года осталась. Как раз в самой мотне. Неужто ребята не посмотрят?... Мука такой лед зазря долбить!

– Как же не посмотрят? Посмотрят, наверное.

Федор подсел к окошку и принялся осторожно соскабливать ножом иней с льдины.

«Как скучно, однотонно тянется время, – подумал Росин, глядя на Федора. – Вот он скоблит льдину, потом перейдет к лодке и так же неторопливо будет строгать ее... Потом я буду строгать. Потом обед, потом опять строгать, потом спать. И так изо дня в день».

Росин взял глиняную сковородку, насыпал на нее рябины и поставил на угли. «Где-то ведь живут люди, что-то творят, строят... А мы здесь, как дикие звери, существуем почти без всякой пользы. Только и забот: как бы не помереть с голода, не замерзнуть... Что эта работа? – Росин посмотрел на стопы исписанной бересты. – Будь все нормально, ее можно бы сделать в десять раз быстрее».

Росин обжарил рябину, ссыпал в маленькую деревянную

ступку и принялся толочь, готовя суррогат кофе.

– Скука у нас тут, Федор, как в тюрьме. Даже, наверное, хуже.

– Не знаю, не был там. Из нашей деревни никто там не бывал.

Помолчали.

– Последние деньки мне из Тюмени газеты идут. Скоро все – и почтальон начнет ходить мимо. Ни газет мне не будет, ни писем... Там я умер...

Опять помолчали.

– Федор, а почему ты пса Юганом назвал? – зевая, спросил Росин.

– С Югана он у меня, с реки. Слышал, поди?

– Как же, знаю, в Обь течет.

– Так я его у юганских хантов взял, щенком. Дельный пес. Хоть лося, хоть медведя держит. И по белке хорош. Засиделся, поди. Все собаки на промысле, а он на привязи. Неужели никто не догадается с собой взять? Ему ведь на привязи – что нам тут без дела.

– Федор, а сколько лет ты промышляешь?

– Много... Отец-то не своей смертью помер, вот сызмальства и пришлось вместо него.

– Как не своей смертью?

– Ездил тут раньше купец один. Товар на пушнину менял. Жадный, говорят, был донельзя. Увидит беличью шапку брошенную – собаки играют, так и ее возьмет, у собак отни-

мет... Раз приехал еще до промысла. Товар в лабаз спрятал, сторожа нанял. Говорит мужикам (а по-русски, сказывают, плохо говорил), толкует, чтобы на промысел взяли, сам, мол, пострелять хочу. С отцом просится – тот тогда больше всех промышлял. Пошел с ним отец. Так он ни одной белки не добыл, в избушке сидел. Отцу что? Сиди, твое дело, и так возами возишь. Потом отец берлогу нашел. Обрадовался он. «Убей, – говорит, – домой приедешь, много пороху дам». А сам что придумал, с ума, что ли, от жадности сошел? Ночью разрядил у отца патроны, пороху отсыпал. Только чуть под пулями оставил. Утром отец пришел на берлогу. Шпок! – хлопок легкий. Медведь на него. Сграбастал. Остался отец возле берлоги. А тот по следу пришел. Поглядел, лежит отец, снег в крови. Забрал отцову пушнину, на нарточки и в деревню, по старому следу. Говорит – схоронил. Медведь заломал. Поменял скорехонько товары и уехал... А мужики вскорости отца нашли. Не убил его медведь до смерти. Года два еще дома лежал... А тот больше не приехал. Жалел отец: хотелось ему с ним свидеться... Я тоже не дождался. Конец купцам пришел...

– Прозевали! – спохватился Росин и торопливо пробрался через дрова к двери. Приоткрыл ее и поманил Федора: – Давай быстрее!

На кормушке из толстой еловой коры столпотворение. Серые синицы-гаички, отгоняя одна другую, подскакивали к твердому кусочку мяса, воткнутому в дырку, и, отщипнув,

тут же отлетали.

Одна синица схватила весь кусочек, спешно порхнула с ним в кусты и пропала. Другие синицы, увидев, что мяса больше нет, тут же успокоились и разлетелись.

Две бородатые физиономии убралась за дверь.

Однажды Росин вошел в избушку, держа в руке маленькую елочку.

– Сегодня во всех домах елки, пусть и у нас будет...

А вечером, к удивлению Федора, к двум стоящим у «праздничного» стола корягам он притащил третью.

– А это еще почто?

– Пускай стоит... Что тебе, жалко?

Недолго просидел Федор за новогодним столом. Поужинал, встал и ушел на нары. Лежал он тихо, но Росин слышал, что не спит... Уснул только после полуночи.

А Росин еще долго сидел и ждал, когда отсюда Новый год дойдет в Москву, к Оле. Даже Новому году на это надо три часа...

На другой день Росин, как обычно, взял нож и подсел к лодке. Но Федор остановил его:

– Погляди, ножа-то скоро половина останется. Вон как сточили. Эдак мы нож наперед сточим, чем лодку сделаем. Где можно, выжигать надо.

Посреди избушки, в лодке, задымил маленький костер. Федор поддерживал ровное пламя, а Росин протирал борта мокрым мхом и счищал нагар, когда Федор передвигал ко-

стер на другое место.

За новым занятием быстро прошел день...

Верхние языки пламени в чувале почти вылетали в трубу. Даже сквозь толстые стены было слышно, как трещали на морозе деревья.

Ночью, зябко поеживаясь, Федор слез с нар, подбросил дров в чумал и накрыл спящего в сене Росина медвежьей шкурой.

– Ты чего? – сквозь сон спросил Росин. – Сегодня же твоя очередь под шкурой спать.

– Лежи, лежи, я у чувала посижу, чего-то не спится. – Федор, придерживаясь за стену, без костылей подошел к чумалу и присел на корточки, вытянув к огню руки с растопыренными пальцами.

«Что это окошко больно посветлело? Сполохи, должно быть, всю играют».

Он встал, открыл дверь и выглянул наружу.

– Вадя, посмотри-ка, сполохи! Нонче за зиму первый раз такие.

Росин зашуршал сеном и, кутаясь в шкуру, тоже выглянул и замер: вся северная сторона неба пылала разноцветными огнями. Небосвод лизали громадные красные языки. То слева, то справа вспыхивали яркие полосы. Одни пропадали тут же, другие держались долго, переливаясь малиновыми, желтыми, зелеными оттенками. Этих красок хватило бы, наверное, на миллион радуг. Вдруг все пропало... Черное небо...

И вот на нем одна за другой повисли громадные сине-зеленые сосульки.

– Должно быть, к полуночи время. Ишь разыгрались.

– Смотри, сколько света, а небо совершенно черное, и все звезды видно.

– Тут светло, а там от сполохов завсегда темень.

– Какая же красота, Федор! Не знаю, с чем можно и сравнить!

– Прикрой дверь, холода напустим.

– Да ладно, не замерзнем. Держи край шкуры. Ты смотри, что делается!

В небе необычное движение. Появились цветные лучи. Вот они смешались, и вместо них вспыхнуло зеленоватое облако мелкой фосфорной пыли.

«Я уже видел что-то подобное, – мелькнуло в голове Росина. – Да, вспомнил, во время грозового разряда, весной».

Фосфоресцирующее облако погасло. На мгновение небо стало опять сплошь черное. Затем небосвод засветился, будто где-то за горизонтом раскинулся большой, залитый огнями город. Замерцало над головой, и через все небо протянулись громадные тяжелые занавеси, сотканые из сверкающих лучей. Они колыхались, и по ним перекатывались крупные мягкие складки, то красные, то лиловые, а вот уж и не скажешь какие – всех оттенков. Вдруг полыхнуло зеленоватое пламя, холодное, как свежий скол льдины. Стало так светло – читать можно!

Пламя сменилось мелким голубым дождем. А из-за горизонта метнулись к Северной звезде ярчайшие лучи беззвучного, но грандиозного салюта. Все замерло. Темно и на земле, и в небе. Откуда-то снизу стремительно пронесся луч. Пропал. И вновь на черном небе целая симфония цветов, как будто где-то закружился волшебный шар, собранный из всех бриллиантов мира, и эти мчащиеся по небосводу лучи – огонь его бесчисленных граней... Шар замер, лучи остановились, потускнели, и в небе вспыхнул кроваво-красный пожар. Все шире, шире, охватил все небо! Все горит!

Глава 24

Целую неделю стояла солнечная, с жестокими морозами погода. А потом небо заволокли хмурые низкие облака. Леденящий ветер, казалось, пронизывал тайгу насквозь, стучал оголенными ветками, переметал сугробы.

Ночью Росин открыл глаза. Вокруг непроглядный мрак. Не видно даже окошка. Свистел, выл ветер, шурша по стенам сыпучим снегом. Ни одного уголька не светилось в чувале.

Поеживаясь, Росин слез с нар. По полу гулял ветер.

– Опять дверь открылась, – заворчал он. Закрыв, нашел палку, копнул золу. Копнул еще – ни уголька. Бросил палку, разгреб золу руками. Она чуть теплая.

Зашевелился и Федор.

– Почто огонь не разводишь?

– Погасло все! Опять от фитиля раздувать придется. – Росин зашарил по столу, разыскивая фитиль и кремень. – Ну и холодина! Даже вода в кружке замерзла.

Росин подул на руки и ударил тупой стороной ножа по кремню. Ударил еще, еще. Искры вылетали мелкие, бледные, фитиль не затлевал. Росин бил и бил по камню.

– Попробуй ты – руки совсем окоченели.

Федор долго прилаживался, и вот снопами полетели звездчатые искры, освещая на мгновение кремень и руки.

– Отсырел, что ли? – удивился Федор, ошупывая в темно-

те фитиль. – Сухой вроде. Леший его знает, почто не загорается. – И он опять принялся выбивать сноп за снопом. – Нет, однако, до света придется мерзнуть, а там поглядим, чего с фитилем.

Федор зашуршал сеном, Росин тоже зарылся поглубже...

С соседних нар уже доносилось ровное дыхание спокойно спящего человека, а Росин все еще ворочался с боку на бок. Наконец, не вытерпев холода, вылез из сена, закутался в медвежью шкуру и, чтобы согреться, принялся прыгать на одной ноге. «Давно бы надо. Так-то лучше... Кажется, отогрелся. Надо еще попытаться».

Опять в темноте вспыхнули снопы ярких искр.

– Что, не прикуривается?

– Никак что-то, – с досадой ответил Росин и, положив кремль, опять принялся прыгать.

...Когда наконец рассвело, оба увидели – на фитиле не было нагара, на котором могла бы прижиться искра.

– В темноте все сбили.

– Худо. Надо еще попытать. Может, какая искра и прилипнет.

Федор осторожно ударял по кремню, стараясь не сбить с фитиля остатки нагара... Сочные, яркие искры попадали на фитиль... Но он был по-прежнему холоден.

– Нет, Федор, надо идти за тем фитилем, который летом в осине спрятали.

– Куда же пойдешь? Погляди, на воле-то что!

Он продолжал бить по кремню, осыпая фитиль искрами. Иная даже держалась на нем доли секунды, но фитиль не затлевал.

– Я же говорю, за другим идти надо.

– Ждать надо, покуда метель кончится. А то до смерти ознобишься.

– Вряд ли она скоро кончится. Пока дождемся, в избушке как на улице будет. Совсем замерзнем. – Росин стал натягивать шкуру.

– Нет, Вадя. В такой одеже сейчас нельзя.

– Да далеко ли здесь? Полчаса туда и обратно.

– Полчаса! – горько усмехнулся Федор. – Этого сейчас нешто мало?

– Да что я, первый раз в мороз выхожу?

– Полно. Забирайся в сено. К вечеру поутихнет, тогда поглядим.

За дверью неистовствовал ветер.

«Ладно, – подумал Росин. – Действительно, лучше обождать».

– Да не одевай ты меня шкурой! – кричал он Федору изпод сена. – Мне пока и так не холодно!

– Береги тепло. Оно тебе пригодится...

Долго лежали молча, слушая, как выл ветер.

– Федор, а вдруг и с тем фитилем что-нибудь случилось? Что тогда?

– Тогда замерзнем, – отозвался Федор.

– Не верится что-то... Столько всяких трудов. И для чего? Чтобы замерзнуть вот так, на нарах, в тысячный раз пробуя поджечь фитиль... Представляешь, картина. Заметенная снегом избушка, а в ней день и ночь сидят друг против друга два заледенелых человека. И кремень с фитилем в руках – огонь добыть хотят.

– Полно. Нашел, что говорить.

Опять замолчали.

Весь день одинаково серый. То ли все еще утро, то ли полдень, а может, уже и вечер. В избушке становилось все холоднее. Росин соскочил с нар, взял пару кусков сушеного мяса, сунул один в сено Федору, другой забрал с собой и, зарывшись в сено, тщетно старался разгрызть его...

– Вадя, – позвал Федор. – Пожалуй, вечер скоро. Что делать будем? До завтра, может, подождем? Может, поутихнет.

– Ты что, Федор! Сейчас замерзаем, а за ночь совсем все вымерзнет.

Росин надел шапку, натянул медвежью шкуру.

– Погоди, на-ка вот, поддень. – Федор снял телогрейку из шкурок.

– Ты же тут замерзнешь.

– Одевайся, в метель идешь. Поберегайся смотри.

Росин открыл дверь и поспешно отвернулся от ветра, который, казалось, сдирал кожу. Через порог белыми змейками заструился снег.

– Ишь распогодилось. Переждать бы еще ночь.

– Замерзнем за ночь. Пойду.

Внизу, вверху, по сторонам – всюду бело от свистящей метели. Даже к лабазу не было тропки. Белая кружащаяся мгла скрывала тайгу и озеро. Было непонятно, где снег лежал, где летел. Все смешалось в какую-то белую карусель.

Росин наклонился в сторону ветра и, барахтаясь в сугробе, пробивался к лесу. Ветер трепал шкуру, задувал под нее снег. Он таял на теле и тут же замерзал от мороза и ветра.

Впереди замаячили деревья – значит, конец поляны. Росин обернулся. Избушки не видно. А в пургу уходила глубокая траншея. «Обратно идти будет легче». И опять закопшился в сугробе. «Еще только треть пути, а замерз».

Среди деревьев ветер потише, уже не надо изо всех сил удерживать шкуру. Росин проминал и проминал сугроб.

«Здесь где-то осина... Рядом, помню, росли три елочки... Неужели другая поляна? Да вот же они, под сугробом! А вот и осина!.. Дупло заткнуто!.. Неужели кто-то вселился и выбросил фитиль?»

Запрокинув голову, Росин глядел на дупло, а ветер уже наметал вокруг сугроб. Росин сбросил шкуру и полез по обледенелому стволу. Бродни защищали ноги только до колен. А выше брюки намокли от снега и замерзли. Пальцы почти не гнулись. Ломило руки. «Только бы достать фитиль, пока совсем не замерз...»

Так вот кто заткнул дупло – мохноногий сыч устроил кладовую. Росин выбросил из дупла мышей, добрался до дна.

Вот что-то твердое. Вытащил руку – в ней небольшой бере-
стяной сверток.

Руки и ноги ослабли сами собой. Росин съехал по стволу
в снег. «Не отсырел ли?» А руки не держали сверток: пальцы
были белы как снег. Росин сунул сверток за пазуху, вытащил
из-под снега уже полузанесенную, затвердевшую на морозе
шкуру, кое-как натянул ее.

Идти по промятой траншее легче, но и в ней снег глубо-
кий, сыпучий. Дальше траншеи не стало – впереди поляна. С
трудом проминая снег, Росин побрел по поляне. Опять во-
круг только белая мгла метели. Все тело, казалось, промерз-
ло насквозь. И лицо и руки уже не чувствовали холода. «Мо-
жет, потерять снегом?... Стоит ли? Надо быстрее к избуш-
ке...»

«Перестают слушаться ноги. Надо пробиваться быстрее...
Наконец-то! Вон затемнела избушка... Раз... Два... Три... –
считал Росин шаги. – Так, кажется, легче. Деревья?! Значит,
это не избушка, пробрел мимо! Уже та сторона поляны...»

Метель слепила глаза, пронизывающий ветер, казалось,
леденил сам мозг. «Вроде уже и не холодно, только жутко
немее тело... Надо разобраться, спокойно подумать. Пря-
мо идти некуда – тайга. Значит, назад и немного вправо или
влево... Все-таки влево».

Неуверенно, с трудом сделал один шаг, другой и оста-
новился. В шуме ветра послышался новый, замирающий
звук... «Вадя!» – опять донеслось по ветру.

– Федор! Федор! – закричал Росин.

Порыв ветра распахнул шкуру и отбросил в сторону. Росин упал в снег и из последних сил удержал ее. Тянул к себе, но не мог поднять против ветра.

– Вадя! Вадя! – опять кричал Федор.

Не в силах подтянуть шкуру, Росин наполз на нее, кое-как завернулся прямо со снегом и, поднявшись на ноги, полез по сугробу. Снег то белый, то темный, а вот и земля начала качаться. «Дойду!.. Дойду!» А земля качалась все сильнее.

– Федор! Федор! – закричал он, вкладывая в этот крик последние силы.

...Малость согревшись в сене, Федор опять открыл дверь. «По времени должен вернуться». И вдруг среди метели увидел Вадима. Он стоял. Качался на ветру и шагу ступить не мог. Ладил только не упасть, устоять супротив ветра.

Как был босиком и раздетый, Федор заковылял к нему по сугробу. Схватил и поволок к двери... Ввалились в избушку. Снег, занесенный ногами, не таял.

Глава 25

Росин лежал на нарах. Его спутанная, клокастая борода торчала вверх, рот полуоткрыт, помороженное лицо в темных, коричневых струпьях.

На стенах, на потолке красноватый свет пламени чувала.

Федор напоил Росина чаем, заваренным сушеной малиной и корой черемухи, плотнее укрыл медвежьей шкурой, а сам снял висевший под потолком пук травы и, выбивая пыль, легонько ударил им о колено. Не торопясь развязал лыковую веревку и зашуршал сухими растениями, выбирая зверобой, богородскую травку, калган. Потом набрал сухих цветов мяты, отрезал корневище синюхи и целую ночь томился у чувала, уваривая в глиняном горшке зелье.

Утром он поднес ко рту Росина деревянную кружку с приготовленным за ночь снадобьем.

– На-ка, выпей.

Росин сделал глоток и отстранил, почти оттолкнул кружку.

– Ты что, отравить хочешь? В рот не возьмешь!

– Пей, пей, от озноба помогает. Росин сделал еще глоток и поморщился.

– Какая-нибудь старуха научила этот яд варить. Ты еще пошепчи что-нибудь для порядка.

– Сроду не верю никаким шептаниям. Да пей! Опрокинь

все разом – и дело с концом... Ну вот. На-ка, запей. Тут с медом.

Немало горького зелья выпил Росин. То ли оно помогло, то ли ежедневный чай из багульника, только наконец он поднялся с нар.

– Как твоя нога, Федор?

– Ничего. Еще походим. В кладовщики идти не придется. Совсем, можно сказать, зажила. В лабаз вот хожу...

– Давай я сегодня схожу. Хоть свежим воздухом подышу. Да и посмотрю, что там осталось.

– Мало осталось. Совладаешь ли с бревном? Тебя ведь без ветра качает.

– Справлюсь. Слушай, а может, на два дня всего принести? Чтобы тебе завтра не лазить.

– Нет. Еще не утерпим, съедим все сразу.

Росин вышел из избушки, и закружилась голова от свежего морозного воздуха. Придерживаясь за стену, жадно, взахлеб упивался он чистейшим воздухом, будто после долгой, томительной жаждыпил наконец ключевую воду.

На снегу, на гирляндах шишек искрилось солнце. К растущей рядом с лабазом елке прислонено сухое, сучковатое бревно. Росин добрался до него, обхватил обеими руками и попытался привалить к лабазу... Бревно не поддавалось... Росин уперся плечом. Бревно откачнулось от елки и привалилось верхушкой к лабазу. Отдышавшись, Росин потихоньку взобрался по бревну в лабаз. Взял там карася, кусок су-

шеного мяса и осторожно спустился вниз. Попробовал отвалить бревно назад, к елке, – куда там, даже не пошевелилось. «А ведь когда-то справлялся с этим одной рукой... Ладно, – подумал Росин, – завтра Федор отставит».

Утро назавтра выдалось серое, хмурое. Федор натянул бродни, завернулся в шкуру и вышел к лабазу за обычным дневным пайком. Как по лестнице, влез по бревну, заглянул в лабаз и... обмер! Мука, грибы, клочья бересты от лукошек – все перемешано и расшвырено! Мяса и рыбы почти не было вовсе... Только тут Федор заметил внизу следы росомахи, забравшейся ночью по неотставленному бревну в лабаз. Теряясь в снегу, во все стороны уходили эти следы...

Ни словом не упрекнул Росина. Он и не хмурился, как Росин. Только лицом стал темнее. Его бродни были полны снега: лез по сугробу, чтобы взять кусок мяса, который росомаха второпях плохо спрятала на нижних сучьях одного из деревьев.

Росин завернулся в только что снятую Федором шкуру.

– Ты это куда?

– Моя вина, мне и исправлять ее.

Он вышел из избушки, подвязал к ногам широкие еловые лапы и, неуклюже ступая, побрел на них по первому росомашьему следу... Чуть отошел от избушки – хрусть! – сломалась под ногой еловая ветка. Тут же сдала и другая. Росин по пояс провалился в сугроб. Секунду постоял в нерешительности и начал пробиваться дальше по следу. А росомаха на

своих широких лапах ходила тут, как на лыжах.

– Полно, не дело то! – кричал с порога Федор. – Только на ноги встал, опять завалиться хочешь!

Росин будто не слышал. Карабкался дальше... Но слишком тяжела затея для обессиленного болезнью человека.

– Вадя! Слышь? Давай вертайся.

Росин повернул к избушке.

Увидев у избушки людей, синицы тут же слетелись к кормушке. Тихонько попискивая, они прыгали по ней, оставляя маленькие следы-крестики, заглядывая в щелки, в трещинки.

Федор посмотрел на них, ушел в избушку и вынес оттуда маленький кусочек мяса.

– На, положи им. Тоже ведь живые души.

К полудню Федор опять был у росомашьих следов. На ногах широкие снегоступы – овальные ободы с частой сеткой из лыковых веревок и прутьев.

Вовсе не увязая в снегу, он шел росомашьим следом, которым пытался пройти Росин.

След довел до куста и повернул обратно, к лабазу. Федор нагнулся к кусту, копнул палкой снег, копнул еще и достал из него небольшой кусок мяса.

Долго петлял по урману другой, выбранный Федором след. А когда наконец оборвался и он, Федор откопал из снега лишь маленького, раз укусить, карася.

...Поздно, когда уже совсем стемнело, вернулся Федор в

избушку.

– Худо дело. И десятой доли не сыскал.

– Все следы обошел?

– Куда там. Дня три бы ходить, да снег вон пустился. До завтра все заровняет.

Утром Федор надолго пропал в лабазе...

– По сколько же теперь на день? – спросил Росин, когда Федор наконец вернулся.

– По столько вот до самой весны.

На шершавых, темных ладонях Федора лежало немного ягод, небольшая долька сушеного карася и совсем маленький, как спичечный коробок, кусочек мяса.

– На таком пайке до весны не дожить.

– Известно, не дожить...

– А это зачем? – Росин кивнул на нетолстое бревно, которое Федор приволок в избушку.

– Рожон сладим.

Первый раз видел Росин, как у Федора не ладилась работа. То с одной, то с другой стороны прилаживался он выстругивать рожон, но везде в этот раз было ему неудобно.

«Неужели медленная голодная смерть? – думал Росин. – Ведь даже при самой жесткой экономии не дотянуть до весны... – Он посмотрел на свои помороженные, еще незажившие пальцы. – И за тетиву не возьмешься... А вообще-то сейчас и с ружьем бы бродить не просто... Что же делать? Как нарочно, невыносимо хочется есть». Росин сидел на на-

рах, обхватив руками ноги.

– Давай порежу.

– Руки бередить?... Сам управлюсь.

Управился Федор только на другой день. На верхушке бревна вырезал три длинных острых зуба. Средний намного длиннее крайних.

– Как, ладно получилось?

– Кажется, хорош. Я ведь рожон только в книжках видел.

Ты-то как думаешь, попадет?

– Пришла бы только. На этот вот длинный зуб приманку насадим, прыгнет за ней и угодит лапой меж зубьев. Повиснет – уж не сорвется.

К вечеру трехзубый столб вморозили в яму возле лабаза. На длинный, острый как кинжал зуб насадили крупного карася. «Попадет росомаха, – радовался Росин, – тогда на первое время еды хватит! А там что-нибудь придумаем... А может, пару поймает?»

– Федор, а может, их две было? Неужели одной столько растащить?

– Она оленя за ночь разгрызет и по урману распрячет. А то готовое не растащить!

Ночью Росин вдруг проснулся и резко приподнялся на локтях. Прислушался... Сел на нары. Чуть пощелкивали дрова в чувале, ровно дышал во сне Федор.

Тресь! – раздалось на улице.

Росин спрыгнул с нар, толкнул дверь и, взглядываясь в тем-

ноту, старался рассмотреть рожон.

– Почто бегаешь посреди ночи? Федор приподнялся с нар.

– Шум какой-то был, думал, росомаха попалась.

– Спи. Лесины на морозе колются.

Наутро ни у лабаза, ни у рожона никаких следов. Не появилось их ни на второй день, ни на третий.

– Наверное, она совсем не придет. Запасов у нее хватает...

Чего же делать будем, Федор?

Глава 26

Федор нанизал трубчатую косточку на длинную, срезанную с ремня сыромятную полоску.

– Как петля захлестнется, костяшка как раз ему супротив зубов придется, – пояснил он Росину.

– А ты уверен, что заяц попадет в такую грубую петлю? – усомнился Росин.

– Попадет. Надо только на поляне ставить. По чистому ночью он ходко идет, не смотрит.

Забрав петли, Федор ушел в урман... Но вскоре вернулся обратно.

– Нету зайцев. Рысь посбирала. След ее видел. – Федор бросил петлю под нары. – По-другому еду промышлять надо. Сlopцы, что ли, порасчистить. Может, кто на рябину приманится.

– А если не приманится?

Не отвечая, Федор запахнул шкуру, взял нож и вышел из избушки.

– Вот это варить будем, – сказал он, вернувшись, и положил на стол желтую, промерзшую кору березы.

– Ты за этим ходил? – удивился Росин. – Это, пожалуй, все равно что пень варить. Вон, возьми у чувала и вари. За ним, по крайней мере, ходить не надо.

– Ели люди. И мы поедем. – Федор изрубил кору на мел-

кие кусочки, насыпал пригоршнями в горшок, залил водой и поставил на пылающие жаром угли.

– Сейчас бы такой чугунок картошки с огурчиками или грибочками, – вздохнул Росин. – Хоть раз бы поесть по-настоящему.

Федор взял деревянную ложку и помешал в горшке. Избушка наполнилась запахом пареных веников.

– Ну что, может, готово? – спросил Росин.

– Да вроде размякло, попробуй.

– Нет уж, ешь первый... Впрочем, давай!

Росин зачерпнул желтую, распарившуюся пищу, попробовал и тут же чуть не бросил ложку.

– Нет, такую пищу я не переварю.

Федор взял ложку и, не пробуя, принялся есть.

– Ешь, переваришь. В мужицком брюхе долото сгниет.

– От муки из корневищ опухать начали, а от этой каши совсем ноги протянем.

– Это с голодухи пухнуть начали, а не от муки. Не худо бы такой муки поболее...

В углу избушки стоял глиняный горшок с зеленоватым пахучим настоем сосновых веток. Каждый день Федор выпивал кружку и заставлял пить Росина.

– Пей, не вороти нос, цингой еще заболеть не хватало.

И Росин тоже понемногу пил этот смоляной горький настой.

Зато другое противоцинготное лекарство он мог бы при-

нимать хоть килограммами. Да Федор выдавал только по щепотке. Это были вкуснейшие сушеные ягоды черной смородины...

Т-ррр, т-ррр – донеслось из тайги.

Росин приоткрыл дверь. Неподдалеку на верхушке дерева сидел большой черный дятел. Он посмотрел по сторонам и опять: р-ррр! – забарабанил клювом по стволу так, что головы от быстрых движений почти не видно.

– Ну вот, Федор, – торжествующе сказал Росин, – значит, весна не за горами – дятел забарабанил!

Снаружи снова донеслась резкая громкая трель.

– Ишь разбарабанился, будто и впрямь весна. Какое же нынче число?

– Да еще только пятнадцатое февраля... Пятнадцатое февраля, – в раздумье повторил Росин.

«В середине февраля у Василь Васильевича персональная выставка. Интересно, как ее примут?»

Росин вспомнил, как однажды в тайге он встретил человека с мольбертом. Уже пожилой, с густыми бровями мужчина писал поваленную ветром ветлу. «Почему она заинтересовала его?» – подумал Росин, подошел и взглянул на картину. На полотне было подчеркнуто то, что в природе замечалось как-то не сразу. Поврежденное ветром дерево, как руками, подхватывали ветки другого дерева... «Посмотреть бы, что у него нового».

После обеда Федор принялся обстругивать борта лодки

изнутри.

Построгал немного, взял камень и поточил нож... Вскоре опять попробовал острие пальцем.

– Что ты все нож пробуешь? Это, Федор, не нож тупой – руки с березовой каши не режут. Давай-ка я построгаю.

Федор отдал нож и, почти не прихрамывая, пошел к нарам.

– Что-то мне вспомнилось, Федор, когда собрание было, на передней скамейке хант сидел без ноги. У него еще палка длинная была с широким наконечником.

– Тауров это.

– Чем он в колхозе занимается?

– Промыслом занимается. Уедет на оленях в урман и скачет там на одной ноге с палкой. Да ловко как получается, только поспевай за ним. Всякую работу делает. Сердится, когда про ногу поминают. Мы уж привыкли, он вроде и не хромой у нас. Я его частенько поминал. Другой раз вздумается: «А ну как не заживет нога?» А его вспомнишь – и вроде веселей.

– А что у него с ногой случилось?

– У нас тут чаще одна беда – медведь покалечил...

...Вчера по-весеннему барабанил дятел, а сегодня как умерла тайга. Ни звука, ни малейшего движения. Снег и деревья в тяжелых белых шапках.

С заиндевевшими усами и бородой, в бурундучьей, невесть как сшитой шапке, Росин брел по тайге, слыша толь-

ко шорох своих снегоступов.

Вот и слопцы. В который уж раз расчищал их от снега. «Неужели ни один тетерев или глухарь так и не соблазнится этой рябиной?» С каждой вывешенной для приманки грозди Росин осторожно срывал по ягодке. Каждую четную клал в рот и, долго смакуя, жевал, каждую нечетную откладывал в карман, Федору.

Пуф, пуф – разлетался под снегоступами снег. Росин возвращался обратно. В руках наготове лук и стрелы. «Хоть бы вспорхнул кто-нибудь. Хоть бы белка где перескочила... „Хвост тушки белки, – вспомнил Росин какую-то старинную статью, ратующую за употребление в пищу беличьего мяса, – хвост тушки белки должен отрубаться по эстетическим соображениям...“ Вряд ли бы мы сейчас хоть грамм мяса выбросили по эстетическим соображениям!»

Неожиданно, хоть только этого и ждал, из-под снега вылетел тетерев и уселся на сук березы. Росин вскинул лук и, преодолевая боль в помороженных пальцах, натянул тетиву. Не чувствуя за болью меры, натянул сильнее – треск! – и древко лука переломилось...

– Нам все ветер встречь, – проворчал Федор, увидев в руках Росина обломок лука. – Сильно, поди, натянул. Мороз ведь.

Федор положил на стол дневную порцию мяса, рыбы и ягод.

– Как думаешь, кошка бы этим наелась? – спросил Росин,

глядя на разложенные на столе крохи.

– Может, и наелась бы, если не с голодухи.

– Ну а как ты думаешь, мы на этом пайке протянем еще хотя бы неделю?

– Не неделю протянем, если вот это есть будем. – Федор поставил на стол большой дымящийся горшок с бурой масляной пареной коры.

– Опять за свое. Ноги ты с этой коры протянешь! Надо хотя бы удвоить дневные пайки. Пусть не хватит до весны. Пока съедим все, найдем какой-нибудь выход, добудем что-нибудь.

– Сейчас добыть надо. Паек таким оставим, хотя помаленьку, а на каждый день.

– «На каждый день»! Да я через три дня с голоду сдохну!

– Покуда лабаз не совсем пустой, с голода не померем.

– Но я больше не могу! Не могу есть крохи, когда хоть раз можно наесться досыта! Я только и думаю о еде! Ни о чем другом не могу думать!

– А я еще о Наталье с Надюшкой думаю. Мне к ним вернуться надо. Потому вот и кору ем.

Росин прошел туда и обратно по избушке и резко повернулся к Федору:

– Ты думаешь, я меньше тебя вернуться хочу! – Еще раз прошелся туда, обратно. – Изверг ты.

Росин сел и, обжигаясь, принялся есть кору.

– Ты хоть подуй.

– Так вкуснее! Вернее, безвкусней. Горячо и, к счастью, вкуса не разбираешь.

Съели почти все, что было в горшке.

– Добре. А теперь вот этим закусим. – Федор повернулся к лежащим на столе крохотным кусочкам мяса и рыбы.

Росин не ел мясо, а, положив в рот, сосал, как будто так можно было высосать из него гораздо больше калорий, чем если бы просто съесть. Закончив обед, он забрался на нары и принялся «ломать язык», произнося записанные на кусках бересты английские слова... Но учеба, видно, на ум не шла.

– Мы тут крохи собираем, а под носом вон какого карася снегом порошит. Давай съедим карася с рожна! Все равно теперь никто не поймается.

– А ты почему знаешь – не поймается?

– Да кто его теперь учует? Весь запах выморозился.

– Это мы не учуем, а зверь почует, ежели подойдет... Подбрось в огонь дров – и спать. Больше спишь – меньше ешь.

...Росин проснулся от неясного шума на улице. Не понимая, что происходит, он смотрел на лед окошка, сквозь который с трудом пробирался свет луны. В сумраке видно – и Федор приподнялся на нарах.

– Да это росомаха на рожне, – прошептал Федор.

Росин вскочил с нар, схватил из угла дубинку и бросился на улицу. Распахнул дверь и чуть не упал, отпрянув назад. Перед ним, лицом к лицу, стоял медведь-шатун! Оба замерли друг перед другом в потоке синего лунного света. Федор

застыл на нарах. Первым опомнился Росин. Молниеносным движением захлопнул дверь перед самым носом зверя и отскочил к чувалу: там еще тлели угли. Схватил со стола ворох бересты, накрыл им угли, подул изо всех сил, раздувая пламя. За дверью возня, царапанье медвежьих когтей. Злобно ворча, зверь скребся в дверь, не зная того, что мог вышибить ее одним ударом лапы. Федор уже стоял с ножом наготове. Насколько годно это оружие против разъяренного шатуна, думать не время. Ничего другого под рукой не было. Береста вспыхнула. Росин пнул ногой дверь и сунул горящий ворох в морду зверя. Медведь рявкнул, ударил лапой по огню и припустился в тайгу – только снег задымился.

С руки Росина, задетой когтем медведя, капала кровь.

Глава 27

В нелюдистой, заиндевевшей тайге одиноко стояла избушка. Ни с какой стороны не подходило к избушке ни тропки. Не было даже тропки к лабазу... Но еще вился из сугроба на крыше дымок.

Федор сидел у чувала и помешивал в горшке, в котором уже не первый час варились лоскуты медвежьей шкуры.

Росин состругивал последнюю шероховатость.

– Все, Федор, готова лодка.

– Вытолкни на волю, там подкладни готовы, – ответил Федор, даже не взглянув на лодку. Для него она была готова уже давно. И с начерно обстроганными бортами вполне бы можно было плыть.

Облачившись в ставшую короче медвежью шкуру, Росин потихоньку вытолкал в дверь долбленку и аккуратно поставил ее вдоль стены на подкладни.

– Смотри-ка, у нас теперь хоть танцуй, сколько места!.. Как там у тебя, скоро?

Федор зачерпнул ложкой несколько кусочков кожи, подул на них, потрогал пальцем.

– Нет, должно быть, не скоро.

– Схожу тогда снег измерю.

А когда вернулся, на столе уже ждал его горшок со студнеобразной едой.

– Как, Федор, пробовал?

Не раздеваясь, Росин зачерпнул ложкой.

– Ты, смотри, и правда, еда как настоящая. Куда там «березовой каше»! А главное, знаешь, что в тебе какие-то калории будут.

Льдина в окне уже потемнела.

Федор полез на нары.

Росин подошел к столу, поджег вставленную в расщеп кола лучину, сел и начал аккуратно переписывать свои записи... Лучина догорела до конца, свет начал меркнуть. Росин оторвался от записей, взял из пучка новую лучину, вставил в расщеп, поджег и снова принялся писать. На руки, на испи-санную бересту медленно опускались плавающие в воздухе черные ворсинки копоты. Росин сдувал их и писал дальше.

Но вот он отложил костяную палочку, выпрямился.

«Черт возьми, а ведь где-то есть кино! Сиди смотри, наслаждайся! И никаких забот... А потом, – раз мечтался Росин, – прийти домой. Взять книжечку, сесть или даже лечь и читать... И лучину жечь не надо... Можно позавидовать городским жителям. А ведь раньше никогда не завидовал. Разве только москвичам, которые в любое время в Ленинскую пойти могут».

Росин пошевелил пальцами, разминая их, взял костяную палочку и опять принялся писать.

«Его уже за живого не считают, а он все пишет, пишет», – глядя на Росина, думал Федор.

Время вечерних занятий определялось запасом лучины. Сегодня она сгорела раньше, чем захотелось спать. Росин перебрался к чувалу, положил бересту на колени и снова принялся водить по ней костяной палочкой. Но береста на коленях скручивалась, да и свету было мало.

«Быстрее бы утро, что ли», – подумал он и с неохотой полез на нары.

На другой день Росин встал с нар, покачнулся и упал на пол. Федор подскочил, поднял его, помог опять лечь на нары.

– Ты что это, Вадя?

– Не знаю, Федор, что-то голова закружилась. И надо же, упал. – Росин виновато улыбнулся.

Федор ушел проверять ловушки и не возвращался. Не дождавись его, Росин съел положенную на день микроскопическую порцию...

Только под вечер приплелся Федор. Скинул медвежью шкуру, проглотил приготовленный Росиным крохотный кусочек мяса и сел к чувалу.

«Он тоже скоро не сможет добираться до ловушек, – подумал Росин, глядя на его посеревшее, заросшее бородой лицо. – Его бы сейчас и Наталья не узнала. Щеки впали, глаза провалились, волосы стали матовыми и выпадают целыми клоچьями».

Посидев немного, Федор отрезал от шкуры узкий ремень и не торопясь принялся срезать с него шерсть, чтобы из кожи опять приготовить клейкую студенистую массу.

«А в Москве сейчас уже, наверно, продают мимозу, – подумал Росин. – Телеграммы бы послать к 8 Марта».

С каждым днем когда-то большая шкура становилась меньше и меньше. Теперь и этой клейкой массы не вдоволь: всю шкуру сварить нельзя, она нужна еще как одежда.

Росин перестал вставать с нар. В ушах появился какой-то звон, то и дело мутнело в глазах. Голод медленно делал свое дело. Давно уже началась атрофия мышц: руки и ноги стали страшно тонкими. Казалось, стукни нечаянно о край нар – и сломаешь.

Федор тоже не намного лучше. Часами он неподвижно лежал на нарах и молчал.

– Удивительно устроена память человека, – тихо, как будто в полузабытьи, заговорил Росин. – Я вот прошлые экспедиции вспоминаю. Сколько ведь всего было: и мо роз, и ливни, и тонули, и горели, и голодали тоже, – а сейчас из всего этого только что-нибудь веселое вспоминается. Зато все хорошее как на ладони. Горная Шория... Говорят, не хуже Швейцарии. Сейчас только и помню этот яркий осенний лес по склонам... А то, что со скалы там сорвался, уж как-то вроде и забылось... Вот так же, наверно, и после этих приключений будет. Вернемся домой, отдохнем, и все забудется: и голод этот, и тоска, и холод. Неужели так будет? А, Федор?

Федор не ответил.

«Какое же сегодня число? – думал Росин. – Я уже сколько-то дней ничего не зачеркивал в календаре. И не помню

сколько, совсем пропадает память... Вот так вот, наверное, и приходит смерть... Почему-то совсем не страшно... Федор что-то говорит. Что он говорит? Никак не могу осмыслить... А, понял, очень много снега, весной будет наводнение... Кого затопит? Ничего не пойму. О какой избушке он говорит, о каком озере? Не хочется думать. Лучше лежать, ни о чем не думая».

Стены, чувал, Федор – все начало кружиться, он что-то говорил, но сам не понимал себя.

Федор повернулся на нарах. «Что это с Вадей? Куда он встает?»

Росин, не одеваясь, без шкуры и босиком, подошел к двери, открыл и вышел из избушки.

«Неужто умом тронулся?» – испугался Федор и торопливо слез с нар.

Росин стоял босиком на снегу и смотрел пустыми глазами на озеро.

– Ты что это?

– Мы где, Федор?

– Как это где?! Ступай быстрее в избушку! Почто вышел?

– Не знаю. Что-то, Федор, с головой творится, кружится все как во сне.

– Поди ляг на нары.

Росин лег, закрыл глаза.

«Верно, с голода все, – думал Федор. – Поболе бы есть нам надо. – Он взглянул на шкуру. – От нее больше не отрежешь,

и так уж едва прикрывает от холода. – Посмотрел в заинде-
вельй, дальний от чувала угол. Там, под кустиком бересты,
остатки запасов. – Если досыта – на пару ден, а надо, самое
малое, на месяц протянуть».

Росин открыл глаза и смотрел на прокопченный потолок.
Сейчас он был почему-то, как никогда, низко.

«Как в гробу, – думал Росин. – И мрак какой-то могиль-
ный».

Лицо отекло, мелко, неприятно дрожали руки. Во всем
теле удручающая слабость.

Росин старался отвлечься, думать о чем-то другом. «Где-
то сейчас Борька? Рулит, наверное, где-нибудь по Тоболь-
скому тракту».

Вспомнилось, как два года назад в такую же вот зимнюю
ночь часа полтора стоял на дороге – и ни одной машины...
Наконец из-за поворота вырвались два белых в мельтеша-
щем снегу луча. Росин поднял руку. «Давай забирайся!» –
«О! Да у тебя „МАЗ“! Живем», – обрадовался Росин. «Жи-
вем! – согласился Борька. – Далеко?» – «В Тобольск». – «То-
ропишься?» – «Да надо бы побыстрее». – «Сегодня скоро не
доберемся... Но все равно поехали. Раньше вряд ли кто при-
едет».

Борька не торопился. Катушку с высоковольтным кабе-
лем, за которой ехал, можно было получить только завтра, во
второй половине дня. Так что время у него было, и он чуть
ли не всю ночь вытаскивал по трассе застрявшие в сугробы

машины. «Такой уж у нас, брат, обычай. А у меня вон какой зверь! Черта из болота вытащит».

«А нас отсюда и Борькин „МАЗ“ не вытащит», – подумал Росин.

Мысли сами собой возвращались к происходящему.

«Да, вот к чему привела тебя муза странствий... Неужели тут все и кончится? Сколько всяких планов... А что успел? Почти ничего. Не ахти уж какие важные экспедиции, шесть печатных статей, четыре папки необработанных материалов. И все. А сколько бы можно успеть. Если бы не надеяться на потом. Этого „потом“, оказывается, может и не быть».

Росин смотрел на потолок, стены. Они в багровых отсветах огня. Он отвернулся к стене... Но сон не приходил. Перед глазами многолюдная городская улица. «А что изменится, если в этой массе идущих людей не будет одного человека? Что из того, что какие-то книги буду читать не я, а кто-то другой? Кстати, я так могу и остаться должником в трех библиотеках. Надо было перед отъездом сдать книги».

Федор зашуршал сеном на своих нарах.

«И о нем, – продолжал думать Росин, – будут говорить, как на собрании о Якиме: „Полно мертвых-то вспоминать. Иван отведет. Что он, хуже Федора урман знает...“ Где-то сейчас Оля? Пришла, наверное, из института. Может, в кино собирается... А может, брат, как тогда, перед отъездом, опять устраивает вечеринку по случаю какого-нибудь дня рождения... Весело было. Хорошие ребята. Днем работают,

вечером в институтах. Выдается время – ходят в кино, в театры, дни рождения справляют и даже за город иногда выезжают все вместе... И у каждого есть мечта... Почему же мне всего этого мало? Ведь предлагали же место в институте... А может, Оля была у мамы и все узнала?»

Резкий, истошный крик толкнул спящего Федора. Он повернулся на нарах и уставился на Вадима.

Тот тоже поднялся на локти – слушал.

– От напужался, думал, с тобой опять что!

Над тайгой снова пронесся короткий злобный вой. И вдруг два вопля будто захлебнулись один в другом. Доносились какой-то клетот, шум, грызня!

– Рыси, что ли, сцепились? – спросил Росин.

– Так, верно. Гон у самцов. Ружье бы, обоих кончить можно. Они теперь шальные. А как у тебя голова?

– Ничего вроде. А что?

– Ты помнишь, нонче босиком на снег ходил?

– Припоминаю что-то.

Из тайги снова донеслись душераздирающие вопли больших длинноногих кошек... Росин пластом лежал на нарах. Он не спал, он просто не мог больше держаться на локтях. Его удивляло, как еще может держаться на ногах Федор. Голод как-то не брал его. Федор носил дрова, кипятил воду, ходил за березовой корой и даже кое-как старался поддерживать порядок в избушке.

У Росина вначале слегка, потом все сильнее опять начала

кружиться голова...

– Вадя, Вадя, – слышалось сквозь сон.

Открыл глаза. В избешке уже светло. Перед ним стоял Федор.

– На вот, ешь. – Федор протянул глиняную миску и ложку.

Росин удивленно посмотрел на Федора.

– Почему такой кусина мяса?! Сколько же тут норм? А у тебя? – Росин заглянул в миску Федора. Там такой же кусок, разве чуть поменьше.

– Ешь, так надо. Больше на малом пайке нельзя – помрем.

Росин открыл рот спросить еще что-то, но передумал и набросился на мясо и вкуснейший бульон. Съел, и еще сильнее захотелось есть.

– Повремени, потом еще поешь, – сказал Федор, пристраивая на угли еще горшок с мясом.

– Ты что, Федор? – с испугом спросил Росин. – Мы же так за два дня все съедим. Сам говорил: «Не медведь, на зиму не наешься».

– Так нужно. Сил набраться надо... Есть у меня задумка... Пан или пропал.

Глава 28

Федор установил в углу бревно. Росин что было силы швырнул нож. Лезвие вонзилось точно посреди маленькой затески. Это получилось так ловко, что показалось Федору случайностью. Но Росин еще раз махнул рукой, и лезвие вонзилось в свой первый след.

– Однако ладно у тебя получается, хоть и нож покороче стал. Недаром, почитай, все съели. Вернулась малость силенка, – говорил Федор, с трудом вытаскивая нож.

– Когда пойдем? – спросил Росин.

– Завтра надо. Послезавтра есть боле нечего.

...Яркая белизна снега. Щурясь от резкого света, Росин и Федор вышли из избушки. Не спеша встали на снегоступы и направились в урман.

В пестром, слатанном из разных шкурок балахоне шагал Федор. По его следам ступал Росин, одетый в короткую теперь медвежью шкуру. Оба в полосатых бурундучьих шапках. У того и другого шея спереди закрыта от мороза густой бородой, а сзади, как у попов, длиннющими волосами.

Вокруг закутанные в снег елки, кедры. По грядам сугробов угадывались заснеженные кучи валежника.

Федор остановился и кивком указал вперед. За валежником тянулись крупные следы.

Росин обошел валежник, зашел в густой ельник и, укры-

ваясь за молоденькими елочками, остановился против следов. Федор пошел дальше, а Росин принялся осторожно обрезать мешающие смотреть сучки. Федора уже не видно. Росин отоптал ногами снег и теперь неподвижно стоял на месте.

На голом, полузанесенном кусту появились два алых цветка... Еще один... Это снегири уселись на ветке. Яркое солнце смотрело сквозь ветки вроде с прищуром.

Тихо стоял Росин. Перелетевший снегирь сел чуть ли не на плечо...

Незаметно подвигалось за ветками солнце. Вот оно уже проглянуло из-за другого дерева. Не отрывая глаз, Росин смотрел и смотрел туда, где между деревьев пропадали звериные следы. От напряжения даже слезились глаза. Время от времени Росин поправлял шкуру, закрывая от холода грудь. Снял правую рукавицу, заткнул за лыковый пояс, а чтобы не мерзла рука, дышал в рукав.

Что-то серое шевельнулось вдали под еловыми лапами. Росин медленно опустил к ножнам согретую дыханием руку. Из-за стволов осторожно шла своим следом рысь. Остановилась, чуть двинула кисточками ушей, подошла ближе. Росин медленно поднял руку с ножом. Рысь рядом – холеный пятнистый мех, дикие, с зеленым огоньком глаза. Сверкнул нож, рысь вздыбилась на задних лапах и бросилась к Росину. Росин бросился к ней, готовый сам зубами перегрызть ей горло! Но рысь упала, ломая сучья, лапы судорожно вытяну-

лись, выпустив все когти.

– Федор! Готова! Давай сюда! – закричал Вадим, сложив рупором худые, костлявые руки.

– Ладный кот, – подходя, сказал Федор. – Пораньше бы. Разом его жиром помороженные пальцы залечили бы. Ишь, зайцами отъелся. Придется на ветках волочить: на себе с голодухи не осилим.

Рысь положили на широкие еловые лапы и поволокли к избушке.

– Федор, а мы ведь теперь живые!

Федор молчал, пряча в усах довольную улыбку.

– Федор, а ты не боялся, что рысь не пойдет по своим следам? Свернула бы куда-нибудь в сторону – и все.

– Почто же в сторону, если можно своим следом, а не целиком лезть? Она ведь глубокий снег не любит. Ну и с лежки так стронул, чтобы к тебе пошла, своим следом.

– Все это ясно. Ну а вдруг еще бы на какой след наткнулась и ушла?

...Весело потрескивали в чувале дрова. На жарких углях шипел большой, доверху наполненный мясом горшок. Росин уже не мог не улыбаться. Сияющий, суетился возле чувала, поворачивая вертела с шашлыками.

«Ишь, повеселел, – думал Федор, растягивая на жердине рысью шкуру. – А то ведь и выжить не чаял. Буковка к буковке отчет переписывал, чтобы другие, мол, разобраться могли. А теперь и переписывать бросил».

Федор достал из горшка громадный кусок мяса и, ухватив его обеими руками, принялся есть.

– Ну и вид у нас, Федор! Вот бы кто посмотрел. Наверняка бы пошел слух о западносибирской разновидности снежного человека.

Росин тоже ухватил здоровенный кусок.

– На каждый бы день такой горшок. Ничего бы, можно зимовать, а, Федор?

– Еще такого кота придумаем, вот и живи не тужи.

Через несколько дней Росин и Федор опять брели по заснеженному урману.

Кругом ровная, нетронутая белизна снега. Изредка попадали старые, затвердевшие следы рысей.

– Что-то последние ночи тихо было, не орали рыси. Не ушли ли?

– Вот и я, Федор, думаю. Может, и было два самца. Одного убили, а другой с рысью ушел... Тебе, пожалуй, в избушку пора – не погас бы огонь. А я еще похожу, может, все-таки найду свежий след.

...Уже не солнце – месяц светил Росину, когда он возвращался к избушке.

– Ушли, Федор, рыси. Часа три по следам шел. Так и идут напрямую. Следы не очень старые. Дня два назад ушли.

– Худо дело, – в раздумье сказал Федор, поправляя палкой дрова в чувале. – Могут не вернуться: к весне дело... Опять на голодный паек переходить надо.

На другой день в избушке опять запахло пареными вениками, и снова на столе «березовая каша». И чтобы сэкономить силы, ни Росин, ни Федор почти не вставали с нар.

– О чем думаешь? – спросил Росин, увидев, что Федор лежит с открытыми глазами.

– О винтовке, – не поворачивая головы, ответил Федор. – Ларманкин, поди, мою забрал. Поначалу он не записался, а потом вроде бы и жалел.

– Помешался ты на своей винтовке. Сколько раз говорил, достану тебе винтовку! Ведь я же работаю там, где все разнарядки на охотничье оружие составляют.

– Теперь там другой работает.

– Ничего, винтовку я тебе все равно достану, об этом не беспокойся... А я знаешь чего бы больше всего хотел?... Газетку свеженькую. Представляешь!.. От строчки бы до строчки. Скоро год – ни радио и ни газет. Как дикари... Приеду домой – целая стопа!

У Федора от этого разговора сами собой начинали двигаться пальцы, как будто свертывал самокрутку. У него разговор о газетах вызывал одно желание – покурить бы.

Он молчал. Задумался о чем-то... Задумался и Росин.

– Федор...

– Чего тебе?

– Тоска.

– Да... Не больно весело... На месяц, на два мы уходить привычные, а столько без дома – тоска... Каждую зиму на промысел. Привык вроде. А тут, на тебе, – тоска.

– Тебя вот нет, в тайге пропал. Выйдет там Наталья замуж. Молодая еще.

– Полно, так скоро не хоронят.

– Верно, не должны бы... Да скоро ли эта весна!

Росин встал с нар, распахнул дверь избушки и зажмурился. На озеро нельзя было глядеть: нестерпимо сиял снег.

– Федор, разве когда-нибудь раньше снег так блестел? А посмотри, тайга – на ветках ни снежинки. И солнце пригревает, прямо чувствуется! Сдаст зима!

– Похоже, верно, конец зиме, – сказал Федор, заглядывая

с нар в распахнутую дверь.

...Неспешно, но уступала зима свою власть весне. Неделю полторы назад шел последний снежок. Он был особенно мелким, как будто ссыпались остатки снежинок. Все шире и глубже становились воронки вокруг деревьев. Местами на них проглянули зеленые листья брусники. Невидимая еще вода начала подтачивать сугробы. Серый, пропитанный влагой снег оседал со вздохом, будто надоело ему недвижно лежать эту долгую зиму.

Однажды в полдень Росин распахнул дверь и увидел: на озере, у берега проступила над снегом полоска воды.

– Вода! Федор! Вода! Ведь мы по этой воде домой, представляешь, домой поплывем! Как все, будем жить, ты только подумай, как все! – Вадим черпал пригоршнями и разбрызгивал сверкающую на солнце воду.

Федор тоже подошел к воде, хмуρο посмотрел на кусты.

– Ты сюда погляди. Росин пожал плечами:

– Ничего не вижу. Ты о чем?

– Вода прошлую весну гляди куда поднималась. – Федор показал рукой на едва заметную белесую полоску. – Если и дальше тепло так попрет, опять столько воды будет. Затопит избушку, а плыть еще рано, по протоку лед не промоет.

...На глазах, почти как сахар в горячем чае, таял снег.

В три дня потемнело, набухло озеро. Появились забереги. И вот на одном из них зашевелился и поплыл ком снега.

– Федор! Да это же лебедь! Смотри, прилетел!

Птица настороженно, как палку, выпрямила шею, посмотрела в одну сторону, в другую и, взмахнув большими крыльями, полетела дальше, на север.

– Теперь недолго, – сказал Федор, провожая глазами птицу. – Потерпим и коры поедим.

Росин тоже стоял в дверях и смотрел на улетающую на север птицу.

– Опять с луком охотиться можно. Ты бы сшил что-нибудь непромокаемое, а то, где ни ступишь, вода.

– С таким струментом не пошьешь. В избушке сидеть придется. Весной вода едкая, разом застудишься. Особенно на голодное брюхо. Вон уж у порога вода проступила. Скоро поплывем.

Красный шар солнца еще высоко над горизонтом завяз в непроглядном сером тумане. А под вечер над тайгой расползлась морозящая мелким дождем густая серая хмарь.

– Слышишь, Федор, как дождь шумит?

– Этот быстро снег сгонит, – ответил Федор.

Росину теперь было страшно спать. Он боялся, что уснет и больше не проснется. Каждый вечер его мучила эта мысль. И когда он просыпался, то просыпался с радостью, что жив.

Неспешно горел в чувале огонь. Пламя расползлось по костру и будто глодало свою пищу, оставляя от дров только хрящеватые рядки красных углей... Поздно ночью последний язычок пламени мигнул... мигнул еще раз и пропал, унеся с собой свет. Сразу зашевелились на нарах Росин и

Федор. Темно – значит, время подбросить дров. Они научились помнить это даже во сне.

– Лежи, Федор, я встану.

Росин прыгнул на пол. Бултых!.. И ноги в воде.

– Неужто вода в избушке? – испугался Федор.

– Холоднющая, как лед! – Росин был уже снова на нарах.

За стенкой шумел ливень.

Федор бросил на угли клок сена. Оно вспыхнуло и на секунду осветило избушку. Черная вода уже подбиралась к нарам, к чувалу. Она залила всю избушку. Плавали дрова, кое-где всплыли жердины пола.

Сено сгорело – опять только угли было видно в чувале.

– Озеро из берегов вышло! – не то с радостью, не то с испугом проговорил Федор.

За дверь шум ветра мешался с шумом ливня.

– Вадя, лодка!

Глава 29

Лодку, к счастью, удалось найти.

Теперь она маленькой пирогой плыла по весенней, в солнечных зайчиках воде.

Впереди сидел Росин, одетый в остатки медвежьей шкуры, на корме – Федор в своем пестром, собранном из разных шкурок балахоне.

Пришел наконец этот долгожданный день, когда избушка осталась где-то позади... Но опасность предстоящего пути мешала радоваться. Руки едва держали весло, а впереди завалы и все тот же изнуряющий голод...

– А что, Федор, здорово перепугался, когда лодку унесло?

– Думать надо. Ладно, под елку загнало. А кабы в озеро?...

Время от времени Федор подбрасывал в миску сухие гнилушки, и из нее вился голубоватый дымок.

Оставляя над водой полоски дыма, все дальше уплывала лодка.

Теперь, когда избушка осталась где-то там, позади, Росину сделалось вдруг жалко ее. Жалко эту ненавистную избушку, в которой они жили оторванными от всего мира. Но ведь в ней они прожили почти год. Кроме бед, там были и радости.

Вот и соседнее озерцо. Поплыли краем, где лед отошел от берега.

– Гляди-ка, Вадя! – Федор резко затормозил вес лом.

Из воды торчала, вмерзшая в лед, их старая лодка.

– Так вот она где! В другом озере, – удивился Росин. – Как же она с ней в протоке не застряла?

– Потемнела. И льдом ишь порвало. Теперь уже негодная.

Из озера вода стремительно мчалась узкой ледяной канавой. Лодка осторожно скользнула в нее и понеслась так, что Росин и Федор едва управлялись на поворотах.

– Лодку бы не расшибить, – хмурился Федор. – Рановато тронулись.

– Уже двое суток, как карася с рожна съели, а ты – «рановато».

За поворотом вода неслась под висящий на берегах протока лед. Не слушаясь весел, туда же устремилась лодка!.. Росин изловчился и, ухватившись за куст, удержал лодку.

– Вылазь, волоком потянем, – сказал Федор.

Наступая на свои синие тени, они, как нарточку, потащили лодку по льду.

Внизу с шумом неслась вода.

– Не провалимся? – побаивался Росин.

– Не должны. Весу в нас теперь раза в три, поди, меньше.

В низине протока разлился, течение утихло. Теперь можно и осмотреться, не боясь разбиться на повороте или попасть под лед.

Вытаявший из-под снега муравейник, сиреневые от оживших почек березки, проглянувшая земля – во всем уже по-

явилась и чувствуется необоримая сила жизни. Пахло оттаявшей землей. Там, где сошел снег, земля дышала – стоял чуть заметный парок. По окраинам луж появились первые зеленые ростки травы.

На верхушке осинки самозабвенно распевала бело-шапочная овсянка. Трехпалый дятел с желтой отметиной на голове прицепился к стволу березки, осмотрел белую кору и резко ударил по ней клювом! Пробил и принялся сосать из дырочки березовый сок.

– Нам тоже хоть березового сока напиться надо. А то ведь сколько времени ничего не ели. А в соке все какие-нибудь питательные вещества есть.

– Остановиться надо! – согласился Федор. – Только какой прок в соке. Шкуру надо варить.

Долго бурлила вода в закопченном горшке, где варилась шкура.

– Еда – и то мучение. Иначе и не назовешь, – ворчал Росин, давясь приготовленным из шкуры месивом. – Надо же, весь остаток дня ушел на то, чтобы приготовить эту бурду.

Неторопливо поплыл по небу узкий сверкающий месяц. Угомонились ручейки, и морозец начал затягивать пленочкой льда стоячую воду.

– Что же, Вадя, спать пора.

Из-под выворота, где горел костер, перебросили в сторону недогоревшие головешки, смели золу и угли. А на прогретую землю положили толстый слой кедровых веток...

Наутро, доев остатки вареной шкуры, снова в путь. Теперь уже приходилось внимательно смотреть, чтобы не потерять проток в сплошном разливе.

– Паводок-то какой... Этой весной собирался на Быстрянку поехать. Бобров мы там выпустили. Хотел посмотреть, не заливают ли весной норы.

На не затопленной водой гриве Росин увидел вытяавшие из-под снега кедровые шишки.

– Давай причалим, может, орехи в них остались.

– Полно, разве мыши оставляют?

В дальнем конце гривы что-то мелькнуло.

– Федор, лиса!

Подхватив палку, Росин пустился по гриве. Между кустами, стелясь по земле, мелькала лисица. Федор, припадая на больную ногу, тоже торопился к кустарнику. Лисица метнулась по узкой полоске земли. Росин рядом. Размахнулся, но лисица – в воду и поплыла. Росин с ходу за ней – и с головой в воду. Вынырнул – быстрее на берег.

– Почто ты в воду плюхнул?

– Думал, мелко.

Лиса доплыла до другой гривы и тут же пропала за древесным хламом.

– Вот, Федор, что значит высококалорийная пища. Не то что поешь, а только увидишь – сразу организм полон сил. Вон мы как с тобой по гриве скакали. Только хворост трещал.

– Хуже собак изголодались. Те лису не едят, а нам бы только дай.

Высушив возле костра лохмотья, поплыли дальше.

– Вот еще грива хорошая, – сказал Росин, – кажется, со всех сторон вода. Давай завернем, может, зайчишку какого поймаем.

Федор направил лодку к гриве, но, не доплыв нескольких метров, резко отвернул в сторону.

– Тут нас самих словить могут. Глянь-ка, вон следы как лапти – медведь. Не хуже нас голодный. Только из берлоги. Видишь, на снегу валялся, шерсть оттирал. Давай-ка уж своей дорогой.

Время от времени проносились утки. Росин по привычке, тянулся к луку, но руки теперь не могли даже как следует натянуть тетиву. Вчера почти вплотную подкрался к глухарю, но только ранил птицу. Та потеряла было равновесие, но быстро-быстро замахала крыльями и улетела... Не раз пытался добыть рябчика. Но стрелы летели мимо... Пробовал опять тренироваться – ничего не вышло. Дрожали руки. Надо было хоть немного больше есть. Лодка лавировала между всплывших валежин, проплывала над замшелыми грудями полусгнивших деревьев.

– Высокая нонче вода. Местами поверх завалов плывем. Эдак мы скоро до русла доберемся! Особливо если почаще напрямую срезать будем.

Через несколько дней, изможденные голодом и устало-

стью, они стояли на берегу реки и смотрели воспаленными глазами на ее полноводное русло. А по нему сплошной белой массой плыли льдины. Плыли беспокойно. Давили друг друга, вставали на дыбы, обнажая зеленоватый скол. Перевертывались, ломали края у соседних льдин.

В реку вдавался небольшой полуостров. Сейчас он был затоплен, и над ним тоже плыли льдины. С ними боролась пара стоящих рядом молоденьких березок. То одна, то другая льдина напозала на них, пытаясь сломать. Березки вздрагивали, гнулись. Но сдерживали напор и медленно начинали выпрямляться, отжимая льдину обратно. Льдина разворачивалась и, подталкиваемая другими, проплывала уже сбоку. А у березок опять борьба – другая льдина хотела сломать их.

– Смекали плыть тут без горя, а обернулось – в самой поре ледокол! Разом лодку раздавит. Ждать придется, покуда лед реже будет.

– Как же, Федор, ждать? Ведь мы через день, через два с голода подохнем.

– Ничего, теперича недолго. Шкуру варить будем. Почто ее жалеть? Зима прошла.

– «Шкуру»! Меня от одного слова мутит... Ты пока тут устраивайся, а я пройду берегом, может, найду чего.

...Вернулся Росин не скоро. Проходя мимо лодки, что-то сунул под связку бересты и только потом подошел к костру.

– Нашел ли чего?

– Ничего, – буркнул Росин и принялся подтаскивать к ко-

стру валежник. Нечаянно задел суком за бересту, и из-под нее высунулся уголок свежей берестяной коробки. Росин поспешно прикрыл его.

– Чего это ты все прячешь? – удивился Федор.

– Да так, ничего, – замылся Росин. – А впрочем, посмотри.

А то подумаешь, нашел, мол, что-то и один съесть хочет.

– Ты что, сдурел?

– Нет, все-таки посмотри и знай: на самый крайний случай запас есть, кое-что нашел.

Росин поднял крышку... На дне коробки лежала черная с разможенной головой гадюка.

– Да, – в раздумье сказал Федор. – Шибко помирать не хочется. Особенно сейчас, перед домом. Вроде уж и эта гадость не так воротит, зря прятал... Только не сейчас, уברי куда, а там видно будет.

Федор подсел к костру и принялся чинить бродни, прокалывая дырки шилом из прочного клюва черного дятла. Росин занялся шкурой – сегодня его очередь готовить обед. Вдруг он опустил руку с лоскутом шкуры. Федор тоже застыл в напряжении. Уши едва улавливали какой-то далекий знакомый звук...

И вот оба вскочили на ноги, завертели поднятыми головами. Теперь ясно был слышен гул самолета. Мотор ревел ближе, ближе, но самолета не видно: мешали деревья. Наконец в стороне показался не самолет, а вертолет. Федор что-то кричал. Росин тоже. Махали руками... Но вертолет летел своим

курсом. Люди метались на берегу и, не переставая кричать, махали руками. А вертолет улетал все дальше и дальше... Он уже далеко, его не видно... Пропал и шум мотора. Опустив руки, оба молча смотрели на вершины деревьев, за которыми пропал вертолет.

– Федор, а ведь он за нами прилетал! Где-нибудь утку убили с нашим письмом.

– Как раз с озера летел. Верно, так.

– Представляешь, сегодня бы уже были дома.

– Душу только разбередил. Неужто дым-то не видел? – Федор ковырнул палкой в костре.

– Какой тут дым, одни угли. А может, вернется? В избушке нет – на реке искать будет...

– Почто ему вертаться? Кого в такой ледоход на реке искать?... Да и далече с реки до избушки. Поди, и ни к чему, что мы тут...

– Не пора трогаться? – спросил на другой день Росин. – Поредел лед.

– Рано, однако. Попадем между льдин – раздавит. Еще ждать надо.

Наконец долбленка на воде.

– Смотри-ка, а устояли березки! – обрадовался Росин.

– Хорошо стоят: вместе. А по одной бы давно сломало.

Лодка медленно двигалась среди редких запоздалых льдин. Сейчас ее больше несло течение, а не весла, зажатые в бессильных от голода руках.

Вдоль берегов один за другим тянулись знакомые пески. Только сейчас они почти залиты высокой весенней водой.

– Течение что-то тихое... – Федор осмотрелся по сторонам. – Неужто затор? Гляди, как вода поднялась, даже из берегов повышла.

Спереди донесся шум падающей воды.

– Давай ближе к берегу, – заторопил Федор.

Осторожно пробиралась лодка краем вышедшей из берегов воды. За поворотом показался громадный ледяной затор. В нем тысячи кубометров льда. Льдины нагромодились друг на друга. Лодка продвинулась дальше. Стал виден весь затор.

– Это что-то невероятное! Посмотри, Федор, это настоящая громадная плотина из льда.

– Целое озеро воды держит. Грива тут не к месту. Поперек обоих берегов проходит, не перельешь. Давай-ка на сухое выбираться. Посуху затор обтащим.

Мягко ступали ноги на влажную зеленую прель.

– Смотри-ка, воды за затором почти нет, мало совсем.

– Нам хватит, – сказал Федор, заглядывая с гривы в реку. – Я думал, меньше будет, а это еще ладно.

– А если прорвет эту плотину?

– Как мух раздавит. Помнишь, на собрании Якима поминали? Как раз вот так попал. Поторапливайся, а то, чего доброго, на самом деле прорвет.

Сели в лодку. Росин еще раз обернулся назад. Ледяная

Глыба медленно сползла вниз и рухнула в воду. Федор обернулся на шум.

– Промывает помаленьку. Поплывем, куда совсем не промыло.

Росин то и дело оглядывался.

Сзади опять что-то ухнуло в воду. Оглянулся – на воде колыхалась здоровенная льдина.

– Не отжимайся от берега.

Сзади донесся глухой, все нарастающий и вот уже страшный шум! Федор выскочил из лодки и что-то кричал Росину. Все заглушал шум воды. Федор выдернул из воды долбленку и так толкнул ее вверх по склону, что, казалось, это была ненастоящая лодка. Росин тоже карабкался вверх по яру. Под ногами осыпалась земля. Оба спотыкались, падали. Но отчаянно лезли вверх и тащили лодку. И вот предел: дальше яр высился стеной. Прижавшись к ней и повернув бородатые лица, ждали. Громадная масса воды, сломив ледяную преграду, мчалась, сметая все на пути. Льдины ударяли по прибрежным деревьям, подминали их под себя. Водяной вал перемалывал льдины, вертел деревья, шумел, шипел. Вот он уже возле них!.. Ревела, клокотала у ног вода. Вставали на дыбы, сталкивались и вдребезги разбивались льдины. И тут только стало ясно – нет, не достанет.

– Испужался? – Федор наконец пошевелился.

– Знаешь, не особенно. Не может быть, думаю, год прожить и под конец так глупо утонуть.

...Далеко вниз ушла из-под ног вода. Придерживая скользкую, как санки, лодку, спустились по склону. На земле борозды, оставленные льдинами, клочья пены.

Долбленка опять медленно двигалась по воде вместе с редкими запоздалыми льдинами... А ночью, пока спали у костра, уплыли и эти льдины. Едва двигая веслами, плыли теперь по чистой воде.

– Ничего, с каждым упором ближе к дому, – подбадривал Федор.

– Только поэтому и гребу.

Медленно уходили за корму плесы, пески, повороты. Вдруг Росин торопливо вскинул голову. Над ними живой, чуть колышущейся линией летели журавли.

– К гнездам вертаются. Ишь как весело машут – тоже, чай, домой-то радостно вернуться... Что-то покурить засосало!

Росин повернулся к Федору и стал подкидывать в глиняную миску сухие гнилушки. Федор вдруг перестал грести. Он смотрел вверх Росина. Росин взглянул на Федора и все понял. Обернулся, едва не опрокинув лодку, – на повороте в долбленке человек! И Федор видит – значит, не кажется! Оба разом – за весла и яростно грести: к нему, к нему!

Движение весла – и круто развернулась долбленка ханта. Уже плыла от них, быстрее от них! Росин и Федор опустили весла.

– Эй, ты куда? – крикнул Росин.

Хант перестал грести.

– Однако Купландей! – удивился Федор. – Да я же это, Купландей!

– Кто «я»?

И вдруг из лодки ханта метнулось в воду что-то бурое! Радостно визжа, к лодке плыла собака.

– Юган!.. Юган!.. – поднялся Федор.

– Ба! Федор! Живой! – Несколько взмахов весла – и хант подплыл вплотную. – Ай, ай, какой ты! Худой! Борода! Шибко плохой!

– Как дома?... Живы?... – спросил Федор, и рука, трепавшая загривок собаки, замерла.

– Почто не живы? Живы все. Где был? Весь Черный материк искали. Самолеты, вертолеты летал.

– Не был в материке. В Дикий урман ушли.

– Ай-ай! – качал головой Купландей и повернулся к Росину. – Зачем говорил: «Черный материк пойду»?

– Так уж получилось. – Росин не отрывал от ханта сияющих глаз.

– Сестра твой из Москвы прилетала, – улыбаясь, сказал хант.

– Сестра?! – удивился Росин. – Звать как?

– Еля. Шибко красивый. Волосы, как колонок, желтый. Смелый шибко. С нами в тайгу ходил: одна хотела искать. – Узкие глаза Купландея стали еще уже в лукавой улыбке. – Знаем, какой сестра. Наталья сказывал... И теперь, однако, письма пишет.

– Купландей, ведь мы с голода пропадаем! Давай сюда тучес!

– Не, Федя. Шибко много нельзя. Худо будет.

– Знаем, давай хоть маленько.

Обо всем на свете забыли Росин и Федор, как только в руки к ним попало по ломтю настоящего ржаного хлеба.

Купландей подогнал к берегу обе лодки, вытащил из мешка и разложил в своей длинной долбленке сети.

– Сюда ложись, – показал на сети. – Домой повезу. Самим плыть долго, худой шибко, слабый. День плывем, ночь плывем – и дома.